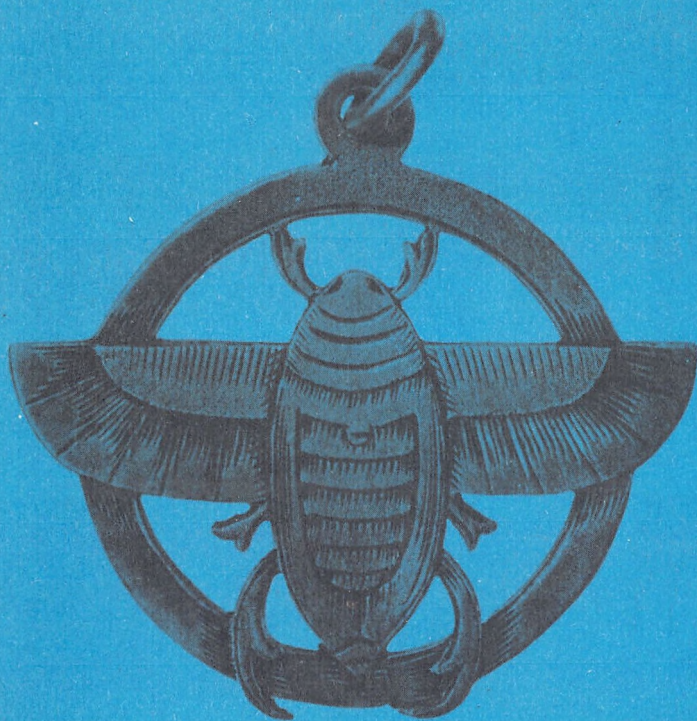

Д.С. Лихачев Н.В.Благово
Е. Б. Белодубровский

ШКОЛА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Д.С. Лихачев Н.В.Благово Е. Б. Белодубровский

Д. С. Лихачев
Н. В. Благово
Е. Б. Белодубровский

ШКОЛА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1990

ББК 74.03(2)
Л65

Лихачев Д. С. и др.

Л65 Школа на Васильевском: Кн. для учителя/Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский.— М.: Просвещение, 1990.— 159 с.: ил.— ISBN 5-09-001752-2

Эта книга — отзвук доброй памяти, которую оставила в сердцах многих поколений школа, созданная К. И. Маем в Петербурге. Высокий уровень преподавания, умело составленные программы превратили гимназию Мая в одно из лучших учебных заведений. Эта школа отличалась педагогическим демократизмом преподавателей. Она вырастила целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры нашего Отечества. В ней воспитывались Н. К. Рерих, Л. В. Успенский, В. А. Серов, А. Н. Бенуа. Педагогические принципы этой школы не утратили своей практической значимости и сегодня.

Книга будет интересна не только учителям, студентам пединститутов, учащимся педучилищ, но и широкому кругу читателей.

В книге использованы архивные фотодокументы.

Л 4306010000—524 162—90
103(03)—90

ББК 74.03(2)

ISBN 5-09-001752-2

© Лихачев Д. С., Благово Н. В.,
Белодубровский Е. Б., 1990

Я хорошо помню раннюю осень 1944 г., теплую, недождливую, озаренную неярким ленинградским солнцем. Еще шла война, но блокада была снята, жизнь в городе становилась все более похожей на мирную, школы одна за другой возобновляли свою работу. Мне предстояло идти в VI класс, но в новую школу. Как оказалось, здание школы располагалось по соседству, через три дома от того, в котором я тогда жил. На пути к школе, шагая по путилевским плитам тротуаров, надо было только пересечь еще и бульжник Среднего проспекта Васильевского острова. Снаружи школьный дом не произвел впечатления — четырехэтажное здание пыльно-песочного цвета с надписью над окнами последнего этажа «XVII средняя школа», хотя в дни моего поступления она уже называлась пятой мужской средней школой. Но внутри... Здесь непривычным, необычным и даже удивительным было многое: широкая лестница, перила которой прерывались латунными шариками, громаднейшие залы на трех этажах, аудитория физики в виде амфитеатра и, наконец, некоторые физические и химические приборы, на которых был оттиснут двуглавый орел. Еще иногда в подсобных помещениях попадались учебные плакаты по артиллерии, учебное стрелковое оружие...

Я понял, что этот дом имеет свою историю, и довольно давнюю. Но какую? Кто-то из взрослых глухо сказал однажды: «Это была гимназия Мая». «Почему Мая? — стал спрашивать я. — Разве чтили майские праздники до революции?» Но никто вразумительно объяснить мне тогда ничего не мог или не хотел. Даже учителя наши — седовласый, затянутый во флотский китель, но тем не менее, по нашим понятиям, похожий на преподавателя гимназии Василий Степанович Неверовский, строгий, как истый математик, добродушная и внимательная Галина Иеронимовна Сеславина, учительница литературы, потомок партизана 1812 г., ее преемница хлопотуша Татьяна Михайловна Дариенко, каллиграфически четкий физик Исая Яковлевич Клейман — никто никогда ни слова не говорил о гимназии.

Шли годы, но интерес к прошлому школы, которую я окончил, во мне не угасал, однако лишь в последнее время его, наконец, удалось удовлетворить. Состоялось много прекрасных встреч с бывшими учениками этой школы, открылись «тайны» архивов.

Первый, необычайно живой рассказ о гимназии К. Мая я услышал от Дмитрия Сергеевича Лихачева, благословившего меня на дальнейший сбор материалов. Позднее к этой работе присоединился и Е. Б. Белодубровский, занимавшийся данной темой еще в конце 70-х годов и знавший немало неординарных фактов.

И вот постепенно стало выясняться, что за скромными стенами этого здания многие годы добросовестно, как мы бы теперь сказали, с полной отдачей, трудились люди, беззаветно преданные учительскому делу, воспитавшие многих достойнейших сынов Отечества. И потому мне думается, что рассказ об этой школе не только может иметь исторический интерес, но и принесет пользу современным учителям, в сложную пору поисков путей перестройки народного образования.

В работе над книгой я постоянно встречал весьма доброжелательные отношения со стороны всех, кто так или иначе был связан с этой школой и к кому я обращался. Но особую признательность в первую очередь считаю своим долгом выразить Татьяне Александровне Шукаревой (Липовской), предоставившей много интереснейших материалов и сделавшей ряд ценных замечаний при чтении рукописи. Немало полезных сведений сообщила также Антонина Степановна Батурина, любезно позволившая познакомиться со своими записями по истории школы, за что выражаю ей большую благодарность. Не могу не отметить тот «оживляющий» вклад, который внесли своими рассказами старые «майские жуки» — Г. С. Гингер, Б. Г. Старк, а также, к сожалению, недавно скончавшиеся Н. А. Бенуа, А. А. Ливеровский и И. И. Фомин. Искреннюю отзывчивость проявили и родственники многих бывших «майцев» — Ф. Ф. Бенуа, А. К. Голубева (Бруни), В. Н. Кракау, Т. Л. и М. Л. Модзалевские, Р. А. Оль, Т. В. Римская-Корсакова, А. М. и В. М. Семеновы Тянь-Шанские, Б. Ф. Янус. Важную роль сыграли выполненные моим однокашником Ю. Е. Нефедовым переводы с немецкого языка нескольких воспоминаний воспитанников школы и биографии К. И. Мая. Большую работу по подготовке рукописи выполнила А. М. Бухалова, а по подготовке иллюстраций — Г. В. Трофимова. Целый ряд очень полезных сведений сообщили В. И. Дедюлин, М. И. Полевая и Н. П. Ульянов, чем оказали заметную помощь в написании книги.

Н. В. Благово

*Светлой памяти
Александра Лаврентьевича
Липовского, неумолимого
просветителя и педагога
(1867—1942)
посвящают — авторы*

АВТОРЫ — ЧИТАТЕЛЮ

Главная цель средней школы — воспитание. Образование должно быть подчинено воспитанию. Воспитание — это в первую очередь прививка нравственности и создание у учащихся навыков жизни в нравственной атмосфере. Но вторая цель, теснейшим образом связанная с развитием нравственного режима жизни, — развитие всех способностей человека и особенно тех, которые свойственны тому или иному индивидууму. Если человека образовывать и воспитывать в тесной атмосфере одной специальности, то по соседству с этой специальностью образуется вакуум, в который втягивается «воспитание улицы», навыки, полученные от таких же «узкоплечих» технарей. Поэтому воспитание и подчиненное воспитанию образование должны готовить личность, нравственную личность, личность, которая легко могла бы овладевать любой специальностью.

С этой точки зрения следует придавать большое значение гуманитарным дисциплинам. И не только потому, что они больше всего способствуют развитию интеллигентности, не только потому, что литература дает опыт нескольких жизней, логика учит мыслить и спорить, отстаивать свои убеждения, а искусствоведение учит понимать людей других эпох, особенно других национальностей (через произведения искусства мы познаем их творцов — авторов, народы и эпохи, эти произведения создавшие) и т. д., но потому еще, что искусство, литература, поэзия обостряют интуицию, крайне важную для творчества — научного, технического, творчества общественного деятеля искусства.

Это развитие способности приобретать профессию, менять профессию крайне важно для страны и нашего времени, когда целый ряд профессий уходит, а появляются все новые, которые мы должны встретить во всей нашей подготовленности к ним средней школой.

Сообщать сведения может телевизор, преподаватель-робот. Воспитывать человека может только педагог-творец. Воспитание, подчиненное задачам воспитания образование — творчество, творчество особенно тонкое, требующее внимательности, обостренной интуиции, и как всякое творчество — свободы. Педагог — творец, и его нельзя стеснять слишком детальными требованиями программ, методических указаний. Если педагог что-то особенно любит (твор-

чество поэта, писателя, художника, какой-то раздел математики, занят одной из многочисленных сторон экологии и т. п.), то ему должна быть представляема возможность привить эту любовь своим ученикам. Педагог должен (хотя бы в какой-то мере) стремиться вложить в ученика хорошие стороны своей личности. Опасно, когда хороший исполнитель методических требований одновременно мелочен, эгоистичен, бездуховен и т. д. Все это так или иначе отразится (может и не сразу) в его учениках.

Из всего, столь кратко сказанного, вытекает следствие: педагог должен быть личностью, и школа должна иметь свое лицо. По возможности, конечно! Россия всегда была страной высоких педагогов и высоких школ. Школ с большой буквы. Мы должны изучать опыт этих школ и преподававших в них педагогов. Это не менее важно, чем изучение методик преподавания. Или методики преподавания должны включить в себя опыт (изучение этого опыта) лучших школ России. Таких, как гимназия и реальное училище К. И. Мая, школа Л. Лентовской, Поливановская гимназия, Тенишевское училище, Стоюнинская гимназия, Екатерининский институт и Смольный и т. д.

Школа — это не только преподаватели. Школа — это и библиотекарь, и работники столовой, и весь ее обслуживающий персонал. Но главное, конечно, — директор школы, определяющий ее (школы) «личность», «душу», устанавливающий в ней атмосферу доброжелательства к ученикам и учителей между собой.

Школа — это и ее помещения, чистые, приветливые, красивые и индивидуальные (типовые постройки для школ — это первая капля дегтя в работу школы). И конечно, в школе должны быть и списки окончивших ее (в нашей школе учились такие-то и такие-то). Каждый должен вспоминать свою школу благодаря тому особенному, что было в ней. Школа должна иметь свою репутацию, и для этого крайне важно знать — кто из достойных людей ее окончил, а самой школе стоит интересоваться судьбой своих воспитанников.

С школой связаны обычно лучшие воспоминания жизни (но могут быть и самые худшие). И может быть, чтобы исключить худшие, давайте изучать старые, прославленные школы. Не будем абсолютизировать их опыт: все-таки другая эпоха, другое общество, другие требования. Но в наши дни, дни перестройки и преодоления в самом детстве и отрочестве зачатков жестокости, проявлений любого национализма, опыт, например, многонациональной гимназии и училища Мая может оказаться актуальным.

Никакие проблемы в нашей стране не могут быть решены полностью без подлинно нравственного воспитания, без гармоничного развития человека, умеющего жить, подготовленного к жизни нашей средней школой.

«Школа на Васильевском» — так мы называли свою книгу. Рассказ об этой школе мы не хотели бы считать данью новым веяниям, почерпнутым из уже забытого старого, — возрождению гимназий и лицеев, не хотели бы также относить свое повествование

и только к жанру мемуарному, хотя бы потому, что двое из авторов имеют прямое отношение к школе как обучавшиеся в ней. Желание наше рассказать о гимназии и реальном училище К. И. Мая — об одной из частных средних школ Петербурга-Петрограда — продиктовано общей озабоченностью в нашей стране: как вернуть школе статус очага культуры, чтобы имя школы произносились с трепетом и обожанием, чтобы по ее воспитанникам мы могли судить, как много дала она обществу. Именно такой, мы считаем, и была школа на Васильевском. Школа, которая сумела в своих педагогических принципах саккумулировать прогрессивные запросы общества, несмотря на пренебрежение вопросами педагогики и воспитания личности в большинстве школ того времени, школа, которой удалось разработать собственные, отличные от казенных учебные программы. Если кратко сформулировать те педагогические законы, по которым жила эта школа, они будут такими: *уважение к личности ученика, индивидуальный подход к каждому, стремление оказать любую поддержку ученику, развивая его способности.* Этому служили совместные путешествия, прогулки, обсуждения оценок, физическое воспитание, здоровый принцип коллективизма. Особо следует отметить внешкольную работу: филологические, биологические и рисовальные кружки, организация библиотечного дела, пожертвования книг и сбор средств для бедных жителей Васильевского острова; издание школьного журнала, ведение печатных отчетов за более чем три десятка лет. Нравственный уровень в стенах школы способствовал ее высокой педагогической основе, тщательному изучению предметов.

Демократичный стиль жизни школы во всем. В школе К. Мая были совершенно исключены антисемитизм, высокопарность, уважение старшего к младшему было законом, традицией, необходимостью. Этот закон распространялся и на преподавание. Надо бы отметить и прикладной характер каждого изучаемого предмета, что было основой обучения. Этому способствовало создание специальных лабораторий. Были в школе и столярная мастерская, класс живописи и перспективы.

Стабильность педагогического коллектива, соответствие его действий педагогическим принципам школы. Большая часть педагогов была с университетским образованием. Подбор новых педагогов осуществлялся по принципу их предметной компетентности, одаренности и духовной зрелости. Этого требовала задача — воспитание в детях интеллигентности с малых лет. В школе К. Мая многие преподаватели были одновременно или профессорами университета, или иной высшей школы, писали педагогические труды, активно участвовали в школьной жизни. В отношении педагогов к ученикам отсутствовало снисхождение к серьезным проступкам, но было стремление понять каждого и повлиять там, где это необходимо, убеждением. Тщательно продумывались формы поощрения и наказания. В преподавании не было ориентации на «среднего» ученика. Особое внимание уделялось гуманитарному разви-

тию личности каждого: формировалась культура чтения книг (их выбор, знание авторов, обязательное реферирование особо понравившихся и не понравившихся книг).

Аттестат выпускника Майской гимназии или реального училища был весьма авторитетным для любого университета не только России, но и Европы.

Традиции школы впитывались учениками и развивались дальше. Многие воспитанники школы были тесно связаны с ней на протяжении многих лет, оказывая ей разнообразную помощь в обучении и воспитании, пополняя ее кабинеты, библиотеку книгами и наглядными пособиями. Духовный заряд, полученный в школе, так или иначе распространялся в обществе через научную, творческую деятельность ее выпускников: архитекторов и писателей, ученых разных академических степеней, художников самых высоких званий, врачей и химиков, выдающихся инженеров, военных деятелей, революционеров. Особо стоят педагоги — выпускники школы, ставшие профессорами высших школ, авторами фундаментальных трудов.

Школа на Васильевском воспитала целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры нашего Отечества. Достаточно назвать некоторых: Н. П. Горбунов — первый управделами Совнаркома РСФСР и СССР, академик, секретарь АН СССР; Э. Э. Эссен — заместитель наркома в первом Советском правительстве, ректор Академии художеств; Н. Н. Качалов — член-корреспондент АН СССР, изобретатель оптического и цветного стекла; О. Д. Хвольсон — физик, автор «Курса физики», академик; Я. И. Френкель — член-корреспондент АН СССР, крупнейший физик-теоретик; А. А. Заварзин — основоположник отечественной гистологии, академик АМН СССР. Кроме того, эта знаменитая школа вырастила создателей содружества художников «Мир искусства» — А. Н. Бенуа, Н. К. Рериха, К. А. Сомова, В. А. Серова. Среди выпускников есть и писатели — Л. В. Успенский, А. А. Ливеровский, контр-адмирал В. П. Кнехт (Петровский), К. Ф. Эйнбаум и др.

Даже столь краткий ретроспективный взгляд на деятельность школы позволяет думать, что читатель заинтересуется историей ее создания, ее деятельности. А может быть (авторы надеются), педагогические принципы, тот общий духовный настрой школы, который нам так хотелось передать (воспоминания учеников школы, включенные в книгу, более всего помогут в этом), подскажут путь к вашему собственному учительскому открытию. Но и помимо этого хотелось бы надеяться, что наша убежденность в том, что именно школа стоит у истоков культуры общества (а таковой с полным правом была школа на Васильевском), поможет вам внимательно отнестись к повествованию о ней и даст возможность поразмышлять над тем, что делает школу силой культурного прогресса. Хотелось бы также думать, что эти размышления не останутся бесплодными и так или иначе приведут вас к желанию действовать на своем педагогическом поприще сообразно призванию Учителя и любви к человеку. И если это будет так, значит, наша

книга обращена именно к вам. К тем учителям, которые, пытаясь сохранить давнюю традицию, служат искусству воспитания и обучения по сердечной склонности...

К тем, кто решился совершенствовать душу ребенка и — совершенствоваться сам. Ибо это — процесс взаимный...

К тем учителям и воспитателям, которые трепетно любят историю отечественной педагогики и всякий раз вступая в класс, испытывают гордость и сомнение, «святой ужас» перед вопросительным и ироническим взглядом ученика...

И конечно, к тем учителям, которые постоянно чувствуют ответственность за каждое свое слово, каждый жест, любое прикосновение к доверчивой душе ребенка — юноши, «обдумывающего житье». К тем, для кого школа — не просто поле деятельности, а семья единомышленников: учеников, родителей, выпускников...

Работая над рукописью, разбирая архивы школы К. Мая, классные журналы, протоколы педсоветов, личные дела учителей и директоров, переписку учителей с учениками, а также перечитывая многочисленные мемуары бывших выпускников-«майцев», мы и увидели как раз такой образ учителя-просвещенца русской школы... Там свято дорожили званием педагога-наставника, подвижника, стремящегося воспитать учеников гражданами, полезными обществу, патриотами и людьми, способными на личное самопожертвование.

Сегодня время больших и настойчивых перемен в системе школьного образования. Но «новое», как известно, — это хорошо забытое «старое». Нынче многим нравственным понятиям мы пытаемся вернуть первоначальный смысл. Мы вновь спрашиваем себя: что такое *любовь*, *милосердие*, *Родина*, *семья*... Возвращаемся мы и к той школе, которая долго была для нас лишь отзвуком «дворянской сословности».

А что значит «гимназия»? Когда-то это было учебное заведение в Афинах для знатных юношей, где они усваивали основы политики, философии и литературы, одновременно серьезно занимаясь гимнастикой, усовершенствованием красоты тела... Изучение классических, гуманитарных дисциплин сохранилось и в дальнейшем...

Ныне, в Ленинграде, от гимназии К. И. Мая остался лишь... фасад! И уже редко кто из старожилов-василеостровцев, остановившись с вами на углу 14-й линии и Среднего проспекта, покажет место, где над широченной полукруглой входной школьной дверью красовался изящный барельеф майского жука — символ школьной юности, начала лета и нестерпимо ожидаемых каникул.

И уж, наверное, почти никто не помнит строго каллиграфической, в одну строку надписи, вззирающей на вас из-под самой школьной крыши: «Гимназия и реальное училище К. Мая».

ГЛАВА I РОДСТВО

Итак, пусть будет установлено, всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами.

Ян Амос Коменский

15 ноября 1671 г., более трех веков назад, в Голландии, на чужбине, «кончил жизнь» Ян Амос Коменский, выдающийся педагог и последний гуманист эпохи Возрождения. Кто сейчас не знает его имени — как «отца новой педагогики»?!

А между тем великий старец и изгнанник, борец и неугомонный учитель учителей, Ян Коменский был едва ли не сразу после почетного погребения накрепко забыт. Почти на целых два века...

Забыты были и все его гениальные педагогические, философские и богословские трактаты, закрыты наглухо основанные им некогда школы в родной Чехии и Польше.

И когда проснувшаяся Европа того же XVIII в. и весь мир узнали имена Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, назвав их в числе первооткрывателей новых идей в школьной педагогике, нашелся кто-то из любопытных чудаков-книжников, который среди старинных латинских вокабул и фолиантов натолкнулся на «Великую дидактику» Яна Амоса Коменского и — раскрыл ее...

И оказалось, что «велосипед-то давно уже изобретен»!

Ян Амос Коменский провозглашал:

Цель воспитания — делать человека человеком, то есть полно и гармонически развивать его врожденные способности.

Воспитание юности есть дело школы, которая должна научить людей:

быть мудрыми,
действовать непременно благородно,
уметь правильно и точно выражать свои мысли...

Воспитание начинается в «материнской школе», довершается же особо для этого образованными людьми — Учителями.

Их принцип должен быть один — сперва любить, потом учить...

Школы же — мастерские гуманности, братства, а не место мучения и зазубривания приевшихся истин.

Ученик, школьник должен после обучения: знать, уметь называть и понимать все, что содержит в себе целый непознаваемый мир...

И так далее.

В «Дидактике» и других наставительных трудах Яна Амоса Коменского сохранилось великое множество вдохновенных мыслей

о том, как надо учить и воспитывать человека с малых лет. Трудно удержаться, чтобы не привести еще одно наставление Коменского, которое кажется нам весьма и весьма современным: «...Юношество должно получать образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное, то есть чтобы разумное существо — человек приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия...»

Нравственности и благочестия! Точнее и лучше не скажешь.

С возвращением в мир науки имени Коменского учителя-наставника Нового времени России и Европы словно взалкали истину... А самого Коменского стали называть «Колумбом воспитания»!

И конечно, гуманистические идеи великого педагога не могли не быть близкими К. Д. Ушинскому, Н. И. Пирогову, Н. А. Добролюбову, Л. Н. Модзалевскому, А. И. Воронову, И. И. Паульсону, К. Я. Люгемиллю, П. Г. Редкину и другим признанным корифеям школьной реформы середины прошлого века.

Интересовались работами Я. А. Коменского и молодые педагоги России. Открытие педагогики Коменского для многих из них стало открытием собственной системы обучения и воспитания. Самым прямым последователем Яна Амоса Коменского на практике стал молодой петербургский педагог Карл Иванович Май. Он основал в Петербурге, на Васильевском острове частную школу для мальчиков, избрав для нее девиз из трактата Яна Коменского: «Сперва любить — потом учить...» И следовал ему долгие годы, получив блистательный практический результат...

«...В начале жизни школу помню я». Кто из нас, взрослых, не повторяет про себя эти пушкинские строки, перебирая старые школьные фотографии, год за годом с трудом, удивляясь действию времени, узнавая себя и едва припоминая имена своих сверстников-одноклассников.

Мы помним школу — по первой любви, первому очарованию и разочарованию в дружбе; первой победе над собой, первому выполненному честному слову, первой жестокой исповеди перед учителем, первому предательскому пинку в спину, окрику, первому побегу в Америку или в Африку спасти тамошних аборигенов со связкой книг и тощим кошельком.

Мы помним школу — через городские или сельские улицы и переулки, двory, тайники, где хранились наши «клятвы на верность»... Мы помним школу — по входным дверям, стенам, вдоль которых мы неистово носились, едва успевая присмиреть под строгим взглядом старших.

Но больше всего мы помним школу по именам наших учителей-наставников, любимых или нелюбимых, которые даже на слу-

чайных снимках, среди нас, юных, из года в год не меняют своих привычно торжественных поз. И как же они похожи на наших молодых дедушек и бабушек со множеством «пра», которые тоже наставительно прямо смотрят на нас в гимназических куртках, а дамы-бабушки — в строгих девческих платьях со скромной брошью.

И нам подчас даже в голову не приходит, что у всех у них был свой первый — седьмой — десятый класс, свой воспитатель — учитель — директор, свой перепачканный чернилами дневник и даже, не дай бог, бережно хранимый в томике Евангелия или Фета, Блока, ранней Ахматовой листик школьного послания к «прекрасной даме», «рыцарю» — из соседней гимназии, реального училища, каких-нибудь курсов милосердия или шитья.

Да, да! Учителя наших прародителей, их сыновей и дочерей и их учителя школьные — это все бывшие юные гимназисты и гимназистки, лицеисты, реалисты, семинаристы... А то и просто приходские школьники всевозможных российских губерний.

И именно по школе, по жесткой ученической скамье мы — их самые прямые потомки. Как по кровному родству — внуки и правнуки. Но это школьное родство — особое. Духовное. Познавательное. Общественное. Интеллигентное, что ли. В большей мере это тот тип «духовного наследия», который постоянно ощущал в себе Александр Блок. В письме к критику В. Розанову, кстати говоря, начинавшему свой творческий путь в мундире учителя Елецкой гимназии, Блок в феврале 1909 г. писал: «Ведь я, Василий Васильевич, с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма». Дед мой — А. Н. Бекетов, ректор СПб. университета, и я по происхождению и по крови «гуманист», т. е., как говорят теперь, — «интеллигент». Это значит, что я могу сколько угодно мучиться одинокими сомнениями как отдельная личность, но как часть целого я принадлежу к известной группе, которая *ни на какой компромисс* (курсив А. Блока.— *Авт.*) с враждебной ей группой не пойдет. Чем более во мне пробуждается сознание как части этого родного целого, как «гражданина своей родины», тем громче говорит во мне кровь». Но ведь школьные годы А. Н. Бекетова — это как раз почти середина XIX в., когда начали воплощаться самые прогрессивные педагогические идеи, и Блок, по-видимому, унаследовал именно их. Как, кстати говоря, и большинство его современников.

Но не следует думать, что всякая, даже столичная, гимназия или реальное училище в те далекие и не очень далекие времена были непременно прогрессивными; далеко не в каждой средней школе хранились и соблюдались традиции на манер, скажем, лицейских. Однако справедливо будет заметить, что общий характер школьного воспитания и обучения тогдашних подростков, а также уровень их подготовки к самостоятельной жизни со школьной скамьи были отнюдь не менее содержательными и духовно высокими, чем нынче. Скорее даже — наоборот...

И это несмотря на то, что всякая тогдашняя школа, как пра-

вило, была туго-натуго, словно жестким гимназическим ремнем, затянута в мундир николаевских и министерских уставов, была обязательной масса негодных полувековой давности учебников. Бывали подчас среди учителей и мракобесы, нравственные ничтожества, по образу и подобию «героев» сологубовского «Мелкого беса» или «Очерков бурсы» Помяловского... Среди таких вот мракобесов были даже министры народного просвещения России — Д. А. Толстой или А. Н. Шварц. Последний «правил» департаментом просвещения в первое десятилетие нынешнего века. Его бы давно забыли, если бы его не «обессмертил» знаменитый своей едкостью и иронией замечательный русский поэт Саша Черный:

У старца Шварца ключ от ларца,
А в ларце — просвещение,
Но старец Шварец сел на ларец
Без всякого смущения...

Один из авторов этой книги слышал эти стихи от Льва Васильевича Успенского, прекрасного писателя и петербурговеда.

Однако в большей мере среди педагогов начиная со второй половины XIX в. уже стали главенствовать неуставные, гуманистические воспитательные идеи К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Модзалевского, А. И. Воронова, П. Г. Редкина, В. В. Водовозова. В Петербурге и Москве стали выходить толстые педагогические журналы, было основано «Педагогическое общество»... «Это было удивительное время, — писал в те годы публицист и педагог Н. В. Шелгунов, — время, когда всякий захотел думать, читать, учиться и когда каждый, у кого было что за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и... потянула к себе всех более даровитых и способных людей и выдвинула массу молодых публицистов, литераторов и ученых, имена которых навсегда связывались с историей русского просвещения».

Идеи педагогов плеяды Н. А. Добролюбова и К. Д. Ушинского были подхвачены молодыми педагогами-практиками — В. Я. Стоюниным, А. Н. Острогорским, К. И. Маем, А. Л. Липовским... Вот именно им, их многочисленным единомышленникам-ученикам, избравшим педагогическое поприще, наше общество должно быть обязано тем, что русская отечественная культура, наука давно и прочно заняли одно из ведущих мест в развитии мирового прогресса. Ибо основным в их школьно-воспитательной деятельности было привитие детям сызмальства интеллигентности, патриотизма, умения себя держать, быть терпеливыми, милосердными, беречь честь смолоду. А все это, развитое умело, и могло стать залогом успешного постижения школьной, а потом и высшей науки.

Не потому ли мы и обращаемся к прошлому нашей школы? Обращаемся сегодня, чтобы наверстать утраченное, упущенное...

Конечно, и сейчас школа выпускает в жизнь талантливых людей, готовых к труду на благо Отечества, для многих и сейчас аттестат зрелости — не просто обязательный документ. Но всегда

ли, как нам того бы хотелось, как требуют нравственные законы нашего общества, духовный потенциал получивших аттестат зрелости соответствует прежнему званию интеллигента и гуманиста?

Вспомните, с какой гордостью и почтением, не в пример нам, в той или иной семье пожилые люди произносят, скажем, название родной Поливановской гимназии или Катковского лицея в Москве, Александровского лицея, Смольного института благородных девиц или гимназии Гуревича в Петербурге-Петрограде, училища имени Павла Галагена или женской Фундуклеевской в Киеве, Томской, Тифлисской, Елисаветградской гимназий, Одесского Ришельевского и многих других «казенных» учебных заведений России. А вслед за этим обязательно назовут имена одного-двух учителей, которые, оказываются, были одновременно и профессорами, писателями, общественными деятелями, чиновниками, тайными или статскими советниками, генералами, прославившими Отечество.

И еще одно отличие кажется нам существенным. Школьники минувших поколений с юных лет обладали так называемым «положительным общественным темпераментом», утраченным ныне совершенно. Мы любим смотреть старые киноплёнки, особенно хронику начала века, двадцатых годов. Многое нам кажется наивным, многое удивляет. Но всмотритесь внимательно в первый план. Кто прежде всего бросается вам в глаза? Вездесущие гимназисты и гимназистки в форменных шинелях и платьях. Нет, они не позируют перед камерой. Они — в центре событий. В толпе. Несут плакаты. Разбрасывают листовки, воззвания, продают газеты — они участвуют... А рядом — юные сестры милосердия с повязками Красного Креста или Общества св. Евгении на рукавах. На других кадрах «реалисты» учат грамоте крестьянских детей, примеряют к шинелям винтовки...

Откуда это шло? Кто прежде всего давал юному человеку повод для беспокойства, будоражил его душу? Только улица? «Шум» и «трескотня» моды, времени? Запреты? Возрастное любопытство?.. Конечно, и это! Но прежде всего — школа, класс, коллектив...

Хотя все реже и реже, но их можно узнать и сейчас — всех этих бывших тенишевцев, майцев, поливановцев, лесновцев, таганцевцев, лентовцев, выборжцев и иных школьников — в Москве ли, в Ленинграде, в Свердловске, Калуге. По походке, одежде, по какой-то едва уловимой стати, бодрому и тревожному любопытству «старомодной» галантности: в трамвае, в очереди, в театре, на выставке, у книжного прилавка... Их отличают правильная речь, умение слушать собеседника, внятно произносить свое имя-отчество, они пристально внимательно друг к другу, пристрастны к нашим легкомысленным поступкам и словам, нашей физической рыхлости, поспешности в суждениях и выводах... Этот особый облик был присущ и всем тем, кто обучался в школе на Васильевском, оказавшейся, пожалуй, одной из самых ярких по составу учеников, ставших знаменитыми. И не только на родных невыхских берегах, но вообще — во всей России. Из их биографий

можно было бы составить почти целый том советской энциклопедии. Но объединяла их не только гимназическая скамья, не только «майские» традиции, бережно хранимые и поныне выпускниками этой же, но уже советской трудовой школы тридцатых годов. Их объединяет во все годы святое убеждение, что именно в гимназические, школьные годы окончательно сложились их духовные убеждения, научные и художественные пристрастия, верность избранному пути.

И быть может, более других званий, которых они достигли в гордом и терпеливом служении обществу, звание «майского жука», «майца» было для них едва ли не самым высоким, ибо за ним, как правило, следовали прежде всего интеллигентность, духовное благородство, роднившие их со школьной скамьи.

ГЛАВА II

ФЛИГЕЛЬ У НЕВЫ

Был обычный петербургский осенний день. На календаре значилось: понедельник, 10 сентября 1856 г. (ст. стиля). Газеты сообщали текущие новости: в воскресенье в Императорском университете преподаватель Одесской гимназии Д. И. Менделеев защитил диссертацию на степень магистра; в Александринке ожидалась премьера спектакля «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» с Каратыгиным и Жулевой в главных ролях; министр народного просвещения А. С. Норов выехал из Москвы в Харьков; а «Северная пчела» напоминала, что «солнце вступило в знак Весов и по всему земному шару наступило равноденствие»...

Но именно в этот обычный день на окраине Васильевского острова, в надворном флигеле яичной лавки Ершова, что на углу Первой линии и набережной Невы у Тучкова моста, произошло событие, отзвуки которого слышны еще и в наши дни. Здесь, в гостиной одной из квартир, как вспоминал впоследствии ученик первого набора Роберт Тишбейн, родители собрали десять вихрастых мальчиков. К ним вышел молодой мужчина небольшого роста, приветливо, но строго поздоровался и начал по немецкому учебнику начальной школы читать рассказ «Осень». Учителя звали Карл Иванович Май. Это был первый урок в только что основанной им частной школе, об истории которой и пойдет наш рассказ.

Как и почему возникла эта школа и что в ней было особенно-го? Остановимся на этом подробнее.

После тридцатилетнего деспотического правления Николая I российское общество стало пробуждаться словно после долгого забытья. Усиливается внимание к различным сторонам жизни, желание осознать существующее положение, найти пути его улучшения. С особой настойчивостью общественность обращается к вопросам воспитания и образования, ибо всем становится ясно, что страна, вслед за Европой стремящаяся встать на путь буржуазного экономического развития, нуждается в грамотных рабочих и образованных служащих, а действовавшая система подготовки подрастающего поколения в тогдашней школе не могла удовлетворить такую потребность. Об этом нередко писали в то время многие газеты и журналы, особенно «Современник», но первым журналом, поместившим серьезную проблемно-аналитическую статью на педагогическую тему, был «Морской сборник».

Именно здесь, в печатном органе Морского министерства, не подверженном, согласно своему статусу, цензуре, появилась статья известного педагога и хирурга Н. И. Пирогова «Вопросы жизни. Из забытых бумаг», в которой он едва ли не впервые столь резко и активно высказался за безотлагательную необходимость реформы школьной системы образования. По случайному совпадению эта статья была напечатана в сентябрьском номере журнала за 1856 г., т. е. как раз в те дни, когда начинала свою жизнь новая школа на Васильевском острове, где с первых дней старались организовать учебный процесс по-новому, в том числе и под влиянием прогрессивных взглядов именно Н. И. Пирогова.

В своей статье Н. И. Пирогов с присущей ему бескомпромиссностью, в частности, писал: «Наше общество — не христианское общество, а разрозненные толпы, друг другу враждебные. Выйти из этого ложного и опасного положения можно только одним путем — воспитанием, задачей которого должно быть — воспитать человека, сделать нас людьми, в высоком смысле этого слова. А для этого надо дать другое направление нашим школам, которые оказались несостоятельными в воспитательном деле, и призвать на педагогическое поприще тех, кто способен к собственному перевоспитанию». И далее автор отмечал, что выпускники школы, получая некую сумму знаний, в то же время не подготовлены к борьбе со злом и косностью, не умеют самостоятельно мыслить, формировать собственные убеждения, а между тем «лишь только тот может иметь их, кто приучен с ранних лет жизни любительно и искренне правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровенным — как с наставником, так и со сверстниками...»

Выступление в печати Н. И. Пирогова получило широкий резонанс на страницах прессы того времени, заметное место среди публикаций на эту тему занял отклик Н. А. Добролюбова, помещенный в майской книжке «Современника» за 1857 г. Молодой выпускник Главного педагогического института, разделяя взгляды Н. И. Пирогова, особо обратил внимание на роль учителя как нравственного руководителя ребенка, вступающего в школу: «Искать непогрешимых, идеальных наставников и воспитателей в наше время была бы еще слишком смелая и совершенно напрасная отвага, для этого требуется слишком много условий. Прежде всего, нравственные правила воспитателя должны быть безусловно верны и строго проведены по всем, самым частным и мелочным случайностям жизни... Кроме того, в воспитателе предполагается еще при этом совершенное бесстрашие: он не может увлечься ни гневом, ни любовью, не может чувствовать лени и утомления, для него не может существовать хорошее или дурное расположение духа, он должен быть не обыкновенным человеком, а особенного рода снарядом, в котором должен, без всяких уклонений, осуществляться нравственный закон... Он должен иметь силы вести воспитанника верным и самым лучшим путем на всяком поприще. Откроет ли он в ребенке склонность к музыке, к живописи,

страсть к ботанике, легкость математического соображения, поэтическое чувство, способность к изучению языков и пр. и пр., он должен быть вполне способен развить все в своем питомце».

Необходимость реформы школьного образования признавали и официальные чиновники Министерства народного просвещения (МНП). Так, А. С. Воронов, о котором известный прогрессивный педагог Л. Н. Модзалевский сказал, что это «честнейший труженик и поборник народного образования», будучи председателем Ученого комитета МНП, в одном из своих докладов писал: «Гимназическое преподавание лишено у нас единства и твердого основания и носит в себе чисто случайный, неопределенный характер». А журнал МНП характеризовал состояние среднего образования в России в следующих выражениях: «Гимназии потеряли под собой классическую почву и не приобрели вместо нее реальной», в то же время выпускники гимназий «выносили только отрывочные, большей частью бесполезные сведения»; с другой стороны, гимназии плохо готовили своих учеников к университетам, следствием чего, по отзыву многих профессоров, был упадок университетского образования. Что касается учителей, то их тот же журнал характеризовал как людей, которые «знают специальность, но не знают начал обучения и воспитания».

Однако же эта характеристика ни в коей мере не может быть отнесена к молодому основателю новой школы на Васильевском острове Петербурга.

Карл Иванович Май родился в Петербурге 29 октября 1820 г. в бедной многодетной семье. Отец его был пруссак, как тогда говорили, мать — шведка. В детские годы мальчик воспитывался в семье богатого, но бездетного дяди, женатого на француженке, благодаря чему он хорошо изучил французский язык еще в раннем возрасте, когда получал домашнее начальное образование. В 1833 г. под именем Шарль Жан Май он был зачислен в Петришуле, немецкую частную школу, основанную еще в 1710 г. и имевшую отличную репутацию¹. Однако вскоре отец, а затем и дядя умерли, и Карла перевели на пансионное обучение в этой же школе. Материальное положение семьи — матери и четырех сестер между тем становилось все более сложным, пансион стоил дорого, и мальчику, чтобы продолжить учебу, пришлось уже с 14 лет давать платные вспомогательные уроки своим нерадивым товарищам или ученикам младших классов. Уже в этом возрасте юный Карл проявил определенные педагогические способности — умение доходчиво, образно рассказывать и объяснять, проявлять терпение и выдержку, проводя занятия. Благодаря добросовестному отношению к частным урокам он настолько хорошо зарекомендовал себя, что в 16 лет получил постоянное оплачиваемое место вспомогательного педагога в соседнем пансионе, чем оказал серьезную материальную помощь семье. Свою учебу он при этом не

¹ Здание школы, расположенное на Б. Конюшенной, д. 10, несмотря на ряд переделок, сохранилось до нашего времени, и по-прежнему в нем учатся дети.

только не оставил, но сумел в 1838 г. окончить Петришуле, что было отмечено вручением золотого кольца¹, учрежденного в этой школе в качестве эквивалента золотой медали правительственных гимназий.

Некоторое время после окончания школы К. И. Май вынужден был заниматься частными уроками буквально с утра до вечера, чтобы дать возможность сестрам получить образование и накопить денег для продолжения своей учебы в высшем учебном заведении. Несмотря на его старания, семья в то время жила в большой нужде. Уже в зрелые годы Карл Иванович вспоминал, что нередко, возвращаясь домой поздно вечером после уроков, он застал мать и сестер сидящими в темноте, так как не было денег, чтобы купить свечи. Все же постепенно, упорным и самоотверженным трудом, К. И. Май заработал сумму, которая позволила сестрам окончить школу, а ему поступить на историко-филологический факультет Петербургского университета. И здесь во время учебы он также продолжал давать частные уроки. В 1845 г. он окончил университет «кандидатом», такое звание тогда давалось окончившим с отличием.

Сразу после завершения образования ему, молодому способному педагогу, было предложено хорошо оплачиваемое место домашнего преподавателя и воспитателя Андрея Дашкова, младшего сына бывшего министра юстиции, литератора и любителя старины Д. В. Дашкова (1784—1839). Во время службы у Дашкова, впрочем, как и во все периоды своей жизни, К. И. Май все свое свободное время, буквально каждую минуту отдавал самообразованию, читал много книг по истории, географии, педагогике, философии, уделял большое внимание литературе по социальным и политическим вопросам. Вместе с семьей Дашковых К. И. Май неоднократно выезжал во Францию, Германию, Австрию, где часто посещал лекции в различных университетах, расширяя и углубляя свои знания. Особенно большое впечатление произвели на него лекции в Вене известного географа Карла Риттера, что, как увидим позже, сыграло определенную роль в выборе его педагогической специальности. Находясь в семье Дашковых, Карл Иванович подружился со старшим братом своего воспитанника — Дмитрием и оказал на него немалое влияние, в том числе в выборе жизненного пути. Д. Д. Дашков (умер в 1901 г.) впоследствии стал известным деятелем народного просвещения Рязанской губернии.

После того как его воспитанник достаточно подрос, Карл Иванович почувствовал, что он как учитель уже не нужен и сам отказался от этого выгодного места, несмотря на настойчивые просьбы остаться. Затем он некоторое время преподавал в различных частных учебных заведениях — шведской школе, женской школе фрау Рехенберг, детском заведении Штюрмера, наряду с

¹ Первоначально на кольце изображались два ключа (апостол Петр хранил ключи от рая), а позже — эмалевая монограмма «St. P.».

этим по-прежнему давая и частные уроки. Однако такая не вполне постоянная работа его не очень удовлетворяла, и тогда он, преодолев сомнения в собственной педагогической зрелости, предложил свои услуги в качестве преподавателя в Лесной институт, куда и был принят в 1852 г. Сомнения тогда еще молодого преподавателя оказались напрасными. По окончании последней лекции в первый год своей работы со студентами он был вынесен ими из аудитории на руках вместе с креслом под крики «ура!», чем был немало смущен, не знакомый ранее со столь необычным способом выражения признательности. С самого начала службы в Лесном институте К. И. Май сумел установить строгие, но в то же время доверительные отношения со студентами, что в немалой степени обогащало и его самого, помогало приобрести опыт преподавания предмета различным группам студентов. Оставить работу в Лесном институте ему пришлось уже после основания собственной школы, когда последняя стала занимать практически все время.

При расставании 20 марта 1859 г. К. И. Маю, в частности, была прочитана и вручена небольшая поэма, искренне названная «Голос сердца», каждое слово которой буквально дышало любовью и признательностью. Вот начальные строки этого прощального послания:

О, люди, все от нас берите,
Мы даже жизнь отдали б вам,
Хоть географию возьмите —
Оставьте Мая только нам.
Кто будет нас, так одиноких,
Разнообразно научать,
Уроки мудрости глубокой
Шутя нам в голову влагать.

А заканчивались эти любительские стихи так:

Умел он скучную науку
Веселой сделать и живой —
Мы никогда не знали скуки,
Уча урок его большой.
О, век бы целый не расстались,
Учитель милый наш, с тобой,
К тебе мы сердцем привязались,
Но что же сделаешь с судьбой.

Помимо преподавания географии в Лесном институте К. И. Май продолжал и частную практику, число его подопечных все время увеличивалось, успехи их были бесспорны и постоянны. Поэтому именно ему, К. И. Маю, зарекомендовавшему себя незаурядным педагогом-практиком, ряд его друзей и знакомых, родители, желавшие дать хорошую подготовку своим детям, предложили создать новую частную школу. При своем основании школа была немецкой. Первые ее ученики — Роберт Тишбейн, Роберт и Виль-

гельм Банг, братья Геймбюргер, братья Штейнеры, Эстеррайх — принадлежали к немецким семействам, во множестве жившим в то время на Васильевском острове еще со времен основания города Петром Первым.

Иван Иванович Панаев, описывая Васильевский в районе Галерной гавани в 1857 г. (кстати говоря, в том же «Современнике»), отмечал: «Каким-то миром и спокойствием охватывает Вас, когда Вы углубитесь в линии Васильевского острова... Эти дома и домики принадлежат по большей части иностранцам — людям, помаленьку скопившим себе капиталы трудом, знающим цену деньгам... Город на Васильевском острове имеет, может быть, поэтому что-то свое, особенное, не петербургское; по скромности и наружному порядку он напоминает несколько немецкие города...» Лица немецкой национальности занимались торговлей, предпринимательством — ведь здесь были порт и биржа, или служили на ниве просвещения — в университете, Горном корпусе, Морском корпусе, Академии художеств, были связаны с Академией наук. Васильевский остров в то время по праву считался научным и студенческим центром столицы, был ее своеобразным «латинским» кварталом. Но средних учебных заведений здесь почти не было. Из пяти существовавших в Петербурге казенных гимназий четыре находились на материковой части города и только 4-я гимназия, названная по фамилии основателя Ларинской и открытая 15 августа 1834 г., размещалась на Васильевском острове (6-я линия, д. 15). Частные немецкие школы — уже упоминавшаяся Петришуле и Анненшуле (основана в 1735 г., находилась на Кирочной, д. 8) — также были в центральной части Петербурга, а Екатерининское училище на Большом проспекте Васильевского острова было открыто только в 1854 г. Эти обстоятельства, конечно, тоже создавали предпосылки для возникновения новой школы на Васильевском острове.

Давая согласие открыть собственную частную школу, К. И. Май, как он писал позднее, «чувствовал потребность применить некоторые теоретические вопросы педагогики к делу, некоторые опыты, произведенные ранее, при одиночном обучении (...), произвести в более широких размерах». Безусловно, здесь сказалась также и неудовлетворенность состоянием учебного процесса в казенных гимназиях и реальных училищах, что было уже отмечено выше.

При основании школы К. И. Май взял на себя преподавание арифметики, всеобщей истории и географии: К. И. Маю — педагогу будет еще посвящена отдельная глава, здесь же отметим только, что рассказ о любом предмете он всегда стремился сделать не только увлекательным, но и возможно более наглядным. Самым любимым предметом Карла Ивановича была география, хотя преподавать ее в свое время он начал отчасти вынужденно, вследствие отсутствия тогда хороших педагогов и учебников по этому предмету.

Для ведения других предметов К. И. Май пригласил многих своих друзей и знакомых, особенно по учебе в университете. Так,

русский язык преподавал одно время известный педагог Иосиф Иванович Паульсон, которого сменил вскоре П. И. Рогов. Древнюю историю увлекательно рассказывал будущий профессор университета Карл Якимович Люгебиль, а его жена С. А. Люгебиль вместе с сестрами Карла Ивановича — Софией и Эмилией занималась с младшими классами.

Уроки древней истории давал Флейшман, немецкого языка — Нордман, английского — Шелефельд, французского — Жонт, каллиграфии — Мессер, рисования — Ульянов. Яркие воспоминания о себе оставил хороший методист, умевший научить понять, а не выучить предмет, учитель математики Эмиль Шнейдер. Одним из самых любимых и интересных после К. И. Мая был учитель немецкой литературы, всеобщей истории и основ политэкономии Александр Брюкнер.

Особое внимание в новой школе, в отличие от казенных, уделялось физическому развитию учеников. Ежедневно по полчаса ученики под руководством учителя Муравьева занимались на гимнастических аппаратах, маршировали по двору, а также развлекались различными подвижными играми, из которых наиболее популярны были рондерс и барры.

С самого начала при школе были организованы пансион, где ученики находились круглосуточно, и полупансион — с ночлегом в домашних условиях.

Годовая плата за обучение, установленная в 1856 г. — 120 рублей в приготовительных классах, 160 рублей в остальных и 600 рублей при содержании в пансионе, — оставалась неизменной на протяжении почти пятидесяти лет, до 1903 г., когда вследствие инфляции она была увеличена соответственно до 150, 200, 650 рублей.

Дружеские отношения между преподавателями, а также между ними и родителями, общность взглядов тех и других на стоящие перед ними задачи воспитания и преподавания — все это с самого начала способствовало возникновению в школе обстановки почти семейной, наполненной постоянной заботой и вниманием к каждому ученику. Вот тогда и начал создаваться тут присущий только этому коллективу, особый, как стали говорить впоследствии, «майский дух», которым так дорожили педагоги и ученики всех поколений.

Вскоре после первых уроков число учеников новой школы возросло до 31, и тогда были образованы два класса, в соответствии с возрастом и уровнем домашней подготовки. В каждый последующий год проводился набор, как правило, только в младший класс, т. е. К. И. Май предпочитал принимать мальчиков, как он говорил, «из детской», не подвергавшихся влиянию других педагогов.

Первые учебные программы для своей школы Карл Иванович разработал сам. По содержанию они были очень простыми. В своих программах для начальных классов К. И. Май принял за основу метод наглядного преподавания, справедливо полагая, что учащиеся младшего возраста легче заинтересовать и увлечь уче-

бой, если привносить в урок максимум образности и предметности, сочетая преподавание с элементами игры. Что касается общих педагогических взглядов на организацию учебной работы в первых классах, то здесь К. И. Май был сторонником и твердым последователем известного теоретика и практика начального обучения, немецкого педагога Фридриха Фребеля, считавшего основной целью воспитания гармоничное развитие всех сил и природных данных человека. В первый период существования, до 1884 г., большинство предметов, в том числе латынь и греческий язык, преподавались на немецком языке, а по-русски излагались грамматика, словесность, история и реальные предметы — естественная история, химия, физика. Естественным наукам в учебных программах отводилось значительно больше времени, чем в казенных гимназиях, ибо К. И. Май считал необходимым развивать прикладную направленность в обучении, расширяя тем самым кругозор учеников и лучше подготавливая их к будущей практической деятельности, что соответствовало и тогдашним желанием многих родителей. Именно эта особенность в первую очередь отличала новую школу от казенных гимназий, и поэтому, когда в 1860 г. школа в основном сформировалась и окрепла, К. И. Май обратился к попечителю С.-Петербургского учебного округа с прошением об официальном признании основанного им учебного заведения. При утверждении оно получило необычное, однако соответствующее его сути название: «РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ НА СТЕПЕНИ ГИМНАЗИИ».

Итак, новая частная петербургская школа, возглавить которую решился довольно молодой педагог-практик, уже через четыре года после своего основания получила официальное признание, статус. Все это укрепило авторитет школы, придало уверенность преподавателям, директору, привлекло новых учеников.

Душой школы с первых дней ее существования был К. И. Май. И если о начале его жизненного пути уже шла речь, то теперь настало время рассказать о самом Карле Ивановиче как о человеке, избравшем в качестве главного дела всей своей жизни обучение и воспитание подрастающих поколений.

Уже давно неумолимое время не оставило среди нас тех, кому довелось или, лучше сказать, посчастливилось видеть и слышать Карла Ивановича. И, наверное, трудно было бы представить его живой облик по одной лишь фотографии или узнать о его делах, если бы многие из его воспитанников не оставили нам воспоминания о своем любимом (в этом они единодушны) учителе. Одни, став маститыми деятелями мировой культуры, такие, как А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих, включили в свои мемуары страницы школьных воспоминаний; другие, кто несколькими строчками, кто несколькими страницами, откликнулись на просьбу юбилейного комитета, и теперь, благодаря изданному в 1907 г. сборнику «50-летие школы К. Мая», мы можем читать их и лучше представить и жизнь школы, и роль ее основателя.

В этом учебном заведении многое было необычно. Едва ли в какой другой школе каждый день ее воспитанников начинался так, как в этой,— встречей со своим директором. О ритуале, предшествующем началу занятий, вспоминают многие, но лучше, ярче других о школе и ее директоре рассказал Александр Бенуа, впервые переступивший порог дома № 13 на 10-й линии Васильевского острова осенью 1885 г.

«Тон всему задавал основатель и директор гимназии, носящей его имя: Карл Иванович Май...— отметил новый «маец» и, продолжая, вскоре признал:— ...большинство учеников уважали и любили своего директора, и это нежное чувство возникало почти сразу, с момента первого контакта с ним самим. Во всяком случае я «Карлушу» полюбил именно в первый день, а затем остался верен, этому чувству до конца». И дальше перо художника рисует

нам выразительный словесный портрет незабвенного Карла Ивановича.

«Мне сразу понравилась и вся его своеобразная, я бы даже сказал, курьезная внешность. Это был маленький, щупленький, очень сгорбленный старичок, неизменно одетый в черный долгополый сюртук. В своей старчески исхудалой, точно дряблой руке он всегда вертел табакерку, которой нередко пользовался, а из заднего кармана сюртука у него торчал большой красный с желтым платок, что вообще полагалось иметь нюхальщикам табака. Уже это одно «отодвигало» Карла Ивановича во времени куда-то далеко и придавало его облику какую-то поэтическую старинность. Но совершенно своеобразным было и все лицо, вся голова Карла Ивановича: черные, как смоль, волосы (злые мальчишки уверяли, что они крашены), «кокетливо» подстриженные прямой челкой, выдающийся, до карикатурности острый красный носик. Подбородок был «украшен» опять-таки совсем черной бородкой, тогда как щеки и все вокруг рта было гладко выбрито. Подслеповатые, несколько воспаленные глаза были вооружены золотыми очками. Двигался Карл Иванович быстро, не совсем ровно, семена своими старческими ножками.

Этой смеси признаков глубокой старости, чуть ли не ветхости и сравнительной молоджавости во внешности соответствовали и черты характера Мая. Нормальным состоянием Карла Ивановича было беспредельное благодушие. Его тонкие, еле заметные губы, вечно что-то не то жевавшие, не то посвистывающие, охотно расплывались в приветливую улыбку. Но благодушие Карла Ивановича не было признаком слабости. Он мог при случае и гневаться, но только на то были всегда веские причины. В моменты огорчения он еще больше горбился, очки у него съезжали на кончик носа, и он скорбно глядел поверх них своими слезившимися глазками на провинившегося. Это УЖЕ действовало. Действовало и то, что провинившийся мальчик не удаивался того рукопожатия с Карлом Ивановичем, с которого начинался для всех каждый учебный день. Для этой церемонии Карл Иванович становился на верхней площадке лестницы, откуда мы попадали в рекреационный зал и в классы, а старческую свою, точно безжизненную руку он держал перед собой «для общего пользования». Торопливо проходили один за другим ученики мимо этой безучастной фигуры, произнося приветствие, скорее хватая эту руку, нежели пожимая ее. Но безучастность Карла Ивановича была только кажущейся: он отлично примечал, кто с ним здоровался, и когда появлялся накануне в чем-то провинившийся (о чем успели донести Карлу Ивановичу) и очередь рукопожатия доходила до него, то ручка директора отдергивалась. Иногда при этом старческий рот шамкал по-немецки: «Мне нужно тебе сказать что-то» или «Я должен поговорить с тобой», — и это означало, что директор чрезвычайно недоволен тобой и что с глазу на глаз произойдет головомойка.

Думается, вряд ли кого утомила столь пространная цитата, скорее она дала возможность не только познакомиться с обра-

ным языком большого художника, но и представить атмосферу школы, самого К. И. Мая в роли воспитателя. Ведь стремясь каждый день видеть каждого ученика, он таким образом получал возможность лучше узнать своих питомцев, а давая понять провинившемуся, что знает о его проступке, внушение в то же время проводил без свидетелей, не задевая без надобности самолюбия ученика, ибо, по мнению все того же А. Н. Бенуа, «Карл Иванович твердо верил в то, что от юного существа всего можно добиться посредством высказывания к нему доверия». Причем формы этого «высказывания» бывали различны. Иногда он мог тактично воздействовать и на хорошую сторону самолюбия своего питомца. Так, Д. П. Семенов, выпускник 1872 г., вспоминал, что одно время он получал низкие оценки по географии, и тогда директор, стремясь пробудить его к более серьезным занятиям, однажды сказал ему: «Как тебе, сыну известного географа, не стыдно получать плохие отметки по географии. Тебе, как сыну твоего отца, менее пяти по географии никак нельзя получать». С тех пор до окончания курса он менее четырех с половиной никогда не получал.

Свидетельством предпочтения доверительных взаимоотношений с учениками была и та особенность, что наказания в школе были редки, а если и случались, то носили гуманный характер: например, никогда не лишали целиком обеда, а лишь только сладкого; если оставляли после уроков, то не более чем на три часа, и только в особо исключительных случаях запирали ненадолго в карцер, в качестве которого использовалась комната для хранения старых учебников. Но все это не значит, что доброта Карла Ивановича была безграничной и беспринципной, наоборот, отношения к ученикам, как подчеркнул в своих воспоминаниях выпускник 1874 г. Николай Епанчин, «определялись серьезной требовательностью, без поблажек и снисхождений, столь свойственных «добрым людям», доброта которых обыкновенно в результате приносит вред их питомцам». Подтверждением вышесказанного, как и твердой принципиальности К. И. Мая, служит также и факт быстрого и безоговорочного исключения из VI класса школы не простого ученика, совершившего тяжкий проступок, а родственника тогдашнего министра народного просвещения Д. А. Толстого, что произвело сильное впечатление на учеников и преподавателей школы.

И это был не единственный случай, когда директор повел себя столь решительно, что и дало основание доктору медицины Эрнесту Блессигу, выпускнику 1877 г., написать впоследствии: «Если назвать из многих превосходных свойств характера Мая самое главное, то это — его строгое чувство долга». Этим чувством он определял каждый свой поступок, каждое слово, каждое решение.

Заканчивался утренний ритуал приветствия, и ученики, кстати, не обезличенные одинаковостью гимназической формы, что было опять-таки необычно, собирались на короткую молитву, все вместе — православные, лютеране, католики, и не в школьной церкви — таковой никогда не было, а в своем рекреационном зале.

Приват-доцент С.-Петербургского университета, М. Н. Римский-Корсаков, выпускник 1891 г., сын великого композитора, так оценил этот момент в жизни школы: «В религиозном отношении направление в гимназии было очень симпатичным, а именно — чувствовался дух полной свободы и терпимости; наглядное выражение этого — общая молитва для всех учеников».

После молитвы в классах начинались уроки, один из них нередко вел сам директор. Он всю жизнь сам преподавал, ибо был прежде всего «прекрасным педагогом, по рождению и по душе...», как лаконично, но точно выразился Д. П. Семенов. Однако в своей преподавательской деятельности К. И. Май не был послушным исполнителем министерских циркуляров, а стремился постоянно улучшать, совершенствовать методику проведения уроков на базе прогрессивных педагогических принципов, выработанных такими деятелями народного образования, как основоположник теории начального обучения швейцарец И. Г. Песталоцци (1746—1827), немецкие теоретики Ф. Фребель (1742—1852) и А. Дистерверг (1790—1866). Особенно часто он обращался к трудам своих выдающихся соотечественников — Н. И. Пирогова (1810—1881) и К. Д. Ушинского (1824—1871). Одним из наиболее важных К. И. Май считал суждение Н. И. Пирогова о том, что «нельзя всех и каждого стричь под один гребень, а действовать разумно, применяясь к свойству предмета, личности, степени развития учеников и учителей», и всегда следовал этому завету. Недаром Д. П. Семенов писал, что он «умел всегда стать в такие простые и откровенные отношения с каждым воспитанником, что они хотя, конечно, безусловно слушались своего директора, но чувствовали себя с ним гораздо свободнее, чем с некоторыми из преподавателей...». Ему вторит и Г. Гадд, выпускник 1897 г.: «Карл Иванович прекрасно постиг душу своих молодых питомцев и сумел внушить им любовь к правде, уважение к себе и преподавателям...»

Педагогическая жизнь в России в период становления школы начала энергично развиваться. С 1857 г. стали выходить два специальных журнала: «Русский педагогический вестник», издаваемый Н. А. Вышнеградским, и «Журнал для воспитания» (с 1860 г. «Воспитание»), издаваемый А. А. Чумиковым, а с 1858 г. — журнал «Учитель», основанный И. И. Паульсоном. В октябре 1859 г. профессор П. Г. Редкин в своей квартире в доме № 8 на набережной реки Мойки основал первое в России «Санкт-Петербургское педагогическое общество». В этих начинаниях Карл Иванович принял живейшее участие. Во вновь созданном обществе он выступил как соучредитель наряду с Головиным, Паульсоном, Евтушевским, Любегилем и Эвальдом, а свои педагогические мысли «как плод долговременных и многократных опытов при желании общей пользы» он изложил в большой (24 с.) статье с проблемным названием «Задавать ли ученикам уроки на вакации?», опубликованной в апрельском номере журнала «Воспитание» за 1860 г. Уже в самом начале К. И. Май счел необходимым подчеркнуть свою приверженность всему передовому: «Автору статьи нравится в педа-

гогике прогресс и движение вперед, он не останавливается даже перед отречением от заветных привычек во имя успеха и развития; но не любит он и потому никогда не решится предлагать изменения и нововведения, имеющие только одно достоинство — оригинальность и новизна взгляда».

А затем К. И. Май провозглашает основную, в его понимании, цель, которую должен ставить перед собой каждый педагог: «Главная задача наставника — приготовить юношу к труду, полезному для общества». Для выполнения этой задачи «не должно пропускать ни одного благоприятного случая дать ученику возможность развить столь драгоценные в жизни качества, каковы любовь к труду и добросовестность. Этого мы иначе не достигнем, как только приучая его к постоянному труду».

Рассуждая таким образом, автор приходит к неординарному и в наше время выводу: «Пока он посещает классы, ученик получает ежедневное побуждение к труду: ему ежедневно задаются уроки. Надо сохранить ему такое побуждение и на более продолжительные праздники и, следовательно, на это время задавать уроки. Должно требовать, чтобы и на праздничные уроки ученик посвящал несколько часов ежедневно». Это утверждение по форме по меньшей мере спорно, однако по своему смыслу — о необходимости приучать детей к настоящему труду — не вызывает сомнений и свидетельствует о творческом отношении К. И. Мая к педагогическому процессу. Новаторское предложение хотя и не получило в то время практической поддержки, но вызвало немалый резонанс и полемику в тогдашних преподавательских кругах.

Ратуя за непрерывную умственную работу, К. И. Май в своей статье также отмечал и необходимость заботы о физическом состоянии учеников. По этому поводу он писал: «На развитие духовных сил воспитанника у нас посвящается по шести часов и более в день, считая только одни занятия; развитие физических сил предоставляется вполне ему самому или его родителям; меж тем легко было бы уделить полчаса в день на гимнастические упражнения без ущерба учению». Закончил же автор свою статью словами: «Испытайте и веруйте», — что было также одним из девизов в его собственной деятельности.

Для того чтобы сделать учебный материал доступным пониманию учеников, Карл Иванович считал непременно необходимым постоянно совершенствовать методику преподавания, изменять ее даже в зависимости от состава класса и с учетом индивидуальных особенностей каждого питомца. «Пусть пути будут различны, смотря по индивидуальности учителя», — цитировал он А. Дистервега в речи на праздновании двадцатипятилетия школы, — но образование и воспитание ученика во всяком случае должно оставаться конечной целью всякого преподавания».

Метод преподавания, таким образом, всегда составлял предмет первой заботы К. И. Мая, особенно применительно к младшим классам. Так, считая, что еще недостаточно окрепшие организмы не следует слишком утомлять, он программы своей школы

составлял таким образом, чтобы разгрузить младшие классы за счет старших. Очень большое значение придавалось наглядности, в чем весьма удачный пример подавал сам директор. Вот как об этом вспоминает Р. Тишбейн, рассказывая о начальном периоде жизни школы, когда К. И. Май преподавал арифметику, всеобщую историю и географию. «Первоначальные понятия об арифметике Карл Иванович преподавал нам весьма наглядно. Помнится, чтобы усвоить нам, мальчуганам, премудрости десятичной системы, употреблялись спички: 10 спичек, завернутых в цветной бумаге, обозначали десятки; десять десятков в бумаге другого цвета — сотни и т. д.».

Но самым любимым предметом у К. И. Мая была география. Уроки географии Карла Ивановича остались на всю жизнь в памяти многих поколений выпускников этой школы. Подробно рассказал о них Дмитрий Семенов: «Во всех решительно классах Карл Иванович сам преподавал географию, что еще более сближало его со всеми учениками, давая возможность хорошо знать каждого лично. Уроки его были очень интересны, оживленны, и на них сказывалась особенно его любовь к детям и к молодому поколению. Преподавание географии он вел по особому методу. В младших он начинал с того, что заставлял детей чертить и сам чертил план их класса. От плана комнаты переходили к плану школы, двора ее, затем к плану Петербурга и, наконец, к географическим картам.

Вообще Карл Иванович заставлял много рисовать карты, причем ученики как копировали карты, так и рисовали их наизусть. Сам он прекрасно чертил карты наизусть; рисовал их на доске, заставляя их списывать, причем на таких картах помещалось все, что нужно было запомнить, и ничего лишнего. Этим путем заучивание названий в значительной мере облегчалось и утрачивало свой характер сухости. Каждое название реки, залива, моря, страны и т. п. запоминалось вместе с очертанием на карте, а названия гор, городов, мысов и т. п. вместе с определенным местом их на соответственной карте. Рисуя карты и опуская ненужные подробности, где можно, он всегда указывал на сходство тех или иных очертаний с какой-нибудь фигурой, буквой и т. п., что облегчало запоминание и самих очертаний». И далее Д. П. Семенов отмечает, что «преподавание географии у Карла Ивановича сопровождалось оживленными пояснениями, иногда длинными разговорами по близко соприкасающимся с преподаваемым предметом наукам, как-то: по геологии, по физической географии, этнографии и т. п.».

Это же подтверждает и Александр Бенуа: «...на этих уроках сказывался и настоящий учительский талант, и что-то, я бы сказал, поэтическое, что было в его натуре. Мы все любили уроки Карла Ивановича, и своеобразную систему их, и описания природы, стран и городов, благодаря которым исчезала всяческая сухость из его преподавания».

И наконец, процитируем Николая Рериха, выпускника 1893 г.: «К тому же увлекательному миру приводили и уроки географии

К. И. Мая. Не только чертились богато расцвеченные картины, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна».

Уроки К. И. Мая проходили интересно не только потому, что были столь наглядны, но и в немалой степени благодаря красочным, будившим воображение рассказам учителя, основанным нередко на личных впечатлениях. Кроме того, всякие новые открытия в области географии немедленно сообщались, особенно в пору учебы в школе Дмитрия Семенова, который мог непосредственно, так сказать, из первых рук, получать такого рода сведения от своего отца. Тема рассказа на уроке часто выходила далеко за рамки предмета, соприкасаясь с геологией, этнографией, историей. А иногда К. И. Май мог даже на уроке географии выразительно читать В. Шекспира, не забывая при этом смягчить резкие выражения, или, как вспоминает В. Гильтебрандт, поддержать патриотические настроения и заговорить «о событиях на театре военных действий (во время русско-турецкой войны), нелицеприятно радуясь успеху и непременно оттеняя тяжелые условия, которые приходится преодолевать нашим войскам».

Нередко на уроках обсуждались и многие события государственной и общественной жизни — беседовали о преимуществах и недостатках классической системы образования, о реформах Александра II, о Крымской и франко-прусской войнах. Во время таких разговоров, проходивших отнюдь не в назидательном тоне, у учеников развивался критический взгляд на события, формировалась способность рассуждать и вырабатывать собственную точку зрения.

Однако развитие патриотических чувств никогда не допускало проявления шовинистических оттенков, например отношения как учеников, так и учителей французской и немецкой национальностей во время франко-прусской войны 1871 г. сохранялись взаимоважительными и корректными, а в другом случае, когда приехавший из Берлина вновь принятый педагог допустил непочтительное высказывание о русской молодежи, то был принужден К. И. Маем публично извиниться перед классом.

Такие отклонения от заданной темы Карл Иванович считал допустимыми, ибо полагал, что не всегда нужно заниматься только предметом, но важно вообще постоянно расширять свои знания.

Если же обнаруживалась у ученика склонность к какому-либо предмету, даже в ущерб другим, то, как свидетельствует Д. П. Семенов, «совершенно справедливо он считал увлечение какими-либо занятиями и усердие к ним явлением, достойным поощрения и поддержки, глубоко веруя, что некоторые недочеты по каким-либо отдельным предметам, при дальнейшем развитии этой любви к занятиям и труду, непременно пополнятся, а неосторожная задержка такого усердия может привести ученика к апатичному отношению уже не к одному, а ко всем предметам и к развитию в нем лени».

Уроки по географии, своему любимому предмету, К. И. Май вел всю жизнь, буквально до последнего дня, но наряду с этим уверенно владел еще несколькими предметами, мог экспромтом, в случае неожиданного отсутствия учителя, провести занятия по арифметике, всеобщей истории или латинскому языку. Будучи большим любителем музыки, он обращал также особое внимание на пение и, по воспоминаниям Р. Тишбейна, часто шутя говорил ученикам: «Если бы у кого из вас оказался тенор, то, сколько бы он ни напраказничал, ему за поведение всегда будет пятерка». Однако таковых среди его питомцев почему-то не находилось.

Стремясь максимально доступно изложить тот или иной предмет, довести его до понимания каждым учеником, проводя уроки с полной отдачей, К. И. Май вместе с этим проявлял такую же высокую требовательность и к своим питомцам, и к своим коллегам-преподавателям. Система ведения уроков требовала от учеников постоянной годовой работы, а не поурочной, так как часто спрашивали уроки, уже давно сданные. Все это приводило к тому, что ученики привыкали к обобщению текущего материала, а не только учили текущий урок, у них постепенно воспитывалось серьезное отношение к учебному делу.

В то же время чисто человеческие отношения К. И. Мая к ученикам, говоря словами выпускника 1870 г., доктора медицины К. К. Саковского, «были всегда отеческие, отличался он отзывчивостью к нуждам учеников и старался давать занятия нуждающимся ученикам в каникулярное время». Такого же мнения о своем учителе и Д. П. Семенов: «...так просты и искренни были его речи, что и сами ученики разговаривали с ним о школьных и своих делах откровенно и просто, как дети с отцом или матерью. Обмануть его, ответить неправдой или даже недостаточно откровенно или искренне решались очень немногие».

Особо, и в первую очередь именно самим К. И. Маем, поддерживался в школе дух товарищества, первым внешним признаком которого был обычай всех учеников, от самого старшего до самого младшего, говорить друг другу «ты». Не возбранялись и некоторые обряды по приему в число товарищей, например мытье снегом лица в зимнее время. Но зато доносы на товарищей не поощрялись никогда. Вот как пишет об этом Д. П. Семенов: «Если нужно было узнать, кто что-нибудь напраказил, причем виновник проказы не был узан, то иногда наказывался весь класс и освобождался от наказания лишь тогда, когда по настоянию класса виновный сознается сам, указание же на виновного со стороны других не принималось вовсе в расчет и не избавляло всего класса от наказания».

Важной чертой К. Мая как воспитателя был неизменно беспристрастный подход к разным ученикам. «В своем отношении ко всем он был одинаков и справедлив, никто не мог похвастать его предпочтением или пожаловаться на пренебрежение», — отмечал Э. Блессиг.

Заканчивались уроки, и вновь занимал свой пост директор, все

учащиеся опять поочередно совершали процедуру прощания с неизменным рукопожатием, при этом Карл Иванович заботливо осматривал каждого, следил, чтобы аккуратными, одетыми и застегнутыми соответственно погоде покидали школу его питомцы.

Но и внешкольная их жизнь не оставалась вне поля зрения К. И. Мая, он живо интересовался ею, поскольку твердо считал, что успешное обучение и воспитание невозможно без тесного взаимодействия школы и семьи. По всем вопросам, касающимся ученика, будь то наказание или перевод в следующий класс, конфликты с учителями или экзамены, он непременно встречался с родителями, бывал в семьях, где давал полные разъяснения, стремясь общими усилиями направлять воспитанника по истинному пути. Он с пониманием и любовью постигал индивидуальность каждого ученика. Если кто-то в день рождения хотел устроить домашний спектакль, то Карл Иванович не только помогал советом в выборе репертуара, но и лично содействовал в изготовлении костюмов; если ученик заболел, то он старался опять-таки сам навестить его, и такое внимание директора придавало силы для выздоровления, о чем, в частности, вспоминал с теплотой Д. П. Семенов. Очень любил К. И. Май в непринужденной обстановке каникул совершать вместе с учениками небольшие двух-трехдневные пешие путешествия в окрестностях Петербурга. Впечатления от таких прогулок, сопровождаемых увлекательными рассказами Карла Ивановича, оставались яркими в памяти учеников на многие годы и позволили даже почти через 40 лет описать их с подробностями, что, в частности, сделал К. К. Саковский, воспроизведя поход в Токсово через «петербургскую Швейцарию» — деревню Юкки.

Так постепенно, день за днем, растил и учил своих питомцев К. И. Май, отдавая им всю свою душу, все свое умение, всего себя. И дети чувствовали это, отвечали любовью и признательностью. Недаром связь со школой нередко не прерывалась и многие годы после окончания выпускного класса. Особенно это проявлялось в дни рождения К. И. Мая, когда собирались учителя и бывшие ученики, давался спектакль, за ним следовала традиционная чашечка шоколада, а потом бывшие воспитанники то радовали директора рассказами о своих жизненных успехах, то вместе предавались воспоминаниям... Многим было памятно празднование десятилетия училища с ужином в ресторане Демута, не говоря уже о торжественной церемонии в честь двадцатипятилетия.

Вот таким — требовательным, но справедливым, высокообразованным, но не высокомерным, внимательным, но не пристрастным — К. И. Май был всю свою жизнь. Главнейшим его качеством была беспредельная любовь к детям, умение подойти к каждому из них как к человеку, а не только как к ученику. Именно поэтому в качестве девиза школы он провозгласил изречение основателя современной педагогики, чешского просветителя Яна Амоса Коменского: «Сперва любить — потом учить». Произнесением этого девиза заканчивалась напутственная речь первого и последующих

директоров на каждом выпускном акте в течение всего времени существования школы. Исходя из сути любимого изречения, К. И. Май подходил и к подбору педагогов в оценке их деятельности, считая: «Тот, кто не может сказать сперва — люблю, не должен говорить — учу».

И всю свою долгую самоотверженную жизнь К. И. Май самоотверженно следовал своему девизу. Без всякого преувеличения, заслуженно и справедливо назвал его «добрым гением школы» лично знавший К. И. Мая ее последний директор А. Л. Липовский (о нем речь еще впереди) в юбилейной речи на праздновании пятидесятилетия этого учебного заведения в 1906 г. и затем подкрепил это мнение следующими, наиболее достойно характеризующими его словами: «Своим любовным отношением к делу преподавания, взглядом на тяжкий труд воспитания как на высокий подвиг, достойный всех наших усилий, всей нашей жизни, вплоть до могилы, Карл Иванович создал особую среду в школе, в которой так легко дышалось, так светло, несмотря на все жизненные невзгоды, верилось в будущее. Необыкновенно мягкий, ровный, даже сдержанный в личных отношениях, Карл Иванович обнаруживал с первого раза одну любовь, пылкую и постоянную, к избранному делу, которое по серьезности и радости, с которою совершалось, могло показаться священнодействием».

К моменту первого официального признания школа состояла уже из пяти классов, в которых занималось 83 ученика. Каждый класс имел несколько необычное немецко-латинское название: *Unter-prima*, *Ober-prima*, *Secunda*, *Tertia*, *Quarta* (унтер-прима, обер-прима, секунда, терция, кварта). В дальнейшем, по мере развития школы, последующие классы также получили наименования по этому принципу — *Quinta*, *Sexta*, *Septima* (квинта, секста, септима), а с 1873 г., когда ввели VIII класс, появились *Unter-Septima* и *Ober-Septima* (унтер-септима и обер-септима). Вероятно, в латинизации названий в какой-то степени отразилась приверженность Карла Ивановича к классическому образованию, что он любил всегда подчеркнуть. Такая терминология применялась в первые 25 лет существования школы, т. е. до тех пор, пока она не получила прав гимназий Министерства народного просвещения.

В начальных четырех классах программа для всех учеников была общей. А начиная с пятого класса, по выбору родителей или по желанию самих учеников, одни из них продолжали изучать древние языки — латинский и греческий, другие же в эти часы посещали уроки естественной истории, химии, рисования, в большем объеме изучали математику и новые языки — немецкий, французский, английский (последний по желанию). Так возникли две категории учеников. Их первоначально называли «латинисты» и «нелатинисты», а впоследствии «гимназисты» и «реалисты».

Кроме этого, в школе несколько позже было образовано еще небольшое коммерческое отделение, непосредственно готовившее своих учеников к предпринимательской деятельности. Для этой группы учащихся, в частности, читался курс так называемой купеческой арифметики.

Реальное и коммерческое отделения до 1891 г. имели второстепенное значение, здесь чаще учились более слабые школьники, те, кому был труден курс гимназии.

В связи с расширением школы был приобретен дом № 13 по 10-й линии Васильевского острова и во дворе его двухэтажное здание. По проекту архитектора Д. Ульянова (учителя рисования в школе) дворовый корпус был надстроен третьим этажом и перепланирован для нужд учебного заведения. Сохранилось заклю-

чение на проекте реконструкции здания, сделанное известным архитектором Н. Л. Бенуа: «Фундаменты и стены предполагаемую надстройку третьим этажом (во дворе) выдержать могут. 5 июля 1861 г.». Взаимоотношения с подрядчиками, в которых К. И. Май был не искушен, доставляли ему много беспокойства, однако перестройка все же была завершена и с тех пор, в течение полувека, эти стены стали родными для многих поколений «майцев». В новом здании были организованы физическая и химическая лаборатории, а также предусмотрен небольшой рекреационный зал. Директор, некоторые преподаватели и пансион помещались в доме, выходящем фасадом на 13-ю линию. Оба здания сохранились до нашего времени, хотя внутриворонное сильно реконструировано во время недавнего капитального ремонта и еще раз надстроено уже до пяти этажей.

Первыми выпускниками школы были три ученика коммерческого отделения, закончившие курс в 1862 г., после чего они поступили на работу в купеческие конторы. На следующий год завершили обучение два ученика шестиклассного реального отделения. Они решили продолжить свое образование в политехническом училище в Карлсруэ, в Германии, и были приняты без вступительного экзамена, чем весьма порадовали своего директора и укрепили репутацию новой школы. Реалисты школы К. И. Мая с самого начала получали более разностороннее образование, чем в казенных реальных училищах, так как за исключением древних языков остальные предметы изучали вместе с гимназистами.

Полный курс гимназии в объеме семи классов первый ученик закончил в 1865 г. и поступил в Петербургский университет, через год два выпускника были приняты в Дерптский университет.

По существовавшим в то время правилам окончившие частные учебные заведения для получения аттестата должны были держать экзамены в казенных гимназиях. Однако, заботясь об авторитете школы, Карл Иванович заранее проводил еще свою, «домашнюю» проверку, чтобы приучить воспитанников к ответственной обстановке, выявить пробелы, если таковые имелись, и оставить время на их восполнение. Хотя предварительные испытания были неофициальными, но имели весьма серьезный характер. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в первые годы в них принимали участие действительные члены Петербургской Академии Наук физик Л. Д. Кемц (1801—1867), филолог Ав. К. Наук (1822—1892), а также профессора Миллер и Дельбрюк.

Вообще надо отметить, что становлению школы большое содействие оказали многие видные деятели науки. С первых шагов помогал и заботливо следил за развитием школы известный историк, профессор К. Д. Кавелин (1818—1885); большую методическую помощь и постоянное внимание проявлял профессор законоведения и государственного права, будущий ректор университета П. Г. Редкин (1808—1891); долгие годы отзывчиво опекал школу К. Мая крупный астроном, математик и педагог прошлого века академик А. Н. Савич (1811—1883). Но более других с гимназией

К. Мая был связан почетный член Академии наук П. П. Семенов (1827—1914), выдающийся географ, путешественник и общественный деятель, получивший в 1906 г. право именоваться Тянь-Шанским в знак признания его заслуг по исследованию Средней Азии. Несколько последующих поколений Семеновых Тянь-Шанских учились в этой школе, в том числе и в советское время.

Были покровителями школы и высокопоставленные официальные лица. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится одно из таких свидетельств — экземпляр сборника «Двадцатипятилетие существования гимназии К. Мая», подаренный тогдашнему министру народного просвещения И. Д. Делянову. Зная достаточно принципиальный и весьма сдержанный на похвалы характер Карла Ивановича, трудно усомниться в искренности текста надписи, сделанной им в 1882 г.: «Его Высокопревосходительству господину Статс-Секретарю Министру народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову, искреннему сочувствию, энергическому содействию и всегдашнему покровительству которого мое училище обязано своим процветанием. Почтительнейше подносит К. Май».

Заинтересованная поддержка столь известных ученых, с одной стороны, помогала постоянно совершенствовать педагогический процесс, а с другой — свидетельствовала о правильности выбранного К. И. Маем пути развития своего учебного заведения.

В первые годы школу оканчивали немногие, так как нередко родители стремились приобщить своего ребенка к практической деятельности уже после получения им начального образования. Количественный рост школы сдерживался также и тем обстоятельством, что частная школа не давала льгот по отправлению воинской повинности ученикам реального отделения, не имевшим права экзаменоваться наравне с гимназистами. Такое право было получено лишь в 1882 г. Что касается гимназического отделения, то вопрос об уравнивании в правах его воспитанников с выпускниками казенных гимназий рассматривался специальным комитетом под председательством А. С. Воронова при участии К. И. Мая и Газенегера, директора частной гимназии доктора Видемана. На основании рекомендаций этого комитета Государственный совет принял решение 19 февраля 1868 г., согласно которому воспитанники частных гимназий получили «право на поступление в университет, по выдержании испытания, производимого преподавателями сих гимназий, при участии и под надзором учебного ведомства».

Решение или, как тогда говорили, «мнение» Государственного совета сохранило за частными гимназиями свободу в составлении учебных программ и распределении учебного материала по классам, в общей организации педагогического процесса. Благодаря этому школьная программа в начальных классах, как уже отмечалось, была общей для будущих реалистов и гимназистов. Сохранилось и двуязычное изложение предметов: часть — на русском языке, часть — на немецком. Следует отметить, что преподавание

греческого языка в казенных гимназиях было введено только в 1877 г., хотя, например, в Дерптский университет без знания этого языка поступить было нельзя. Выпускники же Майской гимназии такую возможность имели и не раз ею пользовались. Если изучение целого ряда предметов на немецком языке не представляло никакого труда для детей из немецких семейств, то для русских, которые стали поступать в школу уже вскоре после ее создания, такая двуязычная система преподавания представляла дополнительную сложность, особенно при изучении древних языков, хотя, с другой стороны, и способствовала более разностороннему развитию. Преподавание на немецком языке было отменено в 1890 г.

Оценка знаний учеников производилась по пятибалльной системе, причем в цензурах (четвертях) выставлялись усредненные баллы с точностью до сотых. По каждому предмету оценивались отдельно успехи и прилежание. Такая двойная оценка приводила иногда к курьезам. Однажды Дмитрий Семенов (сын П. П. Семёнова-Тян-Шанского), имевший блестящие математические способности, получил в цензуре по геометрии в VI классе единицу за прилежание и пять за успехи. Это решение педагога находчивый ученик, правда, оспорил, сказав: «Если я знаю отлично по вашей же оценке, хотя бы и ничего не делая, то зачем же мне делать больше, все равно я лучше чем отлично знать не буду». Однако такая логика все же не изменила мнение педагога.

Высший балл в цензурах выставлялся красными чернилами, что было, однако, большой редкостью, так как требования у педагогов были весьма высокими. Этим же объясняется и тот факт, что исключительно редки были ученики, которым удавалось получить среднегодовой балл 5 по всем предметам, не говоря уже о таком в аттестате. Во всяком случае в первую четверть века существования майской школы учеников, имевших высший средний балл в аттестате (т. е. 5 по всем предметам), вообще не было, о чем свидетельствуют копии, хранящиеся в архиве¹. Ближе других к максимуму в разные годы за этот период были: Дмитрий Кавелин, закончивший пять классов в 1860 г. со средним баллом 4,6; Павел Сомов, лучший выпускник 1869 г., будущий профессор математики Горного института, имел 4,38; Орест Хвольсон, будущий академик, закончивший вторым в том же году со средней оценкой 4,14; Александр Кракау, лучший выпускник 1873 г., ставший впоследствии профессором электрохимии Электротехнического института, заслужил 4,87; Василий Кракау, лучший выпускник 1876 г., преемник К. И. Мая на посту директора, чуть превзошел своего старшего брата и получил 4,89.

Из класса в класс ученики переводились только на основании среднегодовых оценок, каждая из которых должна быть не ниже трех. Экзамены как таковые, с билетами, экзаменационной комиссией и т. п., никогда не устраивались, лишь в конце учебного года на урок, всегда неожиданно, приходил Карл Иванович и вместе

¹ См., например: ЛГИА, ф. 144.

с учителем, в присутствии всего класса, не прерывая урока, спрашивал некоторых учеников, задавая вопросы из любой части программы. Таким образом в случае необходимости уточнялась годовая оценка. Не успевающие по отдельным предметам получали задания на летние каникулы, выполнение которых проверялось перед началом нового учебного года, после чего принималось окончательное решение о переводе в следующий класс или оставлении на второй год.

Учебный день в школе начинался в 9 часов утра и продолжался до 16 часов, а по средам и субботам — с 8 до 12 часов. Для изучающих древние языки вводился дополнительный час — с 8 до 9 утра. Урок продолжался 53 минуты, перемена — 7 минут. Большая перемена, с 12 до 13 часов, отводилась для завтрака — молоко и булочка (сколько хочешь!) и гимнастических упражнений в течение 30 минут.

Гимнастика как предмет была введена в учебную программу с первого года открытия школы, когда в других учебных заведениях такие уроки чаще всего еще отсутствовали и не предписывались официальными циркулярами. К. И. Май всячески поощрял любую подвижность во время перемен, считал совершенно необходимой живую разрядку после долгих минут сидения на уроках. Поэтому и на коротких переменах, и на большой перемене в рекреационном зале можно было наблюдать беготню, возню, лазанье по гимнастическим стенкам, чехарду, парную борьбу. Наблюдавшие за порядком воспитатели урезонивали лишь в редких случаях, когда играющие слишком увлекались. В хорошую погоду на переменах дети выбегали во двор, где развлекались различными подвижными играми (особенно популярными в те годы были ныне забытые рондерс и барры). В зимнее время непременно играли в снежки, разделившись на две партии, одна из которых обычно защищала снежную крепость, сооружаемую на специально подготовленном летом холме. В штурме снежной крепости часто принимали участие и наблюдающие воспитатели, которые корректировали действия сторон. И если при этом кому-то из них попадало снежком, то никаких последствий это не влекло. Помимо текущих занятий гимнастикой два-три раза в году устраивались еще и специальные гимнастические праздники, где ученики разных классов выступали с заранее подготовленными программами. Все это указывает на то, что физическому развитию в школе Мая уделялось значительное внимание.

Во внешкольное время для пансионеров и полупансионеров в первую очередь, а также для всех прочих желающих устраивались пешеходные экскурсии в окрестности Петербурга: Токсово, Юкки, Парголово, Дудергоф, а иногда и поездки на Иматру, в Нарву, Новгород. Во время таких прогулок и поездок учащиеся не только хорошо и активно отдыхали, но и на практике, собирая ботанические, зоологические и минералогические коллекции, пополняли свои знания в этих предметах, расширяли исторический кругозор. Сами прогулки как таковые, кроме того, несли в себе элементы не-

кой романтичности и загадочности благодаря походам через таинственный лес, ночлегам на сене, разжиганию костра. Все это оставляло неизгладимые впечатления на всю жизнь, о чем свидетельствуют воспоминания многих учеников той поры.

Не менее, если не более, чем прогулки, важную роль в развитии и воспитании учащихся играли школьные праздники. Первый такой праздник состоялся 29 октября 1859 г. и был посвящен столетию со дня рождения Фридриха Шиллера, любимого поэта Карла Ивановича. Декламация стихов поэта, в том числе знаменитого «Колокола» (конечно, на немецком языке), сопровождалась музыкой. На празднике присутствовали родители учеников и гости. Ученики украсили школу собственными рисунками на темы произведений Шиллера. Венцом праздника был огромный торт с сотней горящих свечей, каждый приглашенный получил по кусочку вместе с чашечкой шоколада. Угощение было предложено по инициативе директора, поскольку именно 29 октября у него был день рождения. С тех пор установилась традиция считать этот день школьным праздником и отмечать его каждый раз новыми спектаклями, специальной праздничной программой. Впоследствии в этот день в школе проводился торжественный акт с вручением аттестатов и медалей, после чего непременно следовал концерт.

Позднее и по случаю других праздников, например к рождеству, тоже давались школьные концертные представления. Спектакли готовились с большим старанием и выдумкой, подготовительная работа начиналась задолго до торжественной даты, чуть ли не каждый готов был принять посильное участие, однако при этом все держалось в относительном секрете, дабы сделать сюрприз имениннику. Для устройства спектаклей сами ученики собирали деньги, и выбранный комитет распоряжался всеми суммами и руководил подготовкой. Приготовления к спектаклю, выбор того или иного действия из намеченной пьесы, репетиции, хозяйственные хлопоты, создание декораций очень способствовали сближению интересов учеников, развитию в них творческих навыков, увлеченному и углубленному изучению искусства, всему тому, что входит в понятие «эстетическое воспитание». Программы праздников обычно составлялись самими учащимися при содействии педагогов; непременно отмечались юбилейные даты. Так, трехсотлетию со дня рождения В. Шекспира посвящалась сцена из спектакля «Сон в летнюю ночь», столетию со дня рождения Ф. Шиллера — отрывки из пьесы «Лагерь Валленштейна». В других случаях исполнялись отрывки из произведений: «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Бежин луг» И. С. Тургенева, «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Доктор Веспе» Р. Бенедиктова, «Trinsumus» Плавта, причем последний игрался на латинском языке. Не испытывали затруднений майцы, и когда требовалось исполнение женских ролей: с этой задачей, и порой весьма успешно, справлялись сами мальчики. С некоторых пор в программу представлений стали непременно включаться номера, так или иначе связанные с любимым предметом Карла Ивановича — геогра-

фией. Об одном из таких спектаклей А. Н. Бенуа вспоминал: «Перед растроганным директором, сидевшим среди рекреационного зала в окружении педагогов и толпы приглашенных родителей, прошло «шествие» рек, в соответствующих костюмах и с произнесением каждой «рекой» уморительных немецких стишков, сочиненных известным ученым этнографом, академиком Радловым. Я изображал Хуанхэ, а мой друг Гриша Калинин — Янцзыцзян. Нам из этнографического музея были одолжены настоящие китайские халаты, нам привесили длинные косы и приклеили висячие усы; мы должны были держать указательные пальцы перед носом и произносить довольно длинное стихотворение.» В этом же «шествии» участвовал и Николай Рерих, изображавший великую русскую реку Волгу. А впереди географического парада шли два величественных герольда со знаменами, на которых был изображен в виде герба майский жук. Карл Иванович был очень растроган представлением, чаще обычного нюхал свой любимый табак, придуманным гербом тоже остался доволен. С этого времени за воспитанниками школы утвердилось и стало почти официальным необычное название «майские жуки», которое они чтили, гордились им как знаком своей принадлежности к Майской гимназии.

Заметной вехой в истории школы стал ее четвертьвековой юбилей. Он отмечался 29 октября 1881 г., так как 10 сентября оказалось в тот год неудобным днем. На торжественное празднование приехало много бывших учеников, их родителей, бывших преподавателей, директоров родственных школ, представителей учебного округа. Основатель школы выступил с докладом, в котором рассказал об истории учебного заведения и главных педагогических принципах, отметил в качестве ведущей задачи развитие умственных способностей детей и подчеркнул, что преподавание неизменно должно сочетаться с воспитанием: В заключение он провозгласил девиз школы: «Сперва любить — затем учить» — постулат, высказанный педагогом Яном Амосом Коменским еще в XVII в. и так отвечающий современным задачам воспитания и обучения.

Вслед за тем бывший ученик А. А. Макаров преподнес юбиляру художественный адрес, изящно украшенный также бывшим майцем П. Медемом, а один из прежних воспитанников, доктор медицины А. П. Зеленков произнес приветственную речь. В ней он, выделяя особую роль К. И. Мая в успешном развитии школы, в частности, сказал: «В Вашей личности принципы и чувства, обязанности и душа, разум и сердце, педагог и отец — соединились в одно гармоническое целое, от которого веет теплом и отрадой. Вы болели по нашим нравственным недугам; Вы радовались всем существом своим по нашему преуспеянию; Вы были нам и воспитателем и другом нераздельно». Закончив свое выступление, А. П. Зеленков передал К. И. Маю устав на право распоряжаться суммой в 5000 рублей, собранной бывшими учениками для оказания помощи нуждающимся учителям и ученикам, а также подарил альбом с рисунками учеников, оформленный прежним учеником А. Шимкевичем. Еще один альбом, но уже с фотографиями различных

классов, художественно оформили и подарили ученики Г. Гримм (будущий академик архитектуры) и В. Черни. От имени родителей с благодарственными речами выступили академик А. Н. Савич и сенатор П. П. Семенов. Последний обратил внимание на особый дух теплоты и доверия к ученикам, созданный в школе, и на то, что ни один из бывших воспитанников в последующие годы не пал нравственно, благодаря чему это учебное заведение может гордиться своими воспитанниками. Потом было еще много приветствий — от Фребелевского общества (П. К. Раухфус), императорской публичной библиотеки, различных школ и училищ, зачитывались телеграммы из Москвы, Киева, Риги, Дерпта, Вены, Гамбурга, Лондона и даже из Южной Америки, отовсюду, куда разлетались с 10-й линии «майские жуки».

Четверть века труда и поисков, самоотверженной любви и постоянной заботы педагогов, наконец последующая практическая деятельность выпускников показали, что школа идет по правильному пути в деле обучения и воспитания подрастающих поколений, занимает одну из передовых педагогических позиций и поэтому может быть полноправным членом системы народного просвещения в стране.

Вскоре после юбилея было подано соответствующее прошение, и 7 марта 1882 г. школе были присвоены права гимназии Министерства народного просвещения согласно уставу от 30 июня 1871 г., а 28 мая 1882 г. К. И. Май был официально утвержден в должности директора. В том же году, 8 июля, на основании особого доклада, учитывая многолетний положительный опыт двуязычного преподавания в данной школе, император Александр III в виде исключения разрешил продолжить в данной гимназии преподавание древних языков, всеобщей истории и географии на немецком языке.

Новый статус хотя и огорчил К. И. Мая необходимостью соблюдения правительственных программ обучения, но вместе с тем сделал учителей, учеников и, таким образом, саму школу равноправными участниками общегосударственной образовательной системы, укрепил ее авторитет. Число учеников школы, сократившееся из-за отсутствия льгот со 182 в 1870 г. до 116 в 1881 г., вновь стало увеличиваться: уже в 1882 г. их стало 132, а к 1884 г. число учащихся достигло почти прежнего уровня — 177 человек. Однако быть полноправным директором своего педагогического детища Карлу Ивановичу пришлось недолго, возраст и болезни подтачивали его здоровье, и в 1890 г. он принял очень трудное для себя решение — ушел в отставку. К. И. Май поступил так, ибо не мог иначе. В своей необыкновенно задушевной прощальной речи он объяснил это изречением Арнольда Томаса, ректора колледжа в Регби: «Если я не буду в состоянии взбежать по лестнице к моим классам, я буду думать, что настала пора прекратить мою деятельность». Но и оставив пост директора, Карл Иванович продолжал вести уроки географии, стал писать учебник по экономической географии, а дальнейшую судьбу школы доверил одному из ее наиболее одаренных педагогов — Василию Александровичу Кракау.

После того как К. И. Май сложил с себя обязанности директора и полностью передал свое учреждение В. А. Кракау, он остался в школе в качестве почетного попечителя и продолжал преподавать географию по-прежнему с большим желанием и любовью. Учебных часов у него было, однако, немного, появилось свободное время, и тогда он посвятил это время разработке курса коммерческой географии и, кроме того, начал составлять курс метеорологии. К сожалению, эти курсы он не успел закончить, остались только фрагменты. Всю жизнь работа для К. И. Мая была не только потребностью, а лучше сказать, охотой и даже любовью. Он не мог представить себе жизнь без работы, ничто не было для него более ненавистным, чем безделье, и его высочайшим желанием было никогда не оказаться в неработоспособном положении. Это желание его осуществилось: он ежедневно вел свои часы, вплоть до последней болезни, которая была непродолжительной. Скончался К. И. Май в ночь на 20 марта 1895 г., не дожив лишь полгода до своего семидесятипятилетия. Школа глубоко переживала кончину своего основателя, отдавшего ей большую часть своей жизни. Ученики выразили желание нести траурный караул у гроба, установленного в гимназическом зале. После отпевания в шведской церкви св. Екатерины на Малой Конюшенной, 1, ученики и преподаватели, бывшие и настоящие, поочередно на руках несли гроб до Смоленского лютеранского кладбища на Васильевском острове, где 22 марта состоялись похороны. В очень прочувствованной прощальной речи молодой тогда преподаватель истории А. Л. Липовский сказал, что покойный был высокогуманным и идеальным человеком, а выступивший затем В. А. Кракау обещал по завету К. И. Мая хранить в школе традиции любви к детям и делу. От учеников всех выпусков последнее слово произнес Д. П. Семенов.

Через год на месте захоронения был установлен обелиск черного мрамора. На памятнике высекли: «DUX FUIT AD LUCEM MIATIS QUAEENTIBUS ILLAM» («Вожатым был к свету путников, ищущих его») и как нельзя более применимые к покойному слова из псалма № 90: «Жизнь тогда была дорогой, если она была трудом и работой». При открытии памятника вновь выступил Д. П. Семенов. Многие годы представители одного за другим по-

колений Семеновых-Тян-Шанских бережно ухаживали за могилой К. И. Мая.

Новый директор В. А. Кракау (1857—1935) был, можно сказать, урожденным «майцем». «Майский дух» он впитал в себя с детства, ибо все ступени от UNTER-PRIMA до OBER-SEPTIMA прошел в школе К. Мая.

В. А. Кракау родился 7 декабря 1857 г. в семье крупного петербургского архитектора, художника и педагога Александра Ивановича Кракау (1817—1888), многие видные постройки которого, такие, как Балтийский вокзал, Училище технического рисования (Соляной переулок, 13), особняк А. Л. Штигица (набережная Красного Флота, 68), до сих пор украшают бывшую столицу. Для Василия, который был младшим сыном архитектора, проблемы выбора школы не существовало. Он был направлен по стопам своего старшего брата Александра, отданного двумя годами раньше «к Маю». Выбору именно этой школы, наряду с ее высокой репутацией, особенно среди тогдашней интеллигенции, возможно, способствовала и относительная территориальная близость — семья жила в то время в доме № 2 на 3-й линии Васильевского острова. В. А. Кракау приняли в подготовительный класс осенью 1866 г. Во всех классах он хорошо учился и прекрасно, со средним баллом 4,89, первым по выпуску, окончил школу 14 июня 1876 г.

Осенью того же года он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а 30 мая 1881 г., как в свое время и К. И. Май, окончил его «кандидатом».

Первые годы после окончания учебы В. А. Кракау преподавал историю и географию во 2-й прогимназии (Фонтанка, 40), однако желание послужить родной школе не оставляло его все это время, и 6 июня 1886 г. он подал прошение с просьбой допустить его к преподаванию истории в частной школе К. Мая. Прошение было удовлетворено, и с тех пор вся последующая деятельность В. А. Кракау была связана с этим учебным заведением.

Строгим и вдумчивым отношением к своим обязанностям В. А. Кракау скоро завоевал авторитет как у К. И. Мая, так и у окружного начальства. Уже в 1888 г. он был назначен на должность инспектора с оставлением за ним права преподавания, а в 1889 г. замещал К. И. Мая во время его отпуска. И как воспитатель, и как преподаватель В. А. Кракау за короткое время зарекомендовал себя с наилучшей стороны, что и позволило К. И. Маю предложить ему занять должность директора.

В своей сердечной напутственной речи основатель школы так отозвался о своем преемнике: «Я достаточно узнал Вашу склонность к педагогическому призванию, Вашу способность к неустанному труду, Вашу добросовестность и верность в исполнении принятых на себя обязанностей. От Вас, Василий Александрович, я могу надеяться и ожидать, что дух школы останется неизменно старым. Я могу поэтому спокойно и с чистой совестью доверить Вам дорогое мне дело».

8 сентября 1890 г. Кракау был утвержден исполняющим обязанности директора. Поскольку новый директор хорошо знал и проблемы, и возможности своей школы, то почти без промедления он продолжил совершенствование как учебного процесса, так и самой школы. Уже в 1890 г. он решил дать возможность ученикам, по желанию, получить более разнообразное эстетическое воспитание и для этого организовал уроки музыки, танцев и фехтования. Желающих оказалось предостаточно, особой популярностью пользовались занятия фехтованием. В том же году пришлось переработать учебную программу, привести ее в более строгое соответствие с министерскими рекомендациями.

Однако главные усилия В. А. Кракау были направлены на преобразование реального отделения в полноправное реальное училище. Дело в том, что в предыдущие годы здесь учились большей частью слабые дети, которым было трудно постигать основной гимназический курс. Но теперь, когда в стране начала стремительно развиваться промышленность, все больше стала возникать потребность в образованных технических специалистах, авторитет прикладных специальностей рос, они оказывались не только престижными, но и доходными. Поэтому родители и общественность начали все чаще высказывать пожелания о более серьезной постановке учебного процесса в реальном отделении. Уже с 1891 г. В. А. Кракау начал постепенно преобразовывать реальное отделение в шестиклассное реальное училище. С начала этого года было усилено преподавание математики и рисования в младших классах. В 1892—1893 гг. введены уроки черчения, а математика, физика и рисование выделены в самостоятельные для реалистов дисциплины, что позволило образовать отдельный IV класс реального училища. В последующие годы, таким образом, появились V, а затем и VI классы, после чего в 1895 г. реальному отделению были присвоены все права казенных реальных училищ. В том же 1895 г. 8 сентября В. А. Кракау был утвержден в должности директора после 5 лет стажировки. Организацией VII, дополнительного класса в 1896 г. было полностью завершено создание реального училища, и его выпускники теперь могли поступать во все высшие учебные заведения прикладных направлений — такие, как институты путей сообщения, гражданских инженеров, Горный, Технологический, Электротехнический, Земледельческий, Лесной. В эти же годы укрепилось и коммерческое отделение реального училища, программы которого лишь на завершающей стадии содержали дополнительные предметы.

В числе первых шагов, предпринятых В. А. Кракау в это время, была ликвидация совместных уроков гимназистов и реалистов, что раньше нередко практиковалось, хотя и не способствовало развитию успехов у учеников. К 1896 г. общим было оставлено только преподавание в I и II классах, что еще давало возможность родителям и ученикам отсрочить до III класса выбор гимназического или реального образования. В остальных классах общими были только уроки закона божьего (отдельно для право-

славных и лютеран) и новых языков. Преподавание этих языков — немецкого и французского — в виде опыта проводилось отдельно в группах сильных и слабых учеников. К сожалению, этот опыт не дал ожидаемого результата — улучшения знаний у слабых учеников. В числе «слабых» оказались и многие просто ленивые дети, своими ответами и поведением они не давали преподавателю сосредоточить свое внимание на отстающих.

Храня и умножая воспитательные традиции, заложенные К. И. Маем, Василий Александрович еще в своей речи 22 декабря 1893 г. назвал и обосновал свои основные принципы в этой области.

Во-первых, «ученикам следует давать как можно больше свободы, ибо если сдерживать мальчика требованиями излишней внешней дисциплины, он, скорее всего, уйдет в себя, сделается скрытным и апатичным или в поисках исхода своей живости станет сердитым и грубым». Однако свобода не должна исключать требования абсолютного повиновения педагогам, соблюдения аккуратности и порядка.

Во-вторых, «должно ученикам давать возможность делать как можно больше движения», так как одна гимнастика никак не может быть противовесом многочасовому сидению на уроках. Пусть ученики на переменах бегают, кричат, борются, не нужно только допускать при этом проявления ожесточения.

И наконец, «от учеников послушания и исполнительности следует добиваться определенностью и последовательностью требований и возможной добротой и примером». Наказания должны быть возможно более редкими и применяться лишь в крайних случаях, причем они непременно должны соответствовать вине и быть средством исправления или предотвращения зла. Ученики должны всегда чувствовать, что сами вынудили себе наказание. Следует помнить, что ребенок лучше взрослых чувствует справедливое отношение к себе и скорее слушается того, кто его любит и кто добрее к нему относится.

Последний, быть может, самый главный принцип гласил: «От учеников надо требовать только то, что они в состоянии исполнить и что не превышает сил известного класса и по возможности каждого в отдельности». Только такое преподавание может принести истинную пользу, а не деморализовать детей, подталкивая их к хитростям и обману родителей и учителей.

Именно поэтому В. А. Кракау, как и К. И. Май, особое внимание уделял методу преподавания. Его беспокоило, что принятый в тогдашних средних учебных заведениях метод носил весьма догматический характер и грешил недостатком наглядности. Ученики учатся только по книжкам и почти не знакомятся воочию с теми или иными явлениями или предметами. Большинство дисциплин, изучаемых в школе таким образом, способствуют лишь развитию умственных данных и мало дают сведений, нужных в повседневной будущей жизни всякому образованному человеку. Такие сведения выпускнику приходится приобретать потом, уже самостоятельно,

зачастую беспорядочно, так как у учеников, особенно хорошо успевающих, на это не остается внеучебного времени. По мере перехода из класса в класс у многих учеников падает интерес к учебе и снижаются успехи, а следовательно, и уровень образования.

Чтобы оживить процесс обучения, сделать его более увлекательным, интересным, наглядным, В. А. Кракау с 1894/95 учебного года стал вводить в отдельные курсы, сначала лишь в VII классе гимназии и V, VI классах реального училища, практические занятия по физике, химии и естественной истории, а также приводить дополнительные уроки-беседы об истории литературы и искусства. На практикуме по физике ученики в специальном обширном помещении, разделившись на пары, выполняли на приборах различные опыты, относящиеся ко всем основным разделам курса, и так убеждались, что написанное в учебнике не мертвая буква, а живое природное явление. Аналогичный характер стали носить и практические занятия по химии, для чего была расширена химическая лаборатория. В том же году в школе, сначала только на третьем этаже, впервые появилось электрическое освещение, заменившее коптящие керосиновые лампы. Невольная улыбка возникает при чтении в отчете о состоянии гимназии и реального училища К. Мая за 1894/95 учебный год фразы о том, что «освещение оказалось вполне пригодным и имеющим большие преимущества перед керосиновым. Свет оказался ровным, сильным и белым; отсутствие нагревания, копоти и порчи воздуха также должны быть отмечены». Другим новшеством этого периода были двухместные столы, появившиеся вместо 10—12-местных. После этого на уроках стало меньше возни, а ученики внимательнее. Естественно-исторический кабинет значительно расширился начиная с 1898 г., когда, помимо микроскопа и гербариев, он был пополнен большим количеством моделей, чучел, скелетов, заспиртованных органов, а также пожертвованных родителями подлинных предметов, вплоть до бивня мамонта и засушенных образцов тропических растений с острова Ява. Помимо этого, были изготовлены пять аквариумов со своим водным режимом в каждом, террариум и виварий. Создавалась и минералогическая коллекция, среди образцов которой были топаз, сапфир и другие драгоценные и полудрагоценные камни, собранные как во время экскурсий в окрестностях Петербурга, так и во время каникул в разных частях России или даже за границей. Помимо практических занятий в естественно-историческом кабинете (состоявшем из трех комнат) по таким предметам, как биология, зоология, ботаника, минералогия, один урок раз в неделю обязательно был последним и отводился для посещения музея или пригородной экскурсии. Поочередно, под руководством того или иного преподавателя, каждый класс знакомился с коллекциями музея учебных пособий при постоянной комиссии Русского технического общества, музея Петербургской биологической лаборатории, музея Горного института, Зоологического и Этнографического музеев Академии наук; осматривали астрономическую обсерваторию в Пулковке, Физический институт при университете,

уральскую выставку камней, международную выставку костюмов, выставку исторических портретов в Таврическом дворце; регулярно изучали историю мировой и русской культуры в Эрмитаже и в музее императора Александра III. Ближайшие окрестности Петербурга — Озерки, Юкки, Шувалово, Парголово, Левашово, Поповка, Лесной и Удельный парки были наиболее популярными местами краеведческих экскурсий. Во время этих экскурсий школьники учились собирать гербарии, определять представителей местной фауны и флоры, знакомились с историей и бытом родного края.

Прикладной характер метода преподавания вскоре стал давать ощутимые результаты: расширился кругозор учеников, возросла их самостоятельность, что естественно сказалось на их развитии, они приучались относиться критически к окружающим явлениям, что, в частности, стало выражаться в большей осмысленности даваемых ответов в течение всего учебного года. Введение практических занятий показало также, как писал в одном из ежегодных отчетов В. А. Кракау, что «тот род их действительно плодотворен, где требуется от учеников самодеятельность, а сами занятия приносятся к их силам».

В 1900 г. В. А. Кракау на одном из заседаний педагогического совета сделал глубоко продуманный доклад, в котором очень тщательно проанализировал состояние преподавания в школах того времени и разработал основные предложения по его совершенствованию. Его доклад во многом актуален и до сих пор, почти каждая строка может быть отнесена к современным школьным проблемам, и поэтому стоит остановиться на нем подробнее.

В. А. Кракау отмечал, что если общество беспокоится о потере серьезных интересов у подрастающего поколения, об одичании юношества, о переутомлении детей, то надо задуматься в первую очередь над тем, как мы преподаем и воспитываем. По его мнению, вследствие перегрузок дети малоподвижны, худосочны, еще чаще — нервные, а порой и аномальны. Этому же способствуют в немалой степени и городские условия жизни, где не хватает самого необходимого для преодоления усталости и вялости — солнца и здорового воздуха, а гимнастика в той мере, как она преподается, не привлекает, не ободряет как умственно усталых, т. е. наиболее прилежных, так и менее способных и тем более ленивых.

Думая об улучшении дела преподавания, надо представить себе четко, какие требования предъявляются ученикам и есть ли у них необходимые условия для выполнения этих требований.

С точки зрения В. А. Кракау, от ученика требуется, чтобы он:

- 1) усвоил полностью программный курс каждого предмета;
- 2) развил свои мыслительные способности: память, логическое рассуждение, способность владеть и перерабатывать учебный материал;
- 3) получил умственные интересы к вопросам жизни, науки, литературы, сознательно и живо относился к экономической и социальной жизни;

4) расширил бы дома свой кругозор и свои познания внеклассным чтением книг;

5) занимался бы музыкой и другими искусствами, ручным трудом, ремеслами;

6) выработал способность к труду;

7) выработал характер.

От природы большинство детей располагает всеми данными для выполнения этих требований, что подтверждает интерес к учебе в младших классах, однако с переходом из класса в класс восприимчивость и усвояемость почти у всех падает, причем лучше в старших классах занимаются нередко те, кто не особо отличается в средних. И все это происходит потому, что начиная со второй половины обучения примерному ученику приходится тратить не менее 7—8 часов в день на уроки, в том числе 2—3 часа дома, а при такой нагрузке неизбежны переутомление, появление апатии и утрата интереса к любому предмету. Таким образом, вследствие перегрузок оказывается, что огромный труд педагога не менее чем на 50% тратится напрасно. Чтобы этого не было, В. А. Кракау далее предлагает решить, не следует ли серьезно изменить учебный процесс, положив в основу его работу в классе, и называет пять главных принципов организации такого процесса:

1) центры тяжести учебной работы перенести на классное время, а не на домашнюю работу, которая может лишь служить повторением и освоением пройденного в классе;

2) необходимо задавать только то, что разобрано в классе, разъяснено и выучено в классе же;

3) классная работа должна захватывать весь класс, а не отдельных учеников;

4) классная работа должна вестись строго систематически и методически — учитель должен в точности знать, на что он обратит внимание при опросе, что пройдет и задаст; проходить новое, лишь убедившись, что пройденный раздел выучен и усвоен;

5) учитель должен всегда считаться с уровнем класса, видоизменяя свои требования соответственно классу, даже расширяя или сокращая программу, предъявляя более или менее строгие требования к способностям учеников.

Если учебную работу проводить базируясь на этих положениях, то В. А. Кракау считал не только возможной, но и полезной отмену текущих отметок. Только на отставание очень слабых учеников надо будет в этом случае обращать внимание родителей. Совершенно ненужными он также считал и переходные экзамены. Когда в 1896 г. по случаю вступления на престол нового русского императора были отменены переводные экзамены, то в очередном ежегодном отчете он написал: «Перевод по годичным отметкам, представляющим оценку знаний учеников за 9 месяцев, гораздо правильнее перевода на основании краткого, поспешно подготовленного за 2—3 дня повторения ответа, подверженного всевозможным случайностям. Экзамены часто являются скорее оценкой самообладания и находчивости, чем его знаний. Если же

экзаменов не будет, курс может правильнее вестись и кончатся, причем вовсе не исключается возможность устройства общей репетиции, на которой не будет устрашающей обстановки экзаменов и боязни в случае неудачи остаться на второй год или получить переэкзаменовку». После обсуждения доклада директора педагогический совет согласился с основными предложениями по перестройке системы преподавания в школе и решил начать их практическое применение с полной отмены домашних заданий в трех младших классах, начиная с 1900/1901 учебного года, и введения взамен текущих отметок разработанных по специальной форме характеристик.

Наряду со стремлением улучшить преподавание в методическом отношении, В. А. Кракау также прилагал много усилий для того, чтобы восполнить недостатки правительственных учебных программ, не обеспечивающих должного общего развития у оканчивающих гимназии. Для этого он организовал дополнительные занятия по истории, литературе и истории искусств. Эти уроки проводил принятый в сентябре 1891 г. молодой преподаватель истории и литературы А. Л. Липовский. Знакомя учеников с произведениями античных авторов — Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Плавта, Ювенала, с представителями классической зарубежной литературы — Данте, Мольером, Шекспиром, Миллигеном, Байроном, Гёте, он старался проводить не формальный анализ, который мало чему научит даже при разборе самого гениального произведения, а развить эстетическое чутье, дать возможность ученикам проникнуться мыслью автора, настроением его души. В последующие годы расширенно изучалось творчество новейших, как тогда говорили, русских писателей — Тургенева, Гончарова, Достоевского, Островского, Толстого, Гаршина. С этой же целью в день рождения В. А. Кракау, 7 декабря, проводились литературные вечера, а кроме того, для лучшего восприятия русского языка с 1902 г. были введены уроки выразительного чтения, которые вел артист императорского театра Н. Л. Глазунов.

Беседы по истории искусств, как уже отмечалось, проводил тоже А. Л. Липовский. Свой рассказ он начинал с описания памятников древнерусского зодчества, знакомил с произведениями выдающихся иконописцев от самых ранних времен и вплоть до XVII в. включительно. В той же последовательности, но, естественно, уже в большем объеме излагал он и историю античного искусства. Для лучшего восприятия беседы сопровождалась иллюстрациями копий тех или иных художественных произведений или с помощью «волшебного фонаря» показывали диапозитивы. Помимо этого, ученики часто ходили на экскурсии в Эрмитаж, музей Академии художеств, музей при рисовальном училище А. Л. Штиглица. С целью лучшего усвоения принципов архитектуры и развития собственного художественного вкуса ученики по выбору рисовали и чертили тот или иной античный памятник, а на уроках рисования в качестве примера использовали многочисленные копии античных оригиналов. Иногда даже приглашали на-

турщиков из Академии художеств, которые позировали в разных национальных костюмах или демонстрировали мускулатуру.

Для развития любознательности и расширения кругозора преподаватели дополнительно читали лекции ученикам старших классов на различные актуальные темы: «О лучах радия», «О звездах, туманностях и происхождении светил», «О подвижном телеграфном сообщении между Европой и Америкой», «О подводных работах», «О Волге», «О задачах образования» и др. Ежегодно читалось 16—20 подобных лекций.

Большое значение в деле улучшения образования и нравственного воспитания сыграло создание в 1895—1896 гг. собственной школьной библиотеки, начальный фонд которой образовался из пожертвованной А. А. Май большей части библиотеки своего покойного мужа. В дальнейшем библиотека постоянно пополнялась и уже через десять лет состояла почти из тысячи книг на русском и иностранных языках. Особенно тщательно пополнялись отделы истории и литературы. В числе вновь приобретаемых были: «Курс русской истории» Ключевского, «Очерки по истории смуты» Платонова, «Минин и Пожарский» Забелина, «Очерки из всемирной истории» Петрова, «Статьи по истории русского права» Дитяткина, «Падение крепостного права» Иванюкова, «Пушкин» Стоюнина, полное собрание сочинений В. Г. Белинского и т. п.

Помимо ученической при школе была и фундаментальная библиотека, состоящая из более чем 4000 книг, которыми пользовались преподаватели и ученики старших классов.

Стремясь привить ученикам практические навыки обращения с инструментами и тем самым приучить их к практическому труду, В. А. Кракау в 1900 г. в помещении бывшей химической лаборатории поставил верстаки, пригласил опытного мастера и, таким образом, организовал столярную мастерскую. Здесь ученики вначале осваивали рубанок и стамеску, затем, уже по чертежам, делали полочки и этажерки, постепенно переходя к более сложным изделиям. Интерес к работе в столярной мастерской всегда был большой, желающих обучаться этому ремеслу было много. К выпускному классу некоторые настолько хорошо овладевали столярным искусством, что могли самостоятельно изготовить сложную мебель — стул, шкаф, письменный стол, которые потом с успехом демонстрировались и даже продавались на школьных выставках.

Как и прежде, в школе уделялось серьезное внимание физическому воспитанию. В ежегодных отчетах этому вопросу непременно посвящается специальный раздел, в котором сообщаются результаты лучших учеников и даются описания различных упражнений. Ученики младших классов занимались с фунтовыми или двухфунтовыми гирями по системе Сандова, средний возраст разучивал вольные упражнения. Старшие уже играли в «футболл», «лаун-теннис» или ходили в Атлетическое общество; популярны были среди них бокс и фехтование, а зимой — лыжи, для занятий которыми и для отдыха в Парголово была снята дача.

В организационном отношении важные изменения произошли

в школе в 1898 г., когда В. А. Кракау на заседании педагогического совета выступил с предложением передать принадлежащее ему (как и К. И. Маю ранее) учебное заведение артели преподавателей, названной им советом классных наставников. Предложение было принято, благодаря чему управление школой стало более демократичным, так как избранный совет состоял из 8 педагогов и, кроме того, улучшилась хозяйственная деятельность, руководство которой взял на себя хозяйственный комитет. Такая форма управления школой существовала до 1905 г., после которого школа была полностью передана в ведение «Общества для доставления средств гимназии и реальному училищу К. Мая», основанного еще в 1902 г. и состоящего из родителей, бывших учеников и преподавателей.

В конце 1905/1906 учебного года В. А. Кракау, сославшись на ухудшение состояния здоровья и личные обстоятельства, подал в отставку и с 1 июля 1906 г. был освобожден от должности директора. За 15 лет, в течение которых он руководил школой, в ней не только сохранились и приумножились заветы основателя, но она стала вполне оформившимся, весьма авторитетным средним учебным заведением, одним из лучших в Петербурге.

На торжественном акте 29 октября 1905 г. один из выпускников, Е. Иогансон, в своем выступлении как нельзя более точно сказал об особенностях своей школы и той роли, которую играл в ней директор: «Расставаясь с ним (училищем.— Авт.), мы вместе с тем унесли наши лучшие воспоминания. Сплошь и рядом приходится слышать от многих лиц, с неудовольствием и даже ненавистью отзывающихся о своих школьных годах; наши же школьные годы принадлежат к самым светлым годам нашего детства и отчасти юности. С удовольствием и благодарностью отмечаем мы тот отрадный факт, что в течение всего нашего долголетнего пребывания в стенах этого заведения мы себя чувствовали как в родной семье. Преподаватели наши, а во главе с ними и Вы, многоуважаемый Василий Александрович, не были теми строгими начальниками, которые способны вселять в учениках только страх и недоверие; напротив, они старались применяться к нашим способностям, характерам, вносили живую струю в преподавание и тем самым возбуждали интерес к науке и в значительной мере облегчали усвоение ее. В частной же жизни это были незаменимые друзья-наставники... Мы имеем в виду искренне поблагодарить Вас за одно чрезвычайно важное обстоятельство. В школе Мая на нас смотрели не просто как на учеников, которым необходимо пробыть определенные часы в гимназии, сдать уроки и т. п.; в нас старались воспитать людей, способных в будущем по своей силе и умению приносить пользу обществу и государству. Вся программа Вашей деятельности по нашему образованию и воспитанию могла бы быть характеризована такими словами: учитесь, наука Вам необходима, но не забывайте еще одной науки, науки души человеческой и ее высоких качеств, чтобы вполне быть людьми и равноправными гражданами».

ГЛАВА VI

ГОДЫ РАСЦВЕТА

Третьим (и, как оказалось впоследствии, последним) директором стал Александр Лаврентьевич Липовский (1867—1942). На этот пост он был избран тайным голосованием на заседании педагогического совета гимназии и реального училища К. Мая, которое состоялось 22 сентября 1906 г. Прежде чем возглавить школу, А. Л. Липовский почти 15 лет преподавал в ней историю, географию, русский язык и литературу.

В отличие от двух предшественников на этом посту, А. Л. Липовский не был урожденным петербуржцем. Его детство прошло в Ташкенте, где он родился 4 сентября 1867 г. в семье писаря штаба войск Туркестанского военного округа Лаврентия Федоровича Липовского. В 1878 г. он поступил в Ташкентскую гимназию, учился там с самого начала очень хорошо, из класса в класс переходил с похвальными грамотами. За отличную учебу и примерное поведение при окончании гимназии в 1886 г. был награжден золотой медалью. На лицевой стороне этой сохранившейся в семейном архиве реликвии отчеканено лишь одно, но весьма знаменательное слово: «Преуспевающему».

Для продолжения образования молодой Александр Липовский поехал в столицу и осенью был принят на историко-филологический факультет Императорского университета. Поскольку средств было недостаточно, то с первого курса он стал давать частные уроки. Вместе с возможностью пополнить студенческий бюджет такие занятия позволяли приобретать педагогические навыки. Как не вспомнить здесь, что этот же путь полвека тому назад прошел и основатель школы Карл Иванович Май.

Еще в студенческие годы А. Л. Липовский начал проявлять серьезный интерес к истории славян и в особенности к сербско-хорватской литературе и вскоре добился в этой области первых успехов. Уже во время учебы на третьем курсе он написал научную работу по славяноведению под названием «Историко-литературное значение Ивана Гундулича», которая решением Ученого совета университета от 30 января 1889 г. была отмечена золотой медалью. В дальнейшем А. Л. Липовский много и увлеченно занимался этой темой, о чем будет упомянуто ниже.

Осенью 1890 г. он окончил университет «кандидатом», получил диплом первой степени, после чего с 1 декабря 1890 г. был остав-

лен при кафедре славянской филологии для подготовки в дальнейшем к профессорскому званию. Летом того же года он впервые побывал за границей в научной командировке. В последующие годы он также неоднократно в период летних каникул посещал европейские страны — Италию, Германию, Францию, Швейцарию, бывал в Сербии, Хорватии, Словении, знакомился с Египтом и Сирией. Во время поездок за границу он не испытывал языковых затруднений, так как хорошо знал основные европейские — немецкий, французский, английский и многие славянские языки.

Несмотря на явные способности к научной работе, А. Л. Липовский все же на кафедре не остался, а выразил желание заняться практической деятельностью в средней школе. И, согласно прошению, с первого сентября 1891 г. он был зачислен сверхштатным преподавателем истории и географии в гимназию и реальное училище К. Мая. Однако при этом свою научную работу не оставил, а продолжал, наряду с преподаванием, целеустремленно изучать славянскую литературу и готовиться к экзаменам, что позволило ему уже 15 февраля 1893 г. на заседании ученого совета историко-филологического факультета университета успешно выдержать испытания на степень магистра (кандидата наук) славянской филологии. Вслед за тем он с 1 ноября 1893 г. был переведен на должность штатного преподавателя истории и географии.

В том же году Липовский женился на Юлии Александровне Игнатович (1868—1948), закончившей в свое время педагогическое отделение Смольного института, «депиньярке», как тогда говорили. Вскоре в семье родился первенец, сын Борис (1894—1956), ставший впоследствии советским инженером-экономистом. После него появились на свет младшие братья: Александр (1896—1957), будущий врач, Василий (1898—1919), студентом погибший на гражданской войне, и Михаил (1899—1944), павший при защите Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, и, наконец, дочь Татьяна (1901), единственная из детей унаследовавшая от отца профессию педагога. Она много лет преподавала русский язык и литературу, была заведующей учебной частью и директором одной из школ на Васильевском острове в Ленинграде. Все сыновья учились в школе К. Мая, однако последний, выпускной класс они, как дети директора, согласно тогдашним правилам заканчивали в близлежащей Ларинской гимназии.

Содержать большую семью было непросто, и поэтому Александр Лаврентьевич начал брать уроки и в других учебных заведениях Петербурга. В разные годы он преподавал в Тенишевском училище, в Павловском институте благородных девиц, в Павловском военном училище, с 1907 г. — в организованной при его поддержке Василеостровской новой школе, ставшей потом женской гимназией М. Д. Могилянкой.

С первых лет работы учителем в школе К. Мая А. Л. Липовский не ограничивается только проведением программных уроков, а почти сразу, по своей инициативе, стал заниматься просвети-

тельской деятельностью: читал ученикам старших классов еженедельно лекции сначала по истории мировой литературы от древнейших времен до современных русских писателей, затем проводил беседы по эстетике и по всеобщей истории искусств. Кроме того, он часто выступал с докладами на литературные темы: «Ф. И. Тютчев. Характеристика его поэтического творчества», «О поэзии Некрасова», «Детство и отрочество Л. Н. Толстого» и т. п.

Благодаря столь энергичной и разнообразной педагогической деятельности А. Л. Липовский постепенно сделался не только одним из ведущих преподавателей школы К. Мая (с 1903 г. он нередко замещал директора, и ему поручали готовить отчетные годовые доклады), но и становится известен среди учителей города. Действительно, прекрасная организация урока, тщательно методически продуманное, основанное на глубокой эрудиции, увлекательное, нередко выходящее за рамки программы изложение материала, наконец, явно либерально-демократические взгляды создали ему высокий авторитет среди прогрессивно настроенных учителей столицы. Когда накануне революции 1905 г. учительство России впервые получило возможность объединиться в свой профессиональный союз, то А. Л. Липовский был избран первым председателем «Союза учителей средней школы Петербурга», насчитывавшего в тот момент свыше 200 членов. Весной 1905 г. эта организация выступила в печати с «Запиской», в которой изложила программу действий союза, направленную на удовлетворение неотложных нужд средней школы. В октябре 1905 г. А. Л. Липовский возглавил забастовочный комитет учителей Петербурга, поддержавших Всероссийскую политическую стачку. После этого он, в качестве председателя оргкомитета, провел большую и сложную работу по подготовке Учредительного съезда Всероссийского союза учителей и деятелей средней школы. Несмотря на немалые трудности, этот съезд состоялся 9—11 февраля в городе Иматра (современная Финляндия). Открывая съезд вступительной речью, А. Л. Липовский произнес, в частности, перед делегатами от 20 городов России следующие, весьма смелые и в то же время пророческие слова: «Старая школа, как и старый режим, осуждены на смерть. Нужна коренная реформа». Заключительная же его фраза прозвучала почти как революционный призыв: «Соединяйтесь, педагоги всех средних школ России, и да здравствует новая школа — демократическая, свободная, автономная!»

Почти с первых шагов своей преподавательской деятельности А. Л. Липовский зарекомендовал себя и как незаурядный педагог-методист. Еще в 1897 г. он участвовал в работе «Комиссии по пересмотру примерной программы курса истории в гимназиях и реальных училищах», за что был отмечен министерской благодарностью. Позднее, в 1914 г., его пригласили работать в аналогичной по содержанию комиссии. И снова его деятельность была вознаграждена благодарностью «за труды в комиссии по пересмотру программ русского языка и словесности в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения». А перед самой

февральской революцией, в период с 27 декабря 1916 г. по 5 января 1917 г., он был делегатом проходившего в Москве Всероссийского съезда преподавателей русского языка.

Все эти годы А. Л. Липовский, наряду с преподавательской и общественной работой, по-прежнему продолжал углубленно заниматься проблемами славяноведения, истории России и русской литературы. Если небольшие статьи в «Славянских известиях» он начал публиковать еще в 1890-х годах, то первой его крупной научной монографией явилась вышедшая в 1906 г. книга «Хорваты», в которой было дано лучшее по тем временам описание истории, литературы, жизни и быта Хорватии и Словении. В дальнейшем он много и подробно изучает творчество русских писателей XVIII и XIX вв., постепенно вырабатывая собственный взгляд на развитие русской литературы в этот период. В результате такой работы последовательно выходят в свет написанные им книги: «Итоги русской литературы XVIII века» (1910), «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1912) и, наконец, обобщающий труд «Очерки по истории русской литературы от эпохи Петра Великого до Пушкина» (1912). Последняя книга получила широкое распространение и разнообразные, но благожелательные отклики критики. Так, Министерство народного просвещения в своем отзыве отмечало, что «книга написана живым литературным языком и дает основание видеть в составителе писателя, самостоятельно продумавшего историю русской литературы». Журнал «Русская школа» в сентябрьском номере за 1912 г. поместил рецензию, где подчеркивалось, что «автор очень серьезно изучил эпоху и владеет материалом и как ученый-специалист...». В других статьях критики выделяли также внимательное отношение автора к развитию не только литературы, но и общественных идей, первое полное и яркое изложение взглядов А. Н. Радищева, считали, что эта книга благодаря новизне изложения материала и умелому его расположению может быть признана лучшей из существующих пособий по истории литературы.

Помимо работы над монографиями, А. Л. Липовский принимал непосредственное участие в составлении и редактировании издававшихся Отделением русского языка и словесности Академии наук (ОРЯС) библиографических ежегодников «Славяноведение в повременных изданиях», а также сборника «Славяноведение в 1901 г.», писал в «Известиях ОРЯС» обзоры новинок хорватской литературы. Длительно и активно он сотрудничал и в возглавляемом С. А. Венгеровым отделе истории литературы редакции «Энциклопедического словаря», издаваемого Ф. А. Брокгаузом и И. А. Эфроном. В общей сложности перу А. Л. Липовского принадлежит свыше 200 статей научного и просветительского характера, напечатанных в различных периодических изданиях того времени.

Прежде чем публиковать тот или иной материал, А. Л. Липовский нередко обсуждал его, делал сообщения на предлагаемую к печати тему среди специалистов, объединенных общими ин-

тересами в различные кружки и общества, членом которых он сам, как правило, являлся. Так, он состоял активным членом руководимого А. А. Шахматовым «Славянского библиографического кружка», участвовал в работе неославистского кружка «Славянская беседа», с самого основания в 1899 г. принимал «ближайшее участие» в деятельности «Русского библиологического общества».

Со временем Александр Лаврентьевич Липовский стал одним из крупных славяноведов России, его заслуги в этой области, как и в педагогике, значительны и неоспоримы, свидетельством чего может служить и научно-биографическая статья о нем в биобиблиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России», изданном в Москве в 1979 г.

После Февральской революции А. Л. Липовский по направлению Временного правительства несколько месяцев занимался улучшением начального образования в Туркестанском крае, получив должность главного инспектора училищ. Однако в дни Октябрьской революции он уже снова был в родной школе и сумел не допустить прекращения занятий в то сложное время. Когда в 1918 г. началась коренная реорганизация школьной системы, он оставил пост директора, но еще некоторое время вел в этой школе отдельные уроки. В начале 1919 г. он был избран профессором и деканом основного факультета созданного тогда Института дошкольного образования при Высших курсах П. Ф. Лесгафта, а затем избран и профессором Эстонского пединститута. В момент организации рабочих факультетов он также стал преподавать на рабфаке при Петроградском университете и при Педагогическом институте. В это же время он сотрудничал в Государственном институте научной педагогики, где руководил кабинетом русского языка, был деятельным членом «Общества по изучению русского языка и словесности» и «Общества друзей Пушкинского заповедника». Своё отношение к великому поэту он выразил в прекрасной статье «Лирика Пушкина», опубликованной в февральском номере журнала «Педагогическая мысль» за 1923 г., в которой автор не только дал блестящую характеристику лирического направления в творчестве А. С. Пушкина, но и выступил против псевдореволюционного славословия тех лет.

В 1926 г., по ходатайству Ленинградского губернского отдела народного образования, Советское правительство назначило А. Л. Липовскому персональную пенсию, однако он продолжал активно трудиться, в частности совместно с В. Е. Евгеньевым-Максимовым и А. И. Гурвичем составил «Спутник преподавателя-словесника», вышедший двумя изданиями в 1928 и 1930 гг. К сожалению, столь полнокровная работа прервалась в 1934 г., когда тяжелая болезнь приковала его к постели. Но и после этого он постоянно поддерживал связь с педагогами, часто консультировал их в домашних условиях. Скончался А. Л. Липовский 11 января 1942 г. в блокадном Ленинграде и похоронен на Смоленском кладбище.

Даже такое довольно лаконичное изложение биографии А. Л. Липовского показывает, сколь удивительно многогранна и плодотворна была его деятельность на ниве просвещения. Недаром Т. А. Щукарева (Липовская) вспоминает, что «отец был всегда очень занят, хотя и находил иногда время, чтобы уделить внимание детям». Однако без особого преувеличения, как отмечает и его дочь, можно сказать, что он больше всего «жил жизнью своей гимназии». В самом начале деятельности А. Л. Липовского на посту директора школа отметила пятидесятилетие со дня основания. Еще в период подготовки к юбилею многим бывшим ученикам разослали специально разработанную анкету с просьбой либо ответить на поставленные вопросы, либо просто поделиться воспоминаниями. Откликнулись многие, прислав интересные как обстоятельные, так и короткие рассказы, которые нередко воссоздавали живые эпизоды из жизни школы в разные периоды ее пятидесятилетнего существования. Особенно обширные и содержательные мемуары, не уступающие по красочности написанным позднее воспоминаниям А. А. Бенуа, прислал давний патриот школы Д. П. Семенов-Тянь-Шанский. Все воспоминания затем включили в специально изданный сборник, посвященный юбилею. Кроме сборника был выпущен и юбилейный серебряный нагрудный значок с изображением традиционного символа школы — летящего майского жука.

Торжественный акт, посвященный юбилею, состоялся 29 октября 1906 г., в день рождения основателя школы К. И. Мая. Во вступительном слове А. Л. Липовский рассказал об истории школы. Затем, как обычно в таких случаях, были произнесены и зачитаны многочисленные поздравления от Министерства народного просвещения, от большинства средних учебных заведений Петербурга, от тех, кого воспитали гимназия и реальное училище К. Мая. От имени окончивших в 1906 г. выступил ученик Вениамин Краснов, заслуживший за свои успехи золотую медаль. В своей речи он, будущий первый советский директор этой школы, наряду со словами благодарности, в частности, сказал: «Мы вступаем в жизнь, когда старое рушится, а новое еще не создано, над нами занимается новая заря — заря будущего, наша работа будет трудной, но благородной». Услышав эти слова из уст вчерашнего «майца», уже без каких-либо сомнений можно было составить вполне определенное мнение, что школа эта выпускает не просто образованных молодых людей, но и, в немалой степени, сознательных членов общества, понимающих существующие в стране проблемы и будущие задачи, стоящие перед ними. Те же мысли нашли отражение и в юбилейном стихотворении В. А. Краснова, хотя и довольно бесхитроном, но столь удачно и точно выразившем суть добротворческой просветительской деятельности этой незаурядной школы, что его стоит привести целиком:

Полвека назад создалась эта школа,
И «майское солнце» над нею взошло!

И шли в этот храм незаметный науки,
 Где было всегда так тепло и светло,
 Где ярко зажженный огонь просвещенья
 Горел с каждым годом сильней и сильней,
 Где долго учили, как жить и трудиться
 Во имя прогресса, во имя людей!
 Где в детях умели развить человека,
 Любовь к идеалу вдохнуть в их сердца,
 Где им говорили, что мир не из счастья,
 Что нет слезам счета, а горю — конца.
 И чуткие детские души внимали
 Великим заветам христианской любви
 И в темную жизнь выходили с желаньем
 Отдать человечеству силы свои.
 Полвека прошло... и под кровом родимым
 Собрались мы, школы питомцы, опять,
 Чтоб вспомнить минувшие школьные годы,
 Приветствуя снова «кормилицу-мать».
 Я верю, я знаю: среди нас не найдется
 Того, без любви бы кто вспомнил о ней.
 И если мы в стены вступаем родные,
 То кажемся лучше друг друга, светлей!
 И, вспомнив минувшее, вспомнив заветы
 Наставников наших, бодрее идешь
 По длинной, тернистой житейской дороге,
 И в истину веришь, и счастья ждешь!
 И хочется жить, как учили нас в школе,
 Бороться за правду, свободу, народ.
 И пусть нам не розы усеют дорогу,
 Но черный терновник нас колет и жжет!
 Служи, как и прежде, родимая школа,
 Науке, прогрессу и правде святой,
 И «майское солнце», как символ прекрасный,
 Пускай так же ярко горит над тобой!

Через год после того как А. Л. Липовский возглавил школу, он выступил на очередном выпускном акте 29 октября 1908 г. с напутственной речью, которая в известной степени может быть названа и программной, поскольку в ней новый директор рассказал о своем понимании задач школы, о своих взглядах на обучение и воспитание, о том, как он понимает роль человека в обществе. Прежде всего он пожелал, чтобы неизменно традиционный девиз школы «Сперва любить — потом учить» стал для каждого выпускника одним из основных правил в предстоящей жизни. Именно любовь к ученикам, подчеркнул он, как и во все предыдущие времена, была основой всего школьного процесса. «Воспитывая вас, — говорил далее директор, — мы прежде всего стремились сообразоваться с вашей природой. Мы признавали ваше право на настоящее, на ваше детство и юность, которые вы

должны были пережить именно как детство и юность, независимо от того, чем вы будете впоследствии. <...> Ради единичных случаев дурного пользования свободой я не считал возможным стеснять всех, пугать страхами, возлагать непосильные для данного возраста задачи. Пусть школьные годы будут годами светлой радости, чтобы воспоминание о них будило сладкую грусть в сердце, а не ненависть и проклятие. Да, я предпочитаю упрек в слабости упреку в сухости и формализме, и в обучении вашем мы прежде всего имели в виду развитие вашей личности, а не какие-либо посторонние цели. Человек не как средство, а как самоцель. Не идеал гражданина, прежде всего, не профессиональный работник и т. п. специальные задачи преследовали мы, а выработку в вас широкого и глубокого понимания жизни. Вспомните, сколько говорилось о красоте человеческих переживаний и ощущений, о правде истины и познания, о правде справедливых общественных отношений. <...> «Ищи и будь человеком» — слова Пирогова — повторяли мы вам. И теперь, когда вы уже ушли из-под нашего влияния, а школы, в которые вы поступили, не ставят задач воспитания, вспоминайте наши слова: воспитание ваше не закончено, продолжайте воспитывать сами себя в духе той человечности, зерна которой старались взрастить мы».

Закончил же Александр Лаврентьевич эту речь призывом помнить о смысле жизни человека. «Никто не может, кроме вас самих, определить смысл вашей жизни. Всякий понимает его по-своему, и всякий прав. Но чем полнее, шире, разностороннее переживания человека, тем лучше. «Человеку нужно, — говорил Чехов, — не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и все особенности своего свободного духа». Любить и ненавидеть, хотеть, страдать, бороться, побеждать и даже погибнуть, но во всяком случае жить — VIVERE MEMENTO — в этом смысл.

Будьте же людьми, и радость вашей жизни будет радостью для нас, свидетелей, невозвратной поры вашего детства и юности!»

Внешне не очень заметный, чуть выше среднего роста, в пенсне, с мягкими неторопливыми движениями, одетый всегда аккуратно, даже с некоторым изяществом, похожий больше на профессора, чем на учителя, Александр Лаврентьевич всем своим обликом — выдержкой, спокойным голосом, пунктуальностью и, главное, неутомимым трудолюбием являл собой пример не только ученикам, но и коллегам по профессии. По характеру он был чрезвычайно добрым и чутким человеком, даже порой слишком добрым, особенно для такой должности, как администратор, за что его иногда даже критиковали.

Однако доброта была для А. Л. Липовского в то же время принципом, о чем он и сказал в вышеприведенной речи. Но эта черта не мешала ему быть последовательным и настойчивым в заботах о дальнейшем улучшении деятельности своей школы, конечно, в духе «майских» традиций.

В этой школе по-прежнему отметки за успехи в учебе и поведение выставлялись ученикам только в четвертных ведомостях, и то это делалось лишь в виде вынужденной уступки требованиям Министерства народного просвещения, а также на случай перехода ученика в другую школу в середине учебного года. Но при новом директоре основная (выражаясь современным языком — комплексная) оценка каждого ученика определялась с помощью специально разработанной характеристики, которая называлась «отзыв преподавателя». Этот небольшой по объему отзыв тем не менее позволял получить весьма разностороннее и, по замыслу авторов, объективное представление об ученике. Приводим ниже отзыв полностью, поскольку и в наше время его содержание может представить интерес, с одной стороны, а с другой — он характеризует педагогический поиск того времени.

Отзыв преподавателя

об ученике _____ класса

_____ 19 __ г.

Успехи

Интерес

(к естествознанию, математике, гуманитарным наукам, к искусствам).

Внимание

(сосредоточенность, рассеянность, болтливость, утомляемость).

Воля

(усердие, послушание, упрямство, добросовестность в работе, неряшливость, самостоятельность, настойчивость, самоуверенность, неуверенность в себе).

Понимание

(сообразительность, оригинальность мышления, рассудительность, сознательность, способность усвоения).

Темперамент

(живость, вялость).

Нравственные качества

(искренность, лживость, легкомысленность, общительность, замкнутость, отношение к товарищам и старшим, доброта, скромность, назойливость, внешняя благовоспитанность).

Отдельные замечания...

Главное руководство школой, как и прежде, осуществлял педагогический совет, который, однако, в административном и учебно-воспитательном отношениях был полностью автономен от «Общества для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая». Надзор за учебно-воспитательными делами продолжал находиться в ведении созданного еще В. А. Кракау совета классных наставников, но теперь, по инициативе А. Л. Липовского, при нем были образованы предметные комиссии, занимавшиеся изучением и улучшением учебных программ по основным предметам — русскому языку и литературе, математике, истории, иностранным языкам. Вопросами поддержания дисциплины на уроках и переменах ведал совет воспитателей (в 1909 г. преобра-

зованный в совет наблюдателей), который, в частности, считал целесообразным лучше выделить отдельную комнату для курящих учеников, чем выслеживать таковых с последующим наказанием.

В 1907 г. несколько упростилась структура школы: в связи с отсутствием желающих получать среднее образование с торговым уклоном было закрыто коммерческое отделение при реальном училище. В следующем, 1908 г. впервые в истории школы были введены в последнем классе уроки гигиены.

Развивая наглядную направленность обучения, в том же году А. Л. Липовский вместе с учителями истории М. А. Полиэвктиевым и А. И. Солнцевым создал исторический кабинет, где благодаря приобретениям, подаркам, а также чертежам, рисункам и макетам, выполненным самими учениками, постепенно создалась прекрасная коллекция наглядных пособий. Еще через год, в 1910 г., даже такие простые в смысле оснащения интересными поясняющими материалами дисциплины, как математика и астрономия, тоже получили свой кабинет.

В деле эстетического воспитания при А. Л. Липовском также произошли изменения: детей помимо рисования на специальных уроках стали учить и лепке, что, безусловно, помогало выявлять юных ваятелей. Совершенно новым предметом, появившимся в программах старших классов в 1910 г., стала философская пропедевтика. Приглашенный первоначально для ведения этих уроков педагог оказался очень неудачным, и вскоре его место занял приват-доцент философского факультета университета, выпускник Майской гимназии 1897 г. Андрей Николаевич Римский-Корсаков, который быстро сумел возбудить интерес к этому сложному и необычному предмету.

Столь энергичное развитие школы во всех отношениях, желание расширить существующие и создавать новые кабинеты, потребность в увеличении количества классов — число учеников к 1 января 1909 г. достигло 350 — все чаще приводило А. Л. Липовского к мысли о необходимости переезда в другое здание или лучше всего — о строительстве своего, нового. Наконец в 1907 г. «Общество для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая» не без труда, благодаря большой поддержке многих бывших учеников, банковскому кредиту и энергии председателя правления И. А. Шендзиковского, изыскало деньги на строительство нового здания. Участок для него удалось приобрести неподалеку, на 14-й линии, где стоял под № 39 деревянный дом с мезонином. Проект новой школы разработал Г. Д. Гримм, ее бывший воспитанник, выпускник 1883 г., ставший к этому времени известным академиком архитектуры.

Заказ родной школы был выполнен быстро, уже 21 января 1909 г. проект утвердили в высшей инстанции, а к весне 1910 г. полностью закончили строительство и отделку здания. В течение осени под руководством учителей рисования М. Г. Горохова и Н. Ф. Лоренца и учителя латинского языка С. М. Введенского школа переехала на 14-ю линию.

Торжественное открытие нового здания состоялось 31 октября 1910 г. Сначала председатель правления «Общества для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая» генерал-лейтенант И. А. Шендзиковский рассказал об истории строительства, а затем член правления инженер П. М. Горбунов (отец будущего первого управделами Совнаркома Н. П. Горбунова) дал характеристику новой обители «майцев». Надо прямо сказать, что хотя Г. Д. Grimm больше известен как автор проектов жилых и культурных зданий, единственный в его творческой биографии проект школьного здания безусловно является не только одной из лучших его работ, но и незаурядным примером дореволюционного школьного строительства вообще. Такая школа наверняка доставила бы радость и современным учителям и ученикам (если бы она сохранилась!), поскольку создавала максимум удобств для ведения учебного процесса не только по тогдашним, но и по нынешним меркам.

Здание имело четыре этажа и внешне выглядело достаточно скромно, лишь на фронтоне рельефно выделялась надпись «Гимназия и реальное училище К. Мая» да замковый камень над широкой аркой входной двери украшал барельеф — пригревшийся на березовом листе усатый майский жук. Фасадом школа смотрит на юго-восток, благодаря чему большую часть дня классы освещены естественным светом. Классные комнаты, расположенные на втором, третьем и четвертом этажах, дают детям много света, воздуха и приучают самой обстановкой к чистоте и опрятности. Высота потолков 4,5 м, площадь каждого класса 72 м², благодаря таким размерам на одного ученика приходится не менее 8 м³ воздуха. Стены гладкие (чтобы не оседала пыль), окрашены клеевой краской мягких тонов, полы покрыты дубовым паркетом. Для каждого возраста (всего семи типов) на фирме Лютера в Ревеле (современный Таллинн) по специальному заказу изготовлены парты, причем в классах они установлены так, что свет падает только слева. Раздвижные двусторонние классные доски покрыты черным специальным линолеумом. Все помещения школы оснащены принудительной вентиляцией и водяным отоплением от собственной котельной. Перила парадной широкой лестницы как будто украшены латунными шариками, которые, однако, исключают возможность детям заниматься любимой, но опасной игрой — съезжанием с перил. Стены лестничных площадок оживлены консолями, на которых установлены бюсты великих писателей и ученых, — это, пожалуй, единственный внутренний декор здания. В крыльях школы расположены заново оборудованные кабинеты истории, географии, естественной истории, лепки, физики, химии и рисования, причем рядом с тремя последними размещены еще специальные предметные аудитории, построенные едва ли не впервые в школьной практике в виде амфитеатра. Если три верхних этажа занимали классы: младшие (до 12 лет) — второй, средние (до 15 лет) — третий, а старшие — четвертый, то первый этаж был отдан под служебные помещения. Здесь находились шинельная (т. е. разде-

валка), приемная и кабинет директора, учительская, кабинет врача и библиотека.

Двое из пишущих эти строки, как и многие, кому посчастливилось учиться в этом здании, хорошо помнят его обстановку и свидетельствуют: это был действительно прекрасный храм школьной науки, где были созданы все условия для получения детьми всех необходимых знаний.

По случаю открытия нового здания школа вновь получила много поздравлений, почти все газеты Петербурга поместили сообщения об этом событии, отметив высокое качество проекта и строительных работ. Газета «Речь» 31 октября 1910 г. опубликовала обстоятельную, с любовью написанную статью выпускника 1890 г. Д. В. Философова «Майские жуки». В этой статье автор как нельзя более точно определил место школы К. Мая в истории народного просвещения Петербурга второй половины XIX в. Д. В. Философов писал: «Я почти никого не встречал, кто бы вспомнил с любовью казенную гимназию 80-х годов. «Майские жуки» — счастливое исключение. Гимназия Мая была каким-то государством в государстве, таинственным островом, отделенным бесконечным океаном от казенщины». И еще одно приветствие — гимназии М. Н. Стоюниной позволим себе процитировать, поскольку оно созвучно предыдущему и образно дополняет его: «Среди сумерек просвещения, которые до сих пор не могут рассеяться, яркими пятнами светятся частные школы, и одним из таких пятен на сумеречном фоне являются учебные учреждения Мая... Трудная, неблагодарная работа — поддерживать огни в тумане: все равно кругом темно, что пользы, что в этом мраке одно, два, три светящихся пятна. Но более 50 лет не переставали работники гимназии Мая, несмотря ни на какую погоду, поддерживать огни своего педагогического творчества». Бывшие педагоги и ученики разных выпусков, в числе их ректор Петербургского университета Д. Д. Grimm, директор Симбирской гимназии Б. Н. Некрасов, художник Н. К. Рерих, также прислали немало поздравительных телеграмм.

Переезд в новое здание и вследствие этого существенное изменение условий учебы способствовали, конечно, улучшению всего учебного процесса, вызвали оживление всей школьной жизни, в том числе и внеклассной.

Педагогический совет и подотчетные ему совет классных наставников и совет воспитателей (вновь созданный в 1911 г.) главное внимание в своей работе, наряду с традиционными учебно-воспитательными заботами, уделяли индивидуализации воспитания, развитию самостоятельности учащихся, усилению наглядности в преподавании и организации разумных увлечений.

Интересным опытом в области самоуправления учеников и регламентации их взаимоотношений с педагогами было создание и утверждение школьной конституции.

В предвоенные 1910—1913 гг. в новом просторном рекреационном зале на четвертом этаже состоялись вечера: памяти Л. Н. Тол-

стого, по случаю пятидесятилетия освобождения крестьян; в связи с двухсотлетием со дня рождения М. В. Ломоносова и пятидесятилетием со дня смерти поэта И. С. Никитина; вечер, посвященный столетию Отечественной войны 1812 г.; чтения «О судьбах России за последние 300 лет». Каждый вечер обычно начинался небольшой лекцией одного из учеников или педагога, после чего непременно имел в своей программе чтение отрывков из литературных произведений, декламацию стихов, постановку отрывков из пьес, а в завершение — танцы, которые оканчивались, однако, не позже двух часов ночи.

Очень разнообразны по тематике проведенные в это время лекции. Вот, для примера, темы некоторых: «О США», «О каучуке», «Зодчество правды божьей (о готических храмах)», «Балканский вопрос в его прошлом и настоящем», «О превращениях в мире животных».

Возникали и совершенно новые виды внеклассной работы. Так, по инициативе школьников и при поддержке директора и преподавателей в 1911—1912 гг. при школе впервые образовались и начали успешно работать различные ученические кружки: технический под руководством учителя Н. М. Соколова; любителей физики, химии и математики, возглавляемый Ф. И. Индриксоном; исторический, где занятия вел А. И. Солнцев; фотографический — им руководил М. В. Образцов; «Общество любителей авиационного спорта (ОЛАС)», председателем которого был В. А. Векшин; кружок балалаечников, этнографический кружок и, конечно, литературный кружок. О деятельности двух из вышеназванных кружков надо сказать особо. В ту далекую пору, когда слово «авиация» привлекало к себе интерес как романтичностью, так и таинственностью, созданный при школе К. Мая кружок ОЛАС был едва ли не первым среди таковых в России, и его члены весьма серьезно относились к своему увлечению. В кружке не только создавали действующие модели и будущий советский авиаконструктор Н. В. Фаусек (1894—1937) запускал их в рекреационном зале, а затем и во дворе школы, но и начали, как пишет в своей книге «Десять раз сначала» генеральный конструктор О. К. Антонов, строить планер. Этот планер хотели поднять в воздух в районе станции Горская под Петербургом, что, однако, опасаясь жертв, полиция сделать не разрешила.

Члены литературного кружка столь энергично проявили свои творческие наклонности, что «для помещения самостоятельных опытов учащихся литературного и научного характера» предприняли собственное издание под названием «Майский сборник». В 1912 г. были напечатаны, в количестве 300 экземпляров каждый, первый и второй номера сборника и подготовлен третий, не увидевший свет из-за начавшейся войны. Во вступительной статье к первому номеру сообщается, что сборник будет иметь разделы: «1) научный, 2) литературно-художественный, 3) вестник кружков, 4) текущей жизни, 5) смесь». И далее называлась цель издания и принцип подхода к публикациям: «Сборник должен объеди-

нять и скреплять товарищество на почве здоровой мысли и благородных чувств. Свобода мнений ничем не стесняется». Среди материалов первого номера можно отметить весьма квалифицированно написанную учеником VI класса А. Бродским статью «Юношеская любовь С. Я. Надсона» и особенно искусно выполненный учеником V класса С. Поляковым обзор «Выставка картин «Мира искусства», читая, которую, невольно удивляешься тому, как хорошо у школьника развит художественный вкус. Заключает же этот сборник совершенно неожиданное, но весьма примечательное «Воззвание к отзывчивым товарищам!». Вот его текст:

«Не все дети избалованы судьбою. Множество мальчиков и девочек вашего возраста не только не имеют книг и игрушек, но они лишены также обуви и одежды. Вы можете ежедневно видеть таких детей, которые бегают в лохмотьях и дырявых сапогах, без всякого присмотра, так как их родители должны зарабатывать кусок насущного хлеба и не имеют времени следить за своими детьми. Предоставленные вредному влиянию улицы, эти бедные дети со временем станут хулиганами.

Несколько добрых женщин пожалели этих маленьких ребят и, поняв, что зло можно искоренить лишь в зародыше, они общими силами открыли бесплатный детский сад.

Он находится на 18 линии Вас. острова, д. 19, и в нем пока проводят день 23 ребенка от 6 до 7 лет, дети самых бедных родителей.

Однако общество это не имеет достаточно средств, чтобы одевать детей и развивать начатое доброе дело, и обращается к вам, товарищи, с большой просьбой.

Добрые товарищи! Помогите бедным ребятам!

Возвратясь сегодня домой, покажите это воззвание вашим родителям. Наверно, у вас или у ваших братьев и сестер имеются старые игрушки, башмаки, ненужная одежда, и родители ваши, без сомнения, разрешат вам отдать их бедным детям.

Не откладывая долго, так как Великий Праздник приближается, принесите все свою лепту, что и сколько кто может.

За дело, добрые товарищи! Жертвуйте в пользу бедных одежду, обувь, игрушки, книги и, если кто может, то деньгами, и вы облагодетельствуете десятки несчастных, заброшенных детей, которые вечно будут вам благодарны.

Делайте добро другим — это так легко!»

Можно не сомневаться, что призыв к милосердию нашел отклик в сердцах «майцев», всегда отличавшихся чуткостью к чужому горю. Уместно вспомнить здесь, что, например, во время голода 1898 г. школа К. Мая собрала немалую сумму в помощь голодающим; собирали также средства и в дни освободительной войны 1877—1878 гг., на строительство памятников Н. В. Гоголю и А. С. Пушкину и т. п.

Во втором номере «Майского сборника», целиком посвящен-

ном литературным упражнениям младших классов, может представить литературно-исторический интерес публикация (возможно, вообще первая в его жизни!) маленького стихотворения ученика II класса (а впоследствии известного писателя) Льва Успенского «В деревню», в котором он с детской непосредственностью воспевает природу. Поскольку ныне «Майский сборник» почти недоступная редкость, то приведем здесь эти строфы:

Сегодня я, скинув оковы столицы,
Несуся в деревню, лечу на простор,
Туда, где поют только вольные птицы
И с шумом вдали колыхается бор.
Как чудно в деревне, и как там прохладно
Под сенью деревьев лежать
И, грязную, скучную бросив столицу,
В высокой траве отдыхать.

И хотя поэтическое творчество не стало главным в жизни Л. В. Успенского, «проба пера», как видим, была стихотворной.

Как и раньше, но в несравненно большем количестве стали проводиться всевозможные экскурсии. Для примера перечислим лишь те, что состоялись в течение одного учебного года (1911/12): 1. Морской музей. 2. Музей императора Александра III. 3. По следам Петра Великого. 4. По следам Екатерины Второй. 5. Панорама «Завоевание Кавказа». 6. Сельскохозяйственный музей. 7. Исаакиевский собор. 8. Зоологический музей. 9. Путиловский завод. 10. Художественный музей барона А. Л. Штиглица. 11. Пивоваренный завод Дурдина. 12. Переселенческая выставка. 13. Фабрика Чешера. 14. Общество спасения на водах. 15. Выставка печати. Кроме того, ученики побывали в таких пригородах Петербурга, как Дюны, Екатерингоф, Удельный парк, Царское Село, Пулково с посещением обсерватории, Красное Село с посещением бумагоделательной фабрики Печаткина и участием в празднике древонасаждения. И даже совершили поездки в другие исторически интересные города — Новгород, Псков, Москву.

Кружки, лекции, экскурсии, поездки расширяли, конечно, кругозор школьников, пробуждали у каждого интерес к чему-то своему, помогали в дальнейшем выбрать будущую профессию.

Более разнообразными, особенно в старших классах, стали занятия и по физическому воспитанию, чему особенно способствовал преподаватель Н. А. Низовцев. Были созданы команды по «хэнд-боллу», «баскет-боллу», «фут-боллу» и даже по хоккею. Футболисты выступали особенно успешно и завоевали серебряный кубок учебных заведений, а также победили своих сверстников из Соединенных Штатов Америки.

Пожалуй, можно сказать, что это было время подлинного расцвета школы. Действительно, если более пятидесяти лет назад в школу пришло 10 учеников, то теперь в гимназии и реальном училище накануне войны занималось 567 мальчиков. Принципиально изменился и национальный состав, православные (учет тогда вел-

ся по вероисповеданиям) составляли уже 83%, так что школу никак нельзя было считать «немецкой». Кроме русских здесь учились, без каких-либо ограничений при приеме, представители любых других национальностей — немцы и киргизы, французы и татары, поляки и евреи, причем последние поступали сюда охотно, так как, во-первых, будучи частной, школа не соблюдала пресловутую процентную норму и вместо положенных для столицы 3,5% в отдельные годы их бывало 7% и даже 11%, во-вторых, здесь никогда не было проявлений антисемитизма, как и шовинизма вообще.

Начав свое существование в одной из квартир флигеля дома на Тучковой набережной, школа впоследствии располагала не только необходимым количеством классов, но и 12 отличными кабинетами и хорошей библиотекой, насчитывавшей на 1 января 1915 г. 6080 книг в фундаментальном отделе и 2721 книгу в учебном, в том числе свыше 800 книг на немецком, французском, латинском и греческом языках. Гордостью библиотеки было подаренное вице-директором императорской публичной библиотеки Н. П. Лихачевым ценное издание Остромирова евангелия, а также «История живописи всех времен и народов», преподнесенная своей школе А. Н. Бенуа, и дар С. М. Прокудина-Горского — прекрасно изданная «Отечественная война 1812 года».

В сословном отношении состав учащихся тоже сильно изменился и стал достаточно разнообразным. Здесь хотя и получали среднее образование дети высокопоставленных лиц и крупных предпринимателей, таких, как Васильчиковы, Гагарины, Голицыны, Олсуфьевы, фон Дервизы, Орловы-Давыдовы, Стенбок-Фермеры, Абаза, Дурдины, Плеве, Сипягины, но особой популярностью школа все же пользовалась у представителей творческой интеллигенции, преимущественно придерживавшихся либеральных взглядов. Недаром именно в стенах этой гимназии возник замысел создания столь известного и весьма прогрессивного в свое время художественного объединения «Мир искусства». Учениками школы К. Мая были члены этого объединения А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, К. А. Сомов, В. А. Серов, А. Е. Яковлев, Д. Ф. Filosoфов, В. Ф. Нувель, а также художники Н. А. Бенуа, Н. А. Бруни, Р. М. и В. М. Добужинские, старейший искусствовед нашего города Г. С. Гингер-Серый, скульптор Б. Е. Каплянский, архитекторы Ю. Ю. Бенуа, А. А. Оль, Ф. Ф. Постельс, И. И. Фомин, писатели и литературоведы Б. Л. Модзалевский, Л. В. Успенский, В. А. Кнехт (Петровский), К. Ф. Эйнбаум, артист Ф. Н. Курихин. Но рядом с ними за партой можно было увидеть сына швейцара или рабочего (цехового, как тогда говорили) и даже крестьянского парня.

Постоянно высокая репутация школы часто приводила к тому, что «у Мая» училось по несколько поколений из одной семьи. Так, например, это учебное заведение закончили: 8 представителей семьи Бенуа, 6 — Семеновых-Тян-Шанских, 8 — Римских-Корсаковых, 5 — Рерихов, 5 — Гриммов, 4 — Оль, 3 — Кракау, 3 — Резанова, 3 — Бруни. Учились здесь дети и родственники архитекторов

Р. Гедике, Г. Гуна, С. Кричинского, А. Парланда, А. Томишко, балетмейстера М. Петипа, композитора А. Рубинштейна, филолога А. Потебни, языковеда Л. Щербы, историка К. Кавелина, правоведа П. Редкина и многих других известных деятелей, все-таки преимущественно представителей гуманитарных профессий.

Сословная и имущественная разница никак не отражалась на положении ученика в школе. Еще К. И. Май не побоялся отчислить из школы близкого родственника тогдашнего весьма реакционного министра просвещения Д. А. Толстого. Учителя всегда и ко всем обращались одинаково на «вы» и по фамилии, не называя никаких титулов, а когда один из обладателей такового (князь Гагарин), как вспоминает И. И. Фомин, попытался было потребовать этого, то немедленно был выгнан из класса и впредь уже не проявлял подобных амбиций. К школе было не принято подъезжать в экипажах или на уже появлявшихся тогда автомобилях, в крайнем случае транспорт оставался на несколько кварталов. В отличие от казенных гимназий, «майцы» форму никогда не носили, что, по мнению директора, раскрепощало учеников, позволяло им вести себя более естественно, особенно на переменах. Большинство учащихся (свыше 60%) жили на Васильевском острове, но немало приезжало из других районов города.

К сожалению, расцвет школы в новом здании продолжался недолго. Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война с каждым днем стала все больше отражаться на жизни школы, вновь позволила «майцам» продемонстрировать всегда присущий им высокий патриотизм. Уже в первый год войны школа узнала о гибели своих бывших воспитанников Векшина, Кутнера, А. Эджунова, Ястребова, все чаще после утренней молитвы служили панихиду по недавним ученикам, павшим на поле брани. Некоторые — Е. Бабин, Л. Кинеев — уходили в армию, даже не завершив среднего образования.

Вскоре после начала войны по инициативе группы родителей (Ю. А. Вердеревской, Э. Д. Умновой, Э. А. Фоминой и др.) для раненых воинов был организован на средства школы «лазарет имени гимназии и реального училища К. Мая в память императора Александра I», который принял на излечение первых пострадавших уже 14 октября 1914 г. Первоначально лазарет предполагали разместить в квартире, бесплатно предоставляемой Д. П. Семеновым-Тянь-Шанским, однако затем решили использовать большее по площади помещение на Николаевской набережной (ныне Лейтенанта Шмидта) в доме № 11, предложенное также бесплатно П. М. Шатько. Лазарет состоял из 30 кроватей, находившиеся на них раненые обслуживались врачом Л. И. Бубличенко и двумя сестрами милосердия, одна из которых постоянно жила при лазарете. Кроме того, ежедневно в две смены дежурили ученики старших классов, освобождаемые на это время от занятий в школе. За первый год в лазарете прошли излечение 157 человек, одиннадцати из них за отличия в военных действиях были вручены медали на георгиевской ленте. Для оказания помощи лазарету при

возглавляющем его комитете был образован отдел «Детская помощь» во главе с учительницей подготовительных классов Л. А. Пушкаревой, которая очень энергично стала привлекать учеников к возможно более активной помощи раненым. Ученики с большим воодушевлением и искренним желанием изготавливали различные предметы для лазарета — свертывали бинты, щипали корпию, шили наволочки, кисеты и даже вязали шарфы и перчатки, а в столярной мастерской делали простейшую мебель. В дни праздников по инициативе бывшего ученика школы артиста Ф. Н. Курихина в лазарете давались самодеятельные спектакли, после чего раненые получали подарки, на рождество непременно устраивались елки, а для ходячих больных нередко проводились и экскурсии в различные музеи города.

По инициативе воспитателя М. Н. Шатунова для семей воинов, лечащихся в лазарете, неоднократно проводился сбор вещей и игрушек для их детей, а по предложению учащихся старших классов осенью 1915 г. были собраны книги и отправлены в Германию для распространения среди русских военнопленных.

Неутомимый и деятельный Ф. Н. Курихин, стремясь материально помочь лазарету, организовал в его пользу постановку спектаклей группой Интимного театра.

Еще один весьма серьезный благотворительный шаг сделало руководство школы в сентябре 1915 г. — единодушно приняло решение: в качестве оказания помощи детям защитников Отечества принять бесплатно по одному ученику в каждый класс.

Но не только милосердные дела совершал коллектив школы в то тяжелое время: почти с самого начала войны по предложению А. Л. Липовского старшеклассники стали обучать начальным навыкам военной службы. Для этого прежде всего использовали уроки гимнастики, программу которых изменили с учетом военного времени. Обучение «майцев» азам военной службы было настолько хорошо организовано, что уже в 1915 г. А. Л. Липовский был награжден светло-бронзовой медалью на ленте Белого Орла «За особую полезную деятельность по мобилизации спорта для допризывной подготовки лиц, подлежащих приему в войска». Школа К. Мая намного опередила время и в этом вопросе — правительственное указание о введении допризывной подготовки в средних учебных заведениях последовало лишь 8 января 1916 г.

В конце 1915 г., 1 декабря, исполнилось 25 лет педагогической деятельности Александра Лаврентьевича Липовского, и, несмотря на сложные условия военного времени, коллеги по профессии, ученики и их родители не забыли в этот день поздравить своего директора, преподнести ему цветы и красочные адреса. В одном из них, от гимназии М. Д. Могилянской, так оценивалась четвертьвековая деятельность этого незаурядного просветителя: «Когда 11 лет тому назад началось обновление русской жизни, Вы смело заговорили об обновлении русской школы, Вы были среди тех, кто сумел «зажечь» и собрать русское учительство. С тех пор Ваше имя нераздельно связано со всеми общественными начина-

ниями в педагогическом мире. Русскому педагогу нельзя не знать Вашего имени, историк русской школы не сможет обойти его...» Едва ли стоит думать, что эти слова в немалой степени носят юбилейный оттенок, нет, просто те, кто близко и давно знали педагога А. Л. Липовского, «назвали вещи своими именами», не преувеличив и не умалив его вклад в дело воспитания и образования подрастающих поколений. Кроме адресов А. Л. Липовскому преподнесли 4500 рублей, на основе которых была учреждена стипендия его имени.

И в последний период существования школы, когда шла изнурительная война, ухудшалось материальное положение всего учебного заведения, некоторые учителя покидали коллектив, а учеников нередко досрочно забирали родители, директор всеми силами продолжал поддерживать «майский дух». Так, он, с одной стороны, воспротивился повышению платы за обучение, чтобы не ограничить этим прием малоимущих учащихся, а с другой — поддерживал идею создания школьного сиротского фонда, для чего был специально проведен кружечный сбор. Материальная помощь нужна была многим. В протоколах заседаний педсовета и совета воспитателей тех лет все чаще встречаются записи, такие, как датированная 29 января 1916 г.: «Ученик 6-го класса Мызников не может посещать школу из-за отсутствия обуви. Посему решили — выдать ему 20 рублей из процентных отчислений». Одна лишь строчка, а сколь о многом говорит...

Не оставили «майцы» без помощи и крестьян в пору уборки урожая. Не забыли, что с каждым новым годом войны все меньше мужчин оставалось в деревнях. И школа К. Мая сугубо на добровольных началах организовала из старшекласников трудовые дружины, которые во главе с учителями несколько раз выезжали в близлежащие деревни.

Трудности военного времени сказались на выпускниках: при вручении аттестатов наиболее отличившимся уже не давали золотые или серебряные медали, а только объявляли об этом, ибо в стране приходилось экономить драгоценные металлы. Но занятия все же шли своим чередом, хотя политические перемены, происходящие в стране, не оставляли равнодушными ни учеников, ни преподавателей, в большинстве своем приветствовавших Февральскую революцию.

Осенью 1917 г. уроки в школе начались как обычно и продолжались вплоть до 25 октября, когда по решению педагогического совета были прерваны только на три дня «ввиду возможной физической опасности для детей», после чего возобновлены, причем родителям разрешалось «пускать или не пускать детей в школу, смотря по обстановке». На этом же заседании педсовета было единодушно решено, что «вопрос о политическом мотиве (забастовка протеста) отпадает».

В традиционный «майский» день, 29 октября, как всегда, состоялось торжественное совместное заседание директора, преподавателей и учеников, ставшее последним в истории этой школы.

Из-за дороговизны и дефицита детей на этот раз уже не смогли угостить любимой чашечкой шоколада...

Приход к руководству страной новой власти и ее действия, в том числе и в области образования, естественно, не всеми педагогами школы были восприняты одинаково. И в начале 1918 г. родительский комитет и педагогический совет рассмотрели вопрос «Об отношении к народным комиссарам в случае их появления в стенах школы». Родительский комитет большинством в 13 голосов против 3 принял резолюцию: «Не обсуждая вопроса о признании или непризнании педагогами Советской власти, родители, дорожа, как высоким культурным благом, существованием школы Мая, просят педагогов в случае появления в стенах школы представителей Советской власти избегать шагов, которые могли бы повести к прекращению существования школы Мая». Педагогический совет большинством в 9 голосов против 3, при 2 воздержавшихся, остановился на решении «предоставить право свободного выбора в тактике поведения г-ну директору, который, по своему усмотрению и, руководствуясь настроением отдельных лиц педагогического совета, не допустит до открытого столкновения и каких бы то ни было резких выступлений». И директор, вполне оправдав доверие, не только не допустил «столкновений», но, проявив полную лояльность, обеспечил продолжение занятий.

Однако условия учебы становились все хуже, ученикам из других районов города из-за перебоев в движении транспорта часто не удавалось вовремя попасть на занятия, с большим трудом удавалось найти продукты для завтраков, в меню даже появилась непривычная гороховая каша. По этим причинам, а также «учитывая возможность усиления военных действий», ученики выпускных классов и их родители обратились к директору с просьбой о досрочном, по возможности, окончании учебы. И пятьдесят пятый (последний) выпуск состоялся необычно рано, 24 февраля 1918 г.: аттестаты, по форме прежние, получили 31 гимназист и 14 реалистов, но в них уже не было оценки по закону божьему.

На этом закончилось свое существование частное учебное заведение Петербурга-Петрограда, известное под названием «Гимназия и реальное училище К. Мая», в котором получили среднее образование свыше тысячи сыновей жителей столицы.

Относительно небольшой срок, всего 62 года, занималась воспитанием подрастающего поколения школа К. Мая, однако роль ее в развитии народного просвещения России оказалась весьма заметной, незаурядной, принесшей немалую пользу Отечеству, в том числе и делами своих выпускников, и поэтому она бесспорно заслужила свое место в истории.

В предыдущих главах мы познакомили с историей школы, рассказали о тех, кто ее возглавлял, постоянно улучшая систему и методику образования, приумножая честь и славу своего учебного заведения. Теперь же обратимся к главным действующим лицам всего школьного процесса — к учителям, т. е. к тем людям, чей каждодневный, ни с чем не сравнимый по сложности и ответственности труд, сочетая в себе задачи воспитания и обучения, составляет основу всякого школьного процесса. Можно без преувеличения сказать, что педагогический коллектив — это сердце всей школы: Если учителя образуют коллектив единомышленников, преданных и знающих свое дело, сердце бьется сильно и ровно, организм здоров и успешно выполняет свою работу, если — иначе, ритм может быть неровным, появляется сбой, и результаты работы будут иметь уже не столь хорошее качество.

Все это прекрасно понимал основатель школы К. И. Май и поэтому с первого дня подбору учителей уделял первостепенное внимание, приглашал, как правило, людей, обладающих не только высокопрофессиональными знаниями предмета, но и непременно талантом воспитателя юных душ. И большей частью ему удавалось найти и пригласить в свою школу достаточно незаурядных учителей. Тому свидетельством служат воспоминания бывших учеников. Слова признательности, благодарности, даже порой восхищения, обращают они в адрес своих школьных наставников.

Вот, например, как ученик гимназии Р. Тишбейн отзывался о математике Эмиле Шнейдере: «Он был прекрасный преподаватель, следил за тем, чтобы мы вначале усваивали разные правила и доказательства, а не зубрили бы их без толку». Для большей наглядности, в процессе обучения этот учитель часто посылал кого-либо из учеников на кухню за репой или картофелем, из которых тут же сам ловко вырезал ножом конусы, пирамиды и другие фигуры. Его ученикам, поступающим в учебные заведения, на экзаменах говорили: не «вы хорошо подготовлены», а «у вас был прекрасный преподаватель».

После Э. Шнейдера уроки математики вел К. Миттеллахер, очень скромный человек, которого один из выпускников назвал «выдающимся преподавателем геометрии и космографии».

С первых лет существования школы для проведения уроков ди-

ректор стремился привлечь преподавателей из высших учебных заведений, в особенности из университета и Академии художеств. Тот же Р. Тишбейн в своих мемуарах писал: «Один из самых интересных и любимых преподавателей, о котором у меня сохранились самые лучшие воспоминания, был Александр Брюкнер, впоследствии профессор в Дерптском университете, а затем в Йене, автор многих монографий, историй Петра Великого и Екатерины II и др. Преподавал он у нас немецкую литературу, всеобщую историю и основания политической экономии. (Обратим внимание — в школе в 1860-е годы были уроки политэкономии!)»

Небольшого роста, бритый с длинными темными волосами, всегда в веселом настроении, преподавал оживленно и интересно, пересыпал свою речь остротами и шутками. Не прибегая к каким-либо строгим мерам, сумел себя так поставить, что его беспрекословно слушались.

Бывало в классе шум и гам, посмеется и Брюкнер с нами, а потом скажет: «Ну, господа, посмеялись и довольно, пора заняться делом», и моментально воцарялась тишина.

Брюкнер в совершенстве владел русским, немецким, французским и английским языками, читал *à livre ouvert* («с листа») из русской или французской книги по-немецки, и нас так же упражнял в этом искусстве».

Соратником А. Брюкнера по школе был будущий профессор греческой словесности университета, один из учредителей петербургского педагогического общества Карл Якимович Люгемиль (1830—1886), читавший курс древней истории. Его жена, Софья Андреевна, основавшая в 1867 г. первый в России детский сад, вела уроки в подготовительном классе.

Русский язык и литературу одно время преподавал известный педагог и издатель журнала «Учитель» Иосиф Иванович Паульсон (1825—1898), затем — Павел Игнатьевич Рогов, тоже прекрасный словесник, а в 70-е годы — Вячеслав Измайлович Срезневский (1849—1937).

В то же время учителем русской истории был будущий профессор университета А. И. Незеленов, а уроки физики просто блестяще проводил О. Д. Хвольсон, подробнее о котором мы расскажем в следующей главе. Здесь же отметим, что это был не только ученый, но и талантливейший педагог, методист, автор учебника, по которому изучали физику едва ли не полвека студенты нашей страны. Вспоминая уроки О. Д. Хвольсона, один из тогдашних учеников Э. Блессиг сказал: «Его преподавание по своей ясности и мастерскому изложению трудных проблем непревзойденно».

В качестве преподавателей иностранных языков, в том числе древних, непременно приглашались молодые филологи из-за границы, ибо не без основания считалось, что учить языку должен тот, для кого изучаемый язык является родным.

Многие из иностранцев тоже оставляли о себе хорошую память. Едва ли не лучшим из них был Ф. Уртель, о котором

Д. П. Семенов писал: «Это был выписанный из-за границы молодой, но чрезвычайно знающий и способный филолог. Приехав в Россию, он очень скоро изучил русский язык и стал интересоваться русской литературой, с которой настолько ознакомился, что на уроках латыни, при оживленных своих объяснениях и толкованиях, ссылался иногда на русских писателей и особенно Пушкина, которого он особенно высоко ставил и ценил...

Уртель умел сделать из своих уроков, из чтения произведений классиков, даже из латинской грамматики, интересный предмет. Все он пояснял, разъяснял, переносил нас в древний мир с его особой жизнью и понятиями... Не скучными и сухими, а оживленными и понятными становились, благодаря его объяснениям и стихи Горация, и Виргилия, и речи Цицерона, и прочее».

Способности Ф. Уртеля были замечены на его родине и в 1871 г. он был назначен на весьма престижное место директора Страсбургской гимназии.

Любимы учениками были также строгий («во время его уроков всегда царил такая тишина, что можно было слышать, как муха пролетит») учитель немецкого языка и латыни Эмилий Отто и очень живой француз Шарль Жонт.

Для ведения уроков рисования после не очень удачного Д. Ульянова, был приглашен уже имевший имя в мире искусства профессор исторической живописи Академии художеств Карл Богданович Вениг (1830—1908). Он всячески поощрял творческие искания учеников и даже позволял им рисовать карикатуры на преподавателей, если таковые были удачны. Позднее эти уроки вел и его сын Григорий Карлович Вениг (1862—после 1917).

Мы называли некоторых учителей первого «майского» периода жизни школы, неудивительно, что многие из них носят иностранные фамилии, ведь в школе в то время немало предметов излагалось на немецком языке. Позднее, как мы увидим, это положение изменилось.

Но вот другая особенность — только мужской состав педагогов твердо сохранялся до начала двадцатого века, поскольку, и достаточно обоснованно, в то время полагали, что воспитывать и учить юношей в основных классах, понять их психологию и поведение, обладать необходимым авторитетом в их глазах могут только учителя-мужчины.

Большинство учителей той поры отличало не только умение прекрасно говорить, но и старание ознакомить учеников шире и глубже с предметом урока, подчеркнуть при этом движение и развитие человеческой мысли и пробудить таковое у своих воспитанников.

Внешне это были простые люди своего времени, скромные «сеятели на ниве просвещения», не носившие никогда никакой формы, о чем свидетельствует и бережно сохраненная в семье Римских-Корсаковых фотография учителей, выполненная в 1891 г. во дворе дома № 13 по 10-й линии Васильевского острова. На этом снимке, в частности, изображены и все три директора — в

центре (заложив ногу на ногу) сидит В. А. Кракау, справа от него К. И. Май, А. Л. Липовский стоит позади В. А. Кракау.

Положение многих учителей в обществе было непростым, те из них, кто преподавал только в частной гимназии или являлись иностранными подданными, были поистине подвижниками, так как по достижении возраста даже не получали права на пенсию. В этих, правда довольно редких случаях (многие имели уроки и в других местах, ибо зарплата была далеко не всегда достаточной), а также если после кончины педагога оставалась необеспеченной его семья, помощь оказывалась из школьного фонда, основанного в 1882 г., или фонда, образованного ежемесячными добровольными отчислениями (в размере 2% от месячного жалования) учителей школы К. Мая.

В конце девятнадцатого, начале двадцатого веков в школу постепенно пришло новое поколение учителей, среди которых многие были людьми неординарными, разносторонне одаренными и в то же время прекрасными педагогами. В первую очередь благодаря их творческому отношению к педагогическому процессу, школа достигла в это время своего расцвета. Новые учителя были уже свои, так сказать, доморощенные, т. е. получившие образование в России педагоги, а некоторые из них (С. А. Порецкий, М. Р. Фасмер, Д. Д. Франц) даже учились в этой школе.

Первым среди учителей новой формации следует назвать, конечно, А. Л. Липовского, о педагогическом даровании которого мы уже подробно рассказали раньше.

Большой любовью и уважением много лет пользовался учитель естествознания и географии Сергей Александрович Порецкий (1860—1916). Именно ему незадолго перед кончиной завещал свои уроки К. И. Май. После окончания школы в 1879 г. С. А. Порецкий поступил на естественное отделение университета, которое окончил настолько успешно, что по рекомендации А. Н. Бекетова был оставлен при кафедре для подготовки к получению профессорского звания, но ...«ослушался» своего выдающегося патрона и стал учителем в своей школе. Гимназия была для него родным домом, здесь он жил, проводил уроки, отсюда выезжал с учениками в небольшие пригородные экспедиции для сбора разнообразных коллекций. Свой предмет С. А. Порецкий знал превосходно, умел увлечь им учеников, благодаря живому изложению в сочетании с показом разнообразных наглядных пособий, коими постоянно пополняли естественно-исторический кабинет сами ученики и их родители. По характеру он был очень добр, доступен, всякий мог в любое время придти к нему и поведать свои тайны, побеседовать по душам. Помимо естествознания и географии он занимался переводами Шиллера, составлял и издавал руководства по столярному и переплетному делу, написал книгу «Воздушные путешественники». В общей сложности его перу принадлежит свыше 40 печатных работ. В связи с кончиной С. А. Порецкого в журнале «Исторический вестник» был помещен некролог.

В 1895 г. в качестве преподавателя математики, физики и кос-

мографии был принят двадцатичетырехлетний Николай Максимович Гюнтер (1871—1941). Он сразу показал себя глубокознающим математиком и хорошим методистом, что позволило ему впоследствии совместно с Р. О. Кузьминым составить очень популярный задачник для высшей школы. В дальнейшем Н. М. Гюнтер стал видным советским математиком, а в 1924 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1905 г. по инициативе тогда еще профессора Н. М. Гюнтера в стенах гимназии впервые в мире Алексей Николаевич Крылов (1863—1945) прочел перед слушателями вольного математического факультета свой знаменитый экспериментальный курс приближенных вычислений. Организатором и руководителем этого сообщества любителей математики был сам Н. М. Гюнтер, к тому времени уже бывший ее преподаватель (оставил гимназию в 1902 г.), который, однако, всю жизнь интересовался делами школы, а также поддерживал дружеские отношения с семьей А. Л. Липовского.

Одновременно с Н. М. Гюнтером преподавателем школы стал и Михаил Александрович Полиевктов (1872—1942). Его уроки истории были просто превосходными, он умел так увлекательно рассказывать, так возбуждать воображение, что ученики начинали чувствовать себя современниками весьма далеких событий. К сожалению, эти уроки нельзя восстановить, как нельзя увидеть старые чеховские спектакли с участием великих мхатовцев. М. А. Полиевктов не только учительствовал, но и постоянно вел ту или иную научную работу, к чему он проявил способности еще во время учебы под руководством академика В. А. Ламанского. Он является автором свыше ста печатных работ, в том числе по истории декабристского движения, биографии Николая I, методическим вопросам. М. А. Полиевктов основал также популярную серию «Гимназия на дому». В 1908 г. он защитил диссертацию и получил звание магистра русской истории.

Прекрасным преподавателем русского языка и словесности был Василий Николаевич Кораблев (1873—1937), принятый в школу в 1897 г. сразу после окончания университета. Совершенно безоглядно влюбленный в литературу России, он, иногда даже не слыша звонка на перемену, читал ученикам стихи, тут же рассказывал об истории их возникновения, делился с учениками своими литературоведческими открытиями. В. Н. Кораблев серьезно занимался вопросами славяноведения, был автором многих работ по истории славистики, в том числе первой в России хрестоматии по сербской и хорватской литературам. Он сотрудничал в различных журналах и газетах, пропагандировал идею культурного сближения славянских народов, в том числе посредством переводов, в частности благодаря ему в России впервые познакомились с произведениями Б. Нушича.

Совсем молодым, двадцатилетним юношей, начал учить детей арифметике в школе К. Мая Дмитрий Васильевич Ройтман (1876—1911). Он быстро заслужил признание у своих питомцев, многие поколения которых любовно называли его «дядя Митя». Его ин-

тересы, как и у большинства других учителей этой школы, не ограничивались своим предметом. Весьма интересно, например, что он увлекался философией и, в частности, изучил книгу «Ценность жизни», написанную немецким философом-идеалистом Евгением Дюрингом, тем самым, который ныне известен лишь благодаря полемической статье Ф. Энгельса. После прочтения книги у Д. В. Ройтмана возникли вопросы, и он написал автору, в результате чего родилась дружеская переписка, а затем, в одном из организованных учителем кружков происходило обсуждение различных философских взглядов, в том числе и марксистских. Так скромный учитель математики способствовал развитию духовного просвещения своих учеников, умению мыслить не только самостоятельно, но и критически.

Просветительская деятельность Д. В. Ройтмана выразилась также и в том, что он основал на своей квартире маленькое издательство с громким именем «Ценность жизни», где печатал для школьников брошюры с популярным изложением различных философских теорий.

К глубокому прискорбию всей школы, пораженный тяжелым недугом, он рано ушел из жизни, однако, незадолго до кончины успел написать послание школе, которое трудно читать без волнения. Вот его заключительные строки: «Нигде, кроме гимназии Мая, не встречал я столько сочувственного понимания и искреннего желания успеха всякому доброму педагогическому начинанию; нигде, кроме гимназии Мая, не видел я такой светлой бескорыстной дружеской радости по поводу каждого достигнутого мною успеха. Нигде, кроме гимназии Мая, нигде я не наблюдал такой еще превосходной питательной среды для созревания всякой доброй педагогической идеи. Да живет же и да процветает гимназия Мая! Пусть искреннее искание добра и правды, неустанный труд, неугасимый огонь идеала, взаимное доброжелательство, поддержка и стойкая дружная работа ее соратников ведут ее, как и прежде, по пути совершенства, обеспечивая ей долгую, славную педагогическую жизнь. Ваш глубоко преданный вам товарищ «дядя Митя», 23 ноября 1911 г.»

На похоронах Д. В. Ройтмана А. Л. Липовский, обращаясь к присутствующим, говорил тихо, но внятно: «Стремление к научной истине, любовь к природе, чистой и ласковой, и вообще ко всему естественному, живое повторение добра в скромном, но великом по значению педагогическом деле — вот в чем для Дмитрия Васильевича была ценность и радость жизни...»

В самом начале нынешнего века, в 1900 г., семья «майских» учителей пополнилась сразу четырьмя педагогами, каждый из которых оказался широко эрудированным и глубоко знающим свой предмет человеком.

Коллегой В. А. Кораблева по преподаванию русского языка стал Евгений Андреевич Ляцкий (1868—1942), известный литератор. Родственник Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина он особенно увлекал учеников историей освободительных идей в Рос-

сии, читал им рукописи и письма народников из личного архива. И подобно многим своим коллегам каждую свою книгу или статью непременно преподносил библиотеке гимназии. Е. А. Ляцкий серьезно занимался литературой, защитил магистерскую диссертацию, после чего был принят в Петербургский университет в качестве приват-доцента. Наряду с этим одно время он был редактором издательства «Огни».

Преподавание древних языков и истории взял на себя Александр Иванович Солнцев. Выпускник Неженского лицея, художник-самоучка, деятельный участник знаменитого талашкинского содружества умельцев-промысловиков княгини М. К. Тенишевой А. И. Солнцев был самым добрым учителем у малышей, которые только вступали в гимназическую семью. Для А. И. Солнцева не было трудных воспитанников. Особый такт, умение расположить к себе ученика, а, если надо, то и его родителей, снискали ему прямо-таки славу защитника школьников. После революции А. И. Солнцев был автором первой советской азбуки.

Вместе с двумя вышеупомянутыми педагогами приступили к работе в гимназии также Александр Александрович Петровский, учитель физики, будущий профессор Кронштадтских минных классов, и преподаватель естественной истории — Константин Михайлович Дерюгин (1878—1939), энергичный пропагандист биологии, ставший впоследствии профессором, крупным советским ученым в области зоологии.

Уроки истории западно-европейской литературы с 1904 г. проводил Александр Михайлович Евлахов (1880—1966). Он строил свои занятия в старших классах гимназии не как уроки, а как семинары, стремясь приучить гимназистов к самостоятельному пониманию творчества Петрарки, Данте, Гёте, Шиллера, Шекспира, Ибсена, Гамсуна, после знакомства с которыми они писали рефераты, делали доклады в созданном педагогом школьном кружке.

Многолетние исследования А. М. Евлахова в области зарубежной литературы увенчались защитой в 1907 г. магистерской диссертации по истории всеобщей литературы, после чего он пришел на работу в университет в качестве приват-доцента, а позднее был профессором в женском педагогическом институте. Помимо педагогической деятельности А. М. Евлахов также много переводил, изучал психологию творчества и даже сочинял стихи. Экземпляр каждой из своих публикаций он, как и другие педагоги в подобных случаях, непременно присылал в школьную библиотеку, последний раз в 1929 г. он прислал свою книгу «Материалы к биогенетике».

Мы познакомились с некоторыми учителями, чья роль в истории школы была достаточно заметной и интересной, конечно, далеко не со всеми. Не в меньшей мере заслуживали бы рассказа и другие педагоги и потому вспомним о них хотя бы с энциклопедической краткостью. Среди них назовем Федора Николаевича Индриксона (1862—1931), физика, автора школьного задачника; Илью Васильевича Гребенщикова (1887—1963), учителя химии,

впоследствии известного советского академика; Макса Романовича Фасмера, преподававшего немецкий язык, тоже ставшего академиком; Николая Федоровича Лоренца и Михаила Георгиевича Горохова — художников, учивших рисованию, причем последний был автором барельефа майского жука на фасаде нового здания; Михаила Николаевича Шатунова — историка и чуткого воспитателя.

Почти каждого из них можно было бы назвать личностью за их подвижнический труд, беззаветно преданное отношение к своим обязанностям. Разве не заслуживает такой оценки, например, Михаил Евграфович Доброписцев (1842—1901), учитель русского языка и литературы, который делал первые шаги на педагогическом поприще в 1860-е годы, когда еще не было учебных программ и пособий. И он сам скрупулезно и тщательно составил обстоятельные курсы русской грамматики и литературы, а затем каждый урок написал целиком, во всех подробностях. После проведения урока он пунктуально отмечал, что из намеченного было удачно, а что не вполне, и затем улучшал описание урока. И так из года в год.

П. С. Стасова, мать одного из учеников, желая отблагодарить Михаила Евграфовича за воспитание сына, однажды написала ему: «Вы душу свою вкладывали в уроки, Вы любили свое дело и своих учеников, и они любили Вас. Вы понимали юные способности, никогда не взваливали на плечи одних непосильной работы, а когда в других замечали что-нибудь выдающееся, радовались этому и давали полную возможность развиваться. Сколько светлых мыслей, благороднейших чувств, честных взглядов, поэтических настроений будили Вы в юных головах и сердцах. Все лучшее в нравственном существе учеников Вы всегда вызывали к жизни, согревали, направляли... и не одно русское сердце бьется любовью и благодарностью к Вам, Михаил Евграфович, не одна мать благословляет Вас, и я счастлива, что в числе этих матерей могу назвать и себя...»

Мы привели здесь родительский отзыв об одном из учителей, но с полным правом он может быть отнесен едва ли не ко всем другим, ибо, пользуясь словами Л. В. Успенского «...у Мая нет и быть не может педагогов-мракобесов, учителей-черносотенцев, людей «в футлярах», чиновников в вицмундирах.

Преподаватели, поколение за поколением, подбирались у Мая по принципу своей научной и педагогической одаренности.»

О работе учителей большое представление дают удивительные по нынешним временам ежегодные школьные отчеты. Это не просто краткий набор статистических сведений, а напечатанные в типографии сборники, иногда объемом до 100—108 с., содержащие подробные результаты деятельности педагогического совета, совета воспитателей, совета наставников, поклассные программы по предметам, планы лабораторных работ, перечни оборудования кабинетов, изложение сделанных в кружках докладов, описание экскурсий, поклассный тематический анализ выдаваемой библиоте-

кой книг, поименную оценку здоровья учеников и наконец — блестящие речи на выпускных актах.

Этот интереснейший материал, вероятно, достойный особого изучения, весьма наглядно иллюстрирует достижения школы.

В одном из этих отчетов есть слово об учителе, которое, мы думаем, как нельзя лучше позволит нам заключить эту главу.

«Учителя... Много их, работа их тяжелая, ответственнейшая и невидимая сразу... Стоят они на распутьи, и все мимо идущие имеют право взять от них, что хотят и сколько хотят, чтобы потом уйти, и быть может, даже забыть об источнике, откуда они черпали... Труженики эти не ждут при жизни лавровых венков и орденов. Величайшей наградой им кажется уже то, если те, кому отдавали они свои духовные силы, свое здоровье, знания, не забудут их заветов и указаний, не забудут и тех, кто их преподавал, применяя полученные знания на пользу Отечеству».

Наше повествование о гимназии К. Мая осталось бы неполным и незавершенным, если бы мы не рассказали; хотя бы вкратце, о тех, кого она воспитала, кто своим служением Отечеству принес славу школе, став предметом бесспорной гордости ее педагогов.

Конечно, славу этому учебному заведению принесли не только те ее питомцы, чьи имена вошли в последующем в энциклопедии, украсились академическими званиями, были отпечатаны на титульных листах многих книг, но и те, кто, оставаясь безвестным, просто честно служил своей стране, отличаясь свойственным воспитанникам этой школы отношением к делу. И тем тоже поддержали честь родной школы, укрепляя ее авторитет.

Однако исторический след от этого учебного заведения остался все-таки благодаря таким выпускникам, как Александр Бенуа, Николай Рерих, Яков Френкель, Лев Успенский и другим, не названным в этой строке, но столь же или несколько менее известным. И многие из них потом, уже в зрелом возрасте или даже завершая жизненный путь, произнесли слова признательности своей первой *alma mater*, отметили важное значение майской школы во всей последующей жизни.

Вот, например, что пишет А. Н. Бенуа, определяя роль школы в формировании собственной личности: «...здесь я получил те более или менее прочные основы, на которых построилась потом моя «образованность». Наконец, в гимназии Мая я приобрел тех друзей, которые остались моими верными спутниками в течение значительной части жизни и с которыми мне удалось создать многое, что позволяет и их и меня причислить к «деятелям культуры». Наконец, я сохранил совершенно особое воспоминание о гимназии Мая — род сердечной благодарности».

Именно в этой школе, еще в дни учебы в VI классе, Александр Бенуа создал внеклассное «Общество самообразования», ставшее далекой предтечей будущего широко известного художественного объединения «Мир искусства». По этому поводу он вспоминал: «...наши тогдашние беседы и споры способствовали выработке нашего кредо. Мы безотчетно как бы готовились к чему-то, и когда, много лет спустя, настал нужный момент, то мы, наша группа (и как раз все то же гимназическое ядро ее), оказались готовы

к действию». Это «действие» и привело к возникновению того художественного союза, роль которого так высоко оценил А. В. Луначарский, отметив в одной из статей, что «...главным отрядом нашего изобразительного искусства является центр, идущий от тонких европейцев, соорганизовавшихся вокруг так называемого «Мира искусства»...». А об организаторе и вдохновителе этого «отряда» А. В. Луначарский в письме к Н. П. Горбунову (тоже бывшему «майцу»), занимавшему пост управляющими Совнаркома, писал так: «Академик Александр Бенуа — тончайший эстет, замечательный художник и очаровательнейший человек... Он был одним из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу... Вообще человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь. В сущности говоря, европеец типа Ромена Роллана, Анатоля Франса...».

Однако Александр Бенуа был хотя и наиболее известным, но далеко не единственным и не первым представителем этой династии в школе К. Мая. Хронологически первым, осенью 1862 г., начал учиться в младшем классе недавно открытой частной школы Юлий Бенуа, двоюродный брат Александра со стороны дяди Юлия. Он окончил школу в 1870 г. третьим по успеваемости, после чего получил специальное образование в Академии художеств и впоследствии стал видным петербургским архитектором, в 1885 г. он был удостоен звания академика архитектуры. По проектам Юлия Юльевича Бенуа (1852—1929) в бывшей столице построен целый ряд зданий, наиболее известным из которых является построенный в 1901—1904 гг. Лиговский народный дом С. В. Паниной (совр. Дом культуры железнодорожников, Тамбовская ул., 63), в котором были предусмотрены все условия для проведения культурно-образовательной и просветительной работы среди рядовых жителей города. Здесь были — театральная зала, картинная галерея, спортивный зал, различные кабинеты для кружков, дешевая столовая и даже небольшая собственная обсерватория. Ю. Ю. Бенуа был также создателем знаменитой в дореволюционном Петербурге «Лесной фермы Бенуа» (Тихорецкий пр., 90), где было организовано образцовое производство молочных продуктов. До 1952 г. улица, соединявшая северную окраину города с фермой, носила название «Проспект Бенуа».

Еще три представителя этой фамилии, братья Александр (1882—1942), Карл (1885—1943) и Альберт (1888—1974), окончили реальное отделение, соответственно в 1899, 1905 и 1906 гг. Они были сыновьями художника Александра Александровича Бенуа-Конского, двоюродного брата А. Н. Бенуа со стороны дяди Александра. Из этих братьев более других интересен Карл, который после школы закончил Сельскохозяйственный институт, а затем, отслужив в Красной армии в годы гражданской войны, в 1922—1924 гг. заочно учился еще и в Институте прикладной зоологии и фитопатологии. Впоследствии он стал видным ученым в области микологии и фитопатологии, работал в Якутии, на Северном Кавказе и в Дагестане. Одновременно со старшим из

вышеупомянутых братьев учился еще один Бенуа — Николай (1881—1945), окончивший реальное отделение в 1899 г. Он был сыном Альберта Николаевича, старшего брата А. Н. Бенуа. До 1917 г. Николай Альбертович был военным, а затем занялся инженерной деятельностью, в частности, изобрел улавливатель шума самолетов, позже он служил в институте им. А. Ф. Иоффе.

Наконец, самым младшим из учившихся в школе К. Мая обладателей прославленной фамилии был Николай Александрович Бенуа (1901—1988). Осенью 1912 г. его привел в I класс нового здания школы отец А. Н. Бенуа, который сам, как мы знаем, был питомцем этого же учебного заведения. Впечатления от этого визита оказались столь сильными, что дали ему повод написать специальную статью, которую мы приводим ниже в главе IX. Заканчивая среднее образование Н. А. Бенуа пришлось уже после революции, когда в школу пришли девочки из гимназии Э. П. Шаффе. После небольшого периода учебы в Академии художеств в 1924 г. он был послан за границу на стажировку, где впоследствии из-за отказа в выдаче визы на въезд в СССР вынужден был остаться. Более 35 лет он работал директором постановочной части знаменитого миланского театра Ла Скала. За это время он оформил свыше 300 спектаклей в разных театрах мира, став всемирно признанным театральным художником. В последние годы его заслуги были признаны и на родине, его избрали почетным членом Академии художеств. В интервью газете «Неделя» по случаю своего восьмидесятилетия Н. А. Бенуа отметил, что «образование получил в художественной гимназии на 14-й линии Васильевского острова».

Одному из авторов этой книги летом 1987 г. посчастливилось встретиться с маститым художником и поговорить о времени его учебы в школе. Надо было видеть, с каким неподдельным оживлением рассматривал он старые фотографии интерьеров своей школы и групповые снимки классов, постоянно восклицая: «Помню, помню!», а затем добавлял «Да, да, вот это замечательный физический класс, а вот здесь нас учил рисунку Михаил Георгиевич Горохов, а вот — Александр Иванович Солнцев, прелестнейший, восторженный человек, он учил нас истории». Юношеским блеском горели его глаза, казалось, он забыл о прожитых годах и вновь ощущал себя шустрым гимназистом. И вдруг раздался громкий, как бы сразу помолодевший, радостный возглас: «А вот и я!» И вслед за ним: «Да, да, это же я, с ума можно сойти, я во II классе, я себя узнал потому, что эта фотография, где я в шубке, потом была увеличена папой и долго висела у нас дома». Тут же он уверенно стал называть своих одноклассников, рассказывать об их судьбах. На вопрос о том, какое значение имела школа в его жизни, он, не задумываясь, с глубокой уверенностью ответил: «Громадное».

Затем, по его желанию, мы поехали к зданию школы на 14-й линии, он поднялся на несколько ступенек вверх по старой лестнице, положил ладонь на латунный шарик на перилах, на какое-то

время как бы мысленно ушел в себя, потом не спеша произнес: «Подумать только, почти семьдесят лет тому назад я был здесь последний раз... хорошая была школа...». Через полгода знаменитого художника, старого «майского жука» не стало, но остался на магнитной пленке его живой голос...

Несмотря на существование равноправного реального отделения, школа К. Мая имела все же отчетливую, если можно так выразиться, гуманитарно-художественную направленность в обучении. И трудно сейчас указать, что послужило этому причиной,— близость университета и Академии художеств, влиявших в какой-то степени на контингент как преподавателей, так и учеников, или определенная приверженность основателя школы к гимназической системе образования. Но и среди выпускников, чьи достижения в той или иной области стали затем широко известны, все же преобладают художники, архитекторы, литераторы. И потому сначала расскажем о них.

Как мы уже отмечали, прообраз объединения «Мир искусства» возник в этой школе. Помимо идеолога этого литературно-художественного союза А. Н. Бенуа, здесь училось еще несколько его ведущих участников.

Раньше других, по времени поступления, в 1875 г. порог I класса этой школы переступил Валентин Серов (1865—1911), будущий член распределительного комитета первой выставки «Мира искусства», выдающийся русский портретист. Учился он, правда, недолго, всего один год, так как затем семья переехала в Киев, где он продолжил образование в киевской гимназии.

Одновременно с А. Н. Бенуа в одном классе с ним учился будущий известный живописец и график Константин Сомов (1869—1939). Достаточно рано почувствовав свое призвание, он даже не окончил полного курса гимназии и после VI класса уже поступил в Академию художеств. В дальнейшем К. А. Сомов был одним из активных членов «Мира искусства» и кроме того большим другом А. Н. Бенуа.

На одной парте с ним слушал уроки Д. В. Философов (1872—1940), ставший впоследствии заведующим литературной частью журнала «Мир искусства», а также крупным литературным и художественным критиком. Д. В. Философов закончил полный курс гимназии в 1890 г. Вместе с ними учился и был выпущен с аттестатом и В. Ф. Нувель, хотя формально и не числившийся в составе объединения, но практически постоянно активно в нем сотрудничавший.

Чуть позже, в 1893 г. гимназию К. Мая окончил Николай Рерих (1874—1947). Еще при поступлении в 1883 г. он произвел очень хорошее впечатление на директора. Карл Иванович тогда сказал о нем: «Будущий профессор». Однако ученик не только оправдал прогноз учителя, но и далеко превзошел его. Он стал человеком с мировым именем, сочетавшим в себе таланты удивительного художника, философа, ученого и литератора. В пору своей учебы в гимназии Н. К. Рерих исполнил портреты Н. В. Гоголя (для

школьного литературного вечера) и К. И. Мая. Последний он долго хранил у себя. Дальнейшая судьба портрета, к сожалению, неизвестна. В выставке «Мира искусства» Н. К. Рерих впервые принял участие в 1902 г., а в 1912 г. он был избран председателем этого возрожденного тогда объединения.

В этой же школе получили среднее образование его младшие братья Владимир, выпускник 1909 г., и Борис, выпускник 1903 г.

Средний брат Б. К. Рерих (1880—1946) избрал своей профессией архитектуру, учился у А. Н. Бенуа, был исполняющим обязанности директора школы Общества поощрения художеств в Петрограде, а затем профессором Архитектурного института в Киеве. И оба сына Н. К. Рериха — Юрий (1902—1960), крупный лингвист, историк и этнограф, и ныне здравствующий Святослав (р. 1904 г.), известный художник, почетный академик живописи, просветитель, тоже были «майцами».

Наконец, из стен этой школы выпускником 1904 г. вышел еще один, уже более поздний (с 1913 г.) член объединения «Мир искусства» А. Е. Яковлев (1887—1938), замечательный живописец, театральный художник, монументалист, педагог, которого за его безупречное мастерство А. Н. Бенуа еще в 1916 г. назвал «художником-феноменом».

Вспоминая художников, получивших школьное образование у Мая, надо непременно назвать и Николая Александровича Бруни (1856—1935), внучатого племянника Ф. А. Бруни. Он получил аттестат в 1875 г., затем окончил Академию художеств и в дальнейшем проявил себя прежде всего как художник-мозаист, заслужил звание академика, был профессором Высшего художественного училища, заведовал мозаичным отделением Академии художеств, по его рисункам созданы некоторые мозаики в храме Воскресения Христова, построенном на месте, где был смертельно ранен император Александр II. В эти же годы вместе с Н. А. Бруни, но в разных классах, учились его младшие братья — Александр (1860—1911), будущий архитектор, выполнивший, в частности, проект реконструкции Таврического дворца, и Константин (1862—1894), поступивший на военную службу.

В заключение раздела о художниках-«майцах» упомянем еще Ивана Альбертовича Пуни (1896—1958), начавшего свой творческий путь в качестве члена художественного объединения «Союз молодежи» в 1910 г. и затем, после отъезда в Париж, ставшего известным мастером авангардной живописи, а также Павла Яковлевича Павлинова (1881—1966), советского графика, мастера ксилографии. Перечислим имена и не столь известные: Николая Евлампиевича Бубликова, Федора Федоровича Бухгольца, сыновей М. В. Добужинского — Ростислава и Всеволода; Павла Романовича Медема, редактора журнала «Вестник учителей рисования», Владимира Яковлевича Чемберса, художника-сатирика, одного из хранителей музея А. Л. Штиглица.

Наставником многих художников уже в советское время был выпускник 1899 г. Эдуард Эдуардович Эссен (1879—1931), зани-

мавший пост ректора Академии художеств с 1925 по 1929 гг. Э. Э. Эссен, выходец из дворянской семьи инженера путей сообщения, некоторое время спустя после окончания школы работал в ней в качестве воспитателя (до 1910 г.), однако большую часть времени отдавал революционному движению, к которому он примкнул еще в юношеском возрасте, вступив в члены РСДРП в 1898 г. В июне 1917 г. он был избран первым председателем Василеостровского Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем — в первом Советском правительстве — был назначен заместителем наркома госконтроля. Впоследствии, видимо, учитывая его гуманитарно-художественное образование, полученное в гимназии, ему поручили возглавить Академию художеств. Бывшая заведующая архивом А. М. Смирнова, вспоминая своего ректора, говорила: «Эдуард Эдуардович был строг в работе, но он умел так объединить людей, так заражать их своим энтузиазмом, что общественная жизнь в Академии художеств в его время кипела ключом». Этот энергичный, образованный человек недолго руководил подготовкой мастеров советского живописного искусства, тяжелая болезнь (туберкулез) прервала его жизнь.

Несколько выпускников, избрав своей профессией архитектуру, оставили зримый след в городе своего детства. Здесь прежде всего, помимо уже упомянутого выше Ю. Ю. Бенуа, надо назвать Германа Давыдовича Гримма (1865—1942). Он родился в семье академика архитектуры Д. И. Гримма и достойно продолжил семейную традицию. После окончания школы в 1883 г. Г. Д. Гримм поступил в университет, однако через год перешел в Академию художеств, учеба в которой завершилась в 1890 г. награждением золотой медалью первого достоинства и пенсионерской поездкой за границу. В 1895 г. после публичной персональной выставки своих работ Г. Д. Гримм был удостоен звания академика. Большую часть жизни, с 1902 г. и до дня своей смерти в 1942 г. в блокадном Ленинграде, он преподавал архитектуру в Институте гражданских инженеров (совр. Инженерно-строительный институт). По проектам Г. Д. Гримма в Ленинграде построено 18 зданий различного назначения. Три его брата, Максим, Давыд и Эрвин также закончили школу К. Мая, причем двое последних (профессора) каждый в свое время занимали пост ректора С.-Петербургского университета.

Более скромны достижения Федора Федоровича Постельса (1873—1927), архитектора эпохи модерна, автора проектов 9 ныне существующих в Ленинграде жилых и промышленных зданий. Он был сыном Ф. А. Постельса, преподавателя математики гимназии К. Мая, личная библиотека которого по завещанию владельца вместе с собранием книг К. И. Мая стала основой созданной в 1896 г. школьной библиотеки.

Известным петербургским и советским зодчим стал выпускник реального отделения 1901 г. Андрей Андреевич Оль (1883—1958). В школьные годы он вместе с Ф. И. Курихиным, своим одноклассником, будущим заслуженным артистом РСФСР, увлекся худо-

жественной самодеятельностью, успешно исполнял, в частности, роль Агафьи Тихоновны в спектакле по пьесе Н. В. Гоголя «Женитьба», свидетельством чего является дошедшая до наших дней любительская фотография. Несмотря на увлечение театром, он все же после окончания школы в 1901 г. поступил в Институт гражданских инженеров (ИГИ) и уже вскоре после его окончания в 1910 г. зарекомендовал себя незаурядным мастером, о чем говорят, например, его проекты дачи писателя Леонида Андреева на Черной речке (вблизи совр. пос. Серово) и особняка Т. В. Белозерской в Петербурге (ул. Куйбышева, 25). После 1917 г. преподавал в ИГИ и в то же время проектировал здания в Ленинграде, Магнитогорске, Кисловодске. Признанием заслуг А. А. Оля явилось избрание его членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР.

Еще один крупный советский зодчий, народный архитектор СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР Игорь Иванович Фомин (1904—1989), о котором мы уже упоминали ранее, воспитывался в стенах школы на 14-й линии. Он родился в семье выдающегося петербургского архитектора И. А. Фомина. Поступив в школу осенью 1912 г. в подготовительный класс, с самого начала учился блестяще, получал в четвертях только пятерки. В своей творческой деятельности И. И. Фомин не ограничивался разработкой проектов отдельных зданий, а решал масштабные градостроительные задачи. Под его руководством в Ленинграде построены ансамбли Ивановской улицы, Охтинской прорезки, комплекс университетских зданий в Петродворце, а также оригинальные дома на набережной реки Карповки и Петровской набережной.

Если вся жизнь и работа И. И. Фомина были связаны с городом на Неве, то еще один архитектор — «маец» Владимир Оскарович Муңц (1903—1974) после окончания Академии художеств в 1926 г. проектировал и строил главным образом в Москве. По его проектам построены такие крупные здания, как Министерство обороны СССР, Военная академия им. М. В. Фрунзе.

В начале двадцатого века среди окончивших гимназию более всего оказалось выпускников, проявивших литературные и литературоведческие способности. Так, в 1903 г. закончил школьный курс Макс Фасмер (1886—1962), ставший затем крупным немецким языковедом, исследователем славянских, финно-угорских и индо-европейских языков. Уже в 1910 г. он проявил свои способности в этой области, опубликовав в отчете о деятельности школы К. Мая статью «Смещение языков и заимствование в языке». За заслуги в этой области в 1928 г. он был избран иностранным членом Академии наук СССР. Составленный М. Фасмером в 1950—1958 гг. четырехтомный «Этимологический словарь русского языка» издан в нашей стране в 1964—1973 гг.

Щедрым на писателей оказался гимназический класс последнего, пятьдесят пятого выпуска. Здесь учились Лев Васильевич Успенский (1900—1978) и Владимир Алексеевич Петровский

(1900—1930). Для первого из них профессия писателя оказалась основным делом жизни, а другой брался за перо лишь в свободное от основных обязанностей время. Любопытно, что оба они за успехи в учебе были награждены золотыми медалями (правда, условно, ведь это было уже 1918 г.). Однако, после школы пути их разошлись. Закончив высшие курсы искусствоведения, Лев Успенский посвятил себя разнообразной литературной и научно-литературной деятельности. Он стал серьезно, на научной основе заниматься лингвистикой и этимологией, результатом чего явились ныне широко известные книги «Слово о словах», «Ты и твое имя», «Имя дома твоего», «Почему не иначе», «По закону буквы». В этих книгах блестяще соединился талант исследователя и дарование писателя. Будучи истинным ленинградцем, большим патриотом родного города, Л. В. Успенский на протяжении всей своей жизни не переставал увлекательно и поэтично воспевать Ленинград в посвященных ему произведениях («Пулковский меридиан», «На 101 острове», «Шестидесятая параллель»), лучшим из которых, пожалуй, можно назвать «Записки старого петербуржца». В этой книге он исторически точно и в то же время весьма красочно описал жизнь Петербурга в начале века и живописно рассказал о своей учебе в школе К. Мая, о том, как «майцы» восприняли события февральской и октябрьской революций. Именно в этой книге Л. В. Успенский написал: «... мама перевела нас (с братом, — авт.) в отличную, которой я по гроб жизни благодарен за великолепное обучение, но уже явно либеральную гимназию Мая». Когда в здании школы в 60-е годы был создан музей и стали проводиться встречи с бывшими учениками, Лев Васильевич был активным их участником. На одном из таких вечеров, в 1968 г. он в своем выступлении сказал: «Я прошел два института, но в моем багаже две трети, если не три четверти того, что дала мне гимназия Мая». Добавим, что учился он в этой школе только пять лет, с 1913 по 1918 гг. О своей школе Л. В. Успенский помнил всю жизнь, написал о ней воспоминания, частично публикуемые в главе IX.

Другой отличник-выпускник, В. А. Петровский, после революции сначала служил в Красной армии, а затем учился в военноморском училище, после чего всю свою, относительно короткую, жизнь служил на Балтийском флоте. В годы Великой Отечественной войны В. А. Петровский был начальником штаба морской обороны Ленинграда, а в послевоенные мирные дни — начальником академии, в чине контр-адмирала. Беллетристкой начал заниматься с 1930 г. Естественно, что в своих повестях и рассказах («Страна на замке», «Пират Любви», «Штурм», «Добрая надежда»), которые он издавал под псевдонимом Кнехт, В. А. Петровский часто касался сюжетов, так или иначе связанных с морем.

Годом позже в общем классе с Н. А. Бенуа проходил гимназический курс Лев Борисович Модзалевский (1902—1948), доктор филологических наук, крупнейший отечественный архивист-археолог и талантливый литературовед, хранитель Пушкинского

фонда в Институте русской литературы (Пушкинском доме), основанном его отцом Б. Л. Модзалевским. Крупнейшим вкладом Л. Б. Модзалевского в науку явилось открытие и издание с историко-биографическими комментариями писем А. С. Пушкина. Кроме этого, он написал ряд прекрасных научных работ о творчестве М. Ю. Лермонтова, Н. А. Добролюбова, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя.

Классом младше Л. Б. Модзалевского, вместе с уже упомянутым В. О. Мунцем, учился Алексей Алексеевич Ливеровский (1903—1989); призванием которого в конечном итоге стало тоже литературное творчество, хотя большую часть жизни он, доктор химических наук, профессорствовал в Лесотехнической академии, там же в 1947 г. был отмечен званием лауреата Государственной премии СССР. Однако частое общение с лесом, поездки на любимую им охоту пробудили у А. А. Ливеровского желание взяться за перо. В последние годы вышло в свет несколько книг, в которых он показал себя тонким знатоком русской природы, особенно столь близкого ему Новгородского края, колоритно рассказал о жизни его обитателей. С большим подъемом вспоминал Алексей Алексеевич о годах учебы в школе и особенно о своем участии в отряде скаутов и даже, несмотря на свой серьезный возраст (87 лет) уверенно, не «потеряв» ни одного слова, декламировал гимн скаутов:

Будь готов, разведчик¹, к делу честному,
Трудный путь лежит перед тобой,
Глянь же смело в очи неизвестному,
Бодрый телом, мыслью и душой!
В мире много горя и мученья,
Наступила страдная пора,
Не забудь святого назначения,
Стой на страже Права и Добра!
Тем позор, кто в низкой безучастности
Равнодушно слышит брата стон...
Не страшись работы и опасности,
Твердо верь — ты молод и силен!
Помогай больному и несчастному,
К погибающим спешి на зов,
Ко всему большому и прекрасному
Будь готов! Всегда готов!

Скаутское движение, основанное в конце прошлого века англичанином Робертом Баден-Поуллом, едва появившись в школьной среде, быстро распространилось в России. Вышеприведенный гимн был написан в 1904 г., его любило и знало подрастающее поколение тех лет, однако советские преемники скаутов — пионеры, с сожалением отмечал писатель, оставили от него лишь одну строку.

¹ Scout — (англ.) разведчик.

В школьные годы старый профессор любил физкультуру, был участником многих спортивных соревнований. С удовольствием он вспоминал, как ему, чемпиону школы по лаун-теннису, вручал специальный значок высшего достоинства (в школе существовали значки трех степеней) директор гимназии А. Л. Липовский.

Реальное отделение школы закончил в 1916 г. и старший брат писателя Юрий (Георгий) Алексеевич Ливеровский (1899—1986), профессор Московского университета, доктор биологических наук, тоже лауреат Государственной премии. В нем так же, как и в его брате, счастливо сочетался «физик» и «лирик»: незадолго до его кончины в издательстве «Современник» вышла книга его лирических стихов. В ответ на нашу просьбу Юрий Алексеевич с удовольствием поделился воспоминаниями о своих гимназических годах.

«Старшеклассники, конечно, не могли не интересоваться событиями грозного периода войны, а затем революции. Отношение у нас к царскому режиму было явно отрицательным. Прекрасно помню огромный интерес к убийству Распутина, разумеется, при крайне отрицательном отношении к этому «старцу-авантюристу». После этого убийства цензура жестоко стирала со страниц газет всевозможные упоминания о Распутине. Но я хорошо помню, как в нашем классе кто-то читал очень громко сатирическое описание убийства Распутина в следующих стихах, кем-то из наших сочиненных:

Лицо, в присутствии лица,
Лицу в лицо заряд свинца.
Тогда лицо упало ниц
И грузится в машину лиц...

На последней фразе читающий притих, в зале появился директор. Но Александр Лаврентьевич махнул рукой, и мы продолжали. К сожалению, дальше стиха я не помню, но знаю, что это «майское» стихотворение, кажется, попало в газеты через одного из майцев, отец которого был журналистом... Первым учеником у нас был Миша Алексеев. Был он сыном какого-то очень квалифицированного рабочего одного из петербургских заводов, хотя в основном в классе, да и во всей школе, преобладали дети интеллигентных семей: профессоров, чиновников, купцов, дипломатов, морских чинов, академических художников. Но Миша был как все, никому во внимание не приходило его происхождение. Плата за обучение была высокая, выше чем в казенных гимназиях или Лентовке, но самой дорогой школой было Тенишевское училище, где действительно обучались дети самых обеспеченных слоев общества. Но самым важным, разумеется, был общий уровень преподавания. Не знаю, каким способом директору удавалось подбирать состав преподавателей высочайшей квалификации: химию преподавал Илья Васильевич Гребенщиков (будущий академик,— авт.), естествознание — С. Порецкий. Сыновья Порецкого

читали мне потом в вузе. Кроме Миши Алексеева, учился со мной также и Павел Лемке, сын одного из известных историков народничества. В классе был у нас и один мальчик из разорившихся прибалтийских баронов — Тизенгаузен. Мы все носили что попало (не форменное) — блузы, рубашки, шорты. Он же всегда ходил в пиджачке и причёсанный на пробор.

Очень хорошо была поставлена физкультура. В дореволюционное время в Петербурге существовала такая спортивная коалиция ОСФРУМ — Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи. Оно организовывало, между прочим, первенство средних учебных заведений по футболу. Школа Мая имела сильные команды, я играл в сборной школы, и мы даже выигрывали первенство Петрограда.

Учился в школе и Федор Карлович Эйнбаум (1906—1985), эстонский писатель, автор книг «В курортном городе» и «Зеленая ветвь».

Не только гимназия, но и реальное отделение дало среднее образование многим, чьи имена приобрели впоследствии большую известность в науке и технике. Первыми назовем здесь Павла Осиповича Сомова (1852—1919), двоюродного брата известного художника, и Ореста Даниловича Хвольсона (1852—1934). Они учились в одном классе и закончили школу в 1869 г. — Павел Сомов первым, со средним баллом 4,38, а Орест Хвольсон — вторым, заслужив лишь 4,18. Оба затем окончили Петербургский университет, после чего стали заниматься преподавательской деятельностью. Однако у каждого в дальнейшем оказались свои научные интересы. П. О. Сомов проявил себя в области математики и теоретической механики, внес основополагающий вклад в теорию машин и механизмов, был профессором Горного института.

О. Д. Хвольсон еще на школьной скамье обнаружил незаурядные способности к физике и математике, к преподаванию которых он и приступил после получения университетского диплома. Некоторое время он был учителем в своей школе. Его наклонность к методической работе в дальнейшем выразилась в создании им пятитомного «Курса физики» для высших учебных заведений, первый том которого был напечатан в 1897 г. Блестящий лектор и популяризатор науки, учитель многих поколений студентов, О. Д. Хвольсон на протяжении 40 лет постоянно совершенствовал свой учебник на основе новейших достижений физики. В 1895 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1920 г. — почетным академиком; в 1927 г. ему в числе первых было присвоено введенное тогда звание Героя Труда.

На рубеже веков, в 1900 г. получил свидетельство об окончании реального отделения Николай Николаевич Качалов (1883—1961) — талантливый ученый, один из основателей отечественного производства оптического стекла, член-корреспондент Академии наук СССР.

Еще один выдающийся ученый, основоположник отечественной науки о живых тканях — гистологии, академик Алексей Алексе-

вич Заварзин (1886—1945) с 1894 г. по 1902 г. проходил курс школьных наук на реальном отделении. Именно в эти годы пробудился у него интерес к живой природе, чему в первую очередь способствовал, по собственному мнению А. А. Заварзина, его школьный учитель естествознания, человек широких интересов, прекрасный педагог, будущий профессор зоологии университета К. М. Дерюгин (1878—1939). Основной труд А. А. Заварзина «Очерки по эволюционной гистологии нервной системы», сыгравший важную роль в лечении раненых в годы войны, в 1942 г. был отмечен Государственной премией, а после его смерти Академия наук учредила премию его имени. В статье, посвященной памяти А. А. Заварзина, отмечалось, что: «ему дано было от природы не только прозревать своим трудом дали той науки, которую он любил и которой увлекался, но своим трудом проложить глубокие и прочные пути по целине».

Его младший брат Александр Алексеевич Заварзин (1900—1980), выпускник 1917 г., был архитектором, участником создания памятников П. И. Чайковскому и А. С. Грибоедову в Москве, а также мемориала защитникам Севастополя.

В 1892 г. в семье инженера-механика Красносельской бумагоделательной фабрики П. М. Горбунова родился сын Николай, жизненный путь которого в дальнейшем оказался удивительно ярким. Школьное образование он получил в школе К. Мая, которую окончил в 1910 г. Затем — учеба в Технологическом институте, активное участие в революционной деятельности. С первых дней Октябрьской революции Н. П. Горбунов исполняет обязанности личного секретаря В. И. Ленина, а в годы гражданской войны участвует в боевых действиях Красной Армии. В последующем по личному приглашению В. И. Ленина он занимал должность управделами Совнаркома РСФСР, а затем и СССР.

Сочетая в себе качества разностороннего ученого и находчивого организатора, Н. П. Горбунов много сделал для становления первых советских научных институтов, был членом Госплана СССР, директором химического института им. Карпова в Москве, ректором Московского технического училища. С 1928 г. он занялся широким исследованием Памира, возглавив несколько научных экспедиций, во время одной из которых он взшел на высшую точку нашей страны, называемую ныне пик Коммунизма (7495 м). Вклад Н. П. Горбунова в отечественную науку был высоко оценен в 1935 г. избранием его академиком и непременным секретарем Академии наук СССР. К сожалению, жизнь этого, столь широко одаренного «майца», была в расцвете сил трагически оборвана в 1937 г.

Среди награжденных золотой медалью учеников последнего предвоенного выпуска (1913) были два молодых человека, не рассказать о которых в этой главе просто нельзя, хотя значимость их в истории, конечно, неравноценна: Один из них, Яков Ильич Френкель (1894—1952), поступил в V класс гимназии в 1909 г. Учителя сразу заметили, что это был очень способный к точным

наукам юноша. Недаром он писал впоследствии в автобиографии: «Склонность к математике и физике я впервые почувствовал в возрасте четырнадцати лет. К моменту окончания пятого класса я прошел весь курс гимназии по математике, а к окончанию гимназии — большую часть университетских курсов математики, механики и физики». После окончания Петроградского университета Я. И. Френкель почти сразу стал заниматься проблемами теоретической физики. Основные его исследования относятся к физике твердого тела и жидкостей, магнетизму и физике ядра. В каждом из этих разделов Я. И. Френкелем сделаны фундаментальные открытия, написаны монографии, но особое значение имеют его работы по ядерной физике: предложенные им понятия экситона и «дефектов по Френкелю», разработанная в 1936 г. капельная модель ядра, а также сформулированные в 1939 г. основы теории деления тяжелых ядер. Эти работы высоко оценивал А. Эйнштейн, многие годы лично знавший их автора.

Один из выдающихся современных физиков-теоретиков, член-корреспондент АН СССР Я. И. Френкель в 1947 г. (столь же одновременно счастливым и для «майцев» Н. Н. Качалова и А. А. Ливеровского) был отмечен Государственной премией СССР за работу «Кинетическая теория жидкостей».

Другим золотым медалистом был Николай Викторович Фаусек (1894—1937), сын первого выборного директора Высших женских курсов (Бестужевских) В. А. Фаусека и педагога дошкольного образования, учительницы «майской» школы Ю. И. Фаусек. Мало кому известно, что первую в России летающую модель самолета в 1909 г. построил ученик гимназии К. Мая Коля Фаусек. Вот как об этом, бесспорно, интереснейшем историческом событии вспоминал другой выпускник (1912) школы, тоже авиаконструктор, Виктор Львович Кербер, кстати, очень много сделавший для школьного музея в 1960-е годы. «В 1908 г. Коля увидел журнал «Вестник воздухоплавания», в котором была помещена фотография самолета «Блерио VIII» в полете. Коля тут же загорелся желанием сделать модель такого же самолета и обязательно летающую. Начались поиски материалов... Долго ходил он по магазинам и набрел на магазин Растеряева в Гостином дворе. Там глаза его разбежались: трубки, листы и проволока из различных цветных металлов. И вот в одном из дальних углов Коля поднял лист и поразился, как он легкий. «Это что?» — спросил он. «Алюминий», — ответил продавец... Лист алюминия стоил очень дорого — 90 копеек, но Коля все-таки купил его... Все свободное от уроков время Коля работал над моделями... Вскоре Коля добился замечательных результатов: он ставил свою модель на шасси на паркетный пол школьного зала и пускал. Модель бежала, самостоятельно взлетала на высоту 2—2,5 м, пролетала почти весь зал и, по выработке завода, планировала и садилась на пол на шасси. Когда стало тесно для полетов модели в зале, Коля перебрался во двор школы... Так появилась первая отечественная модель самолета. Будучи еще гимназистом последнего класса гимназии

К. Мая, он успешно читал лекции о моделях самолетов, демонстрируя свою в полете». В дальнейшем Н. В. Фаусек стал известным авиаконструктором, жизнь его трагически оборвалась в 1937 г.

Рассказ о тех, кем гордилась школа, быть может и так затянувшийся, можно было бы еще долго продолжать, например, включить в него таких выпускников, как историк А. Н. Насонов (1898—1965), строитель Мариинской системы И. В. Петрашень (1875—1937), филолог С. М. Боткин (1890—1918), математик Ф. В. Корвин-Круковский (1855—1919), скрипач и музыковед В. Н. Римский-Корсаков, но в этой главе мы назвали лишь тех, кто, по нашему мнению, непременно вошел бы в малую «майскую» энциклопедию, если бы такую стали составлять.

Конечно, если заглянуть в полный список учившихся в этой школе, то среди более чем 2100 фамилий мы найдем еще много достойных включения уже в большую «майскую» энциклопедию, — горных и гражданских инженеров, морских и армейских офицеров, врачей и педагогов, писателей и художников, государственных служащих и предпринимателей¹. Однако это уже тема другого повествования, но заключая наши страницы о наставниках и воспитанниках, еще одно хотелось бы подчеркнуть — это удивительное духовное единство тех и других, которое позволило остаться им навсегда и в реальности и в памяти человеческого сообществом равных.

Всякий из «майцев», кто сумел сделать для Отечества нечто выдающееся — открыть ли новый закон, написать ли учебник, отыскать ли новое место на карте страны, издать ли древнюю рукопись, создать картину, доказать сложную теорему, — обязательно вспоминал школу и конкретно — учителя, впервые «угадавшего» в нем талант... Так, будущий академик-химик Н. Н. Качалов вспоминал благодарно И. Д. Гребенщикова, тоже советского академика-химика; А. А. Заварзин — С. А. Порецкого и А. М. Дерюгина; А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих упорно вспоминали только уроки географии Карла Мая. Причем Николай Константинович, будучи одним из первых археологов в районе Извары, все, что добывал в летних походах по древней Новгородской земле, приносил в школу, именно его «изварская» коллекция была основой школьного этнографического музея. Школьному учителю математики Б. И. Умнову, тоже потомственному «майцу», был обязан первыми успехами в механике советский академик В. В. Новожилов.

От глубокого познания, увлечения науками до постижения духовных начал жизни — путь, который достойно прошли воспитанники школы на Васильевском.

Обратимся, например, к рассказу профессора Георгия Александровича Рудакова, заслуженного ученого-химика, однокашника А. А. Ливеровского, и тоже лауреата Государственной премии СССР. Его письмо о гимназии относится к концу 1985 г.

¹ См. приложение 2.

«Поступил я в младший подготовительный класс в 1912 г. Учился в реальном училище с 1914 по 1918 г. ...Что я помню... Школа зиждилась на демократических принципах в смысле отношений между учащимися и между учащимися и преподавателями. Ношение формы было не обязательное. ...Среди преподавателей в разное время были О. Д. Хвольсон, Шерба, Конский, Рерих... Из своих преподавателей я с особым теплом и благодарностью вспоминаю директора школы Александра Лаврентьевича Липовского, преподавателя географии Владимира Степановича Иванова, который вел очень интересные беседы... Например, на вопрос ученика, есть ли до сих пор идолопоклонники, показал на икону и сказал: «Вот идол». Это было недозволенное свободомыслие, несомненно о нем узнали родители, но, по-видимому, никаких последствий не было. С большой теплотой я вспоминаю Л. Г. Ярославцева, который научил меня математически мыслить. Михаила Георгиевича Горохова. Классный наставник он был прекрасный... Не могу не вспомнить и Бориса Ивановича Умнова, нашего преподавателя математики в IV классе. Уже учась в университете, я встречал Бориса Ивановича в семьях своих бывших товарищей по школе, что говорит об его близости с коллективом учеников. А математику он вел прекрасно... После выезда нашей семьи связь с соучениками школы практически прервалась... Но потом я очень дружил с И. И. Фоминым, с которым сидел на одной парте, с О. Н. Григоровым — профессором Ленинградского университета... Был дружен с учеником школы более раннего выпуска, основателем ВНИИНЕФТЕХИМА — внуком писательницы Марко Вовчок — Михаилом Богдановичем Марковичем, пострадавшим в период репрессий 1938 г.»

13 декабря 1947 г. в Кулу, среди вершин Гималаев, было предано огню тело Николая Константиновича Рериха. Незадолго до этого он принял решение вернуться на Родину, в Россию, в Ленинград — город своей школьной юности. Работая бесконечно много, он почти не вел дневников, сохранились лишь обрывки его воспоминаний о школе Карла Ивановича Мая... Но остались «Листы дневника» Николая Константиновича Рериха — особый философский и человеческий документ. И вот там есть такая глава «Знак жизни». Написанные строки показывают великую глубину постижения Н. К. Рерихом земной жизни, иногда кажется, что этот человек сумел один сформулировать подлинное понятие человеческого существования и суть его благостных устремлений. И в том, что выдающийся художник и философ России был тоже обычным учеником гимназии Мая, заставляет сейчас нас более пристально взглянуть в прошлое, вдуматься в него, — есть и для нас символ действительного желания не только вернуть многое из того, что было принято как основа в воспитании и обучении мальцев, но и подробнее, со всей тщательностью заняться изучением педагогики в школе на Васильевском, давшей Родине, Отечеству, городу на Неве столько блистательных юношей и граждан.

Рерих писал: «Если бы кто-то сказал, что ему некогда думать

о прошлом, ибо все его сознание устремлено лишь в будущее, тогда можно бы пожалеть об его ограниченности, но все же понять эту целеустремленность. Но когда люди по лености и нелюбопытству даже о ближайшем прошлом забывают, а в то же время по убожеству и косности не позволяют себе даже помыслить о будущем, тогда получается какое-то неживое состояние. Вы можете с прискорбием наблюдать, как люди упорно отказывают себе в познании, до сих пор считая, что многое прочтенное ими или совратило бы, или отвратило бы от чего-то... Когда говорится о том, что от самых первых школьных дней в учащихся должна быть развиваема и глубокая наблюдательность, и внимательная заботливость, и бережность,— это не будет педагогической скукой, но, наоборот, лишь естественным и живым подготовлением к бодрой, настоящей жизни...»

Ценность жизни! В чем она? Как-то в очередной беседе о школе на Васильевском на Красной улице в Ленинграде, в квартире Льва Васильевича Успенского, рассказывая новый «мемуарный» эпизод о школе, он вдруг воскликнул: «Да если правду сказать, на три четверти того, что я знаю любопытного в жизни и о жизни, о том, что в ней ценного и высокого, низкого и многого — я получил в гимназии, тогда, в юности. И только там. Помните, у Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...

Вот-вот, это «слово», «предугадывание» — это все было у Мая, на уроках и в рекреации, на всю жизнь...»

Сколько, однако, поколений «майцев» могло бы повторить эти слова нашего писателя, украшающего список выдающихся выпускников школы, трудами и мыслями прославивших Отечество. Сохранилась среди писем Л. В. Успенского и весточка от Михаила Николаевича Шатунова, преподавателя литературы, последнего из упоминаемых нами учителей блестящей педагогической плеяды преподавателей школы К. Мая. Вот его текст (от 1971 г.). Письмо написано сразу после прочтения первых статей Л. В. Успенского о гимназии. «Ваши воспоминания сделали более яркими и мои собственные, личные. Вы, оказывается лучше, чем я, помните всех майцев (учеников и преподавателей) и знаете жизненный путь их... Много нового я узнал из вашей статьи об Александре Лаврентьевиче Липовском и еще больше оценил его. Гимназия К. Мая благодаря Александру Лаврентьевичу и другим старшим коллегам стала для меня своего рода педагогическим университетом и усилила любовь мою к педагогическому труду...»

Среди нескольких сот учеников, окончивших эту школу в разные годы и сохранивших о ней лишь благодарные воспоминания, только немногие отважились об этом написать. Отдельные фразы из этих рассказов о школьных годах уже цитировались в соответствующих главах, но, думается, читателю будет интересно и полезно самому прочесть оставленные потомкам свидетельства минувшего. И поэтому в настоящей главе представлены некоторые воспоминания, подобранные в хронологическом порядке, с тем чтобы таким образом отразить разные периоды жизни школы.

Открывают этот мемуарный раздел воспоминания Дмитрия Петровича Семенова-Тян-Шанского (1854—1917), старшего сына известного путешественника, ставшего впоследствии крупным статистиком и специалистом в области сельского хозяйства. Д. П. Семенов-Тян-Шанский всю жизнь активно помогал своей школе, в ней же учились его дети и внуки. Свои воспоминания, отрывки из которых здесь приводятся (полный текст состоит из 50 с.), он написал к пятидесятилетию школы. Единственный раз они были напечатаны в юбилейном сборнике, давно ставшем достоянием лишь самых крупных библиотек страны. Его мемуары (они были нам охотно предоставлены и подготовлены к данной публикации внучкой Дмитрия Петровича А. М. Семеновой-Тян-Шанской) относятся ко времени учебы в школе Д. П. Семенова-Тян-Шанского — 1864—1872 гг., т. е. описывают почти начальный период ее существования.

Несколько более поздние годы освещает малоизвестный, опубликованный только в газете «Речь» от 2 ноября 1912 г. очерк знаменитого художника и искусствоведа Александра Николаевича Бенуа (1870—1960), закончившего гимназию в 1890 г. Его перу также принадлежат помещенные в известной книге этого автора «Мои воспоминания» две главы, посвященные преподавателям и товарищам по учебе, но ввиду, хотя и относительной, доступности этого издания здесь они не приводятся.

Написанная в 1910 г. с большой теплотой, легким языком опытного публициста статья Дмитрия Владимировича Философова (1872—1940), однокашника и друга А. Н. Бенуа, дополняет впечатления выпускников тех лет.

Наконец, о жизни гимназии в последние годы ее существования подробно рассказывает выпускник 1918 г., заслуживший за свои успехи золотую медаль, писатель Лев Васильевич Успенский (1900—1978). Рукопись этих воспоминаний, по-видимому, была подготовлена автором для включения в его книгу «Записки старого петербуржца», однако по неизвестной причине этот текст туда не вошел и в последнее время хранился у писательницы Г. Я. Левашовой, любезно предоставившей его для настоящей публикации, что мы и делаем с некоторыми сокращениями.

Один из авторов этой книги, начавший учиться в школе К. Мая еще в годы первой мировой войны, также делится своими воспоминаниями, тем самым расширяя впечатления Л. В. Успенского о тех, ныне весьма далеких временах.

Заключают эту главу воспоминания Б. Г. Старка. Борис Георгиевич Старк, представитель старинного рода, как мы узнаём из его впервые публикуемых записок, строго говоря, не был учеником майской гимназии, однако он не только застал время, когда еще жив был «майский дух» в этой школе, но воспринял его и пронес через всю свою удивительную жизнь и потому вполне справедливо считает себя достойным «майским жуком», хранящим давние добрые традиции. Его свидетельства в какой-то степени говорят о возможности определенной преемственности этих традиций и в наши дни.

Д. П. Семенов-Тянь-Шанский

Школьные годы

Поступил я в школу Карла Ивановича Мая в январе 1864 г. Лишившись своей матери, когда мне было пять месяцев, и проведя свое детство в деревне у ее тетки, моей крестной матери, где у меня не было сверстников, я находился в обществе моей тетки и англичанки гувернантки. Отец мой, овдовев, отвез меня в деревню, а затем пребывал за границей и совершил свое путешествие в Центральную Азию. Пяти лет я уже умел читать и писать по-русски, английски и французски, а также знал несколько стихов, умел их декламировать на всех этих трех языках. Одиночество и общество взрослых придали мне некоторый оттенок серьезности и мечтательности. Вот та подготовка, с которою я вступал в школу и с которою, вероятно, довольно часто приходилось иметь дело ее директору при поступлении учеников. Карл Иванович в таких случаях старался определить точно и внимательно, какой степени развития соответствует поступающий и насколько он способен пополнить некоторые пробелы в своих знаниях и нагнать сверстников, затем, руководствуясь этим, он и определял их в тот или иной класс.

Когда меня привели в школу, то она мне показалась далеко не столь страшной и суровой, какой ее рисовало мое детское воображение. Хотя мне было 11 лет, но я был невелик ростом

и очень худощав, с густою, курчавою, темною шевелюрою и производил впечатление мальчика лет восьми.

Как только отец привел меня к К. И. Маю и оставил меня на его попечение, добрый и произведший на меня приятное впечатление Карл Иванович повел меня в первый и второй классы на некоторые уроки, где я должен был подвергнуться опросу, а, конечно, не формальному экзамену со стороны различных преподавателей.

Из этих опросов или вступительных экзаменов у меня осталась в памяти беседа с преподавателем русского языка и словесности Павлом Игнатьевичем Роговым¹. Этот преподаватель впоследствии очень основательно ознакомил меня и моих товарищей с русской литературой и имел немалое влияние на наше общее развитие. Не знаю почему, но во время разговора моего с Павлом Игнатьевичем зашла речь об основании Петербурга. Я стал излагать, слышанное мною отчасти от отца, о значении нашей столицы, как торгового устья Волги. Хотя Волга, говорил я, течет в Каспийское море, но большая часть идущих по ней товаров поднимается вверх по реке и тянется по Мариинской и другим водным системам к Петербургу, а через него и за границу. Поняв значение Волги, как главной внутренней водной артерии России, Петр Великий понял также, что соединив ее с бассейном Невы каналами, он в Петербурге найдет, так сказать, торговое устье этой водной артерии, а потому Петербург окажется торговым окном в Европу, прорубленным именно в том месте, где ему естественно надлежит быть.

Такие речи маленького курчавого мальчика, кажется, очень позабавили как Рогова, так и К. И. Мая.

Результатом знакомства со мною нескольких преподавателей было водворение меня во второй класс гимназии и в середине курса, так как это было в январе. Помню, что мне даже было указано место около середины класса, а именно 15-м в классе, имевшем около тридцати учеников. При этом К. И. сказал мне, что он надеется, что я буду в числе первых, но сажает меня в середину, так как это не должно быть никому обидно. В первый же день моя похожая на войлок курчавая шевелюра соблазнила уже моих новых товарищей. Я с трудом мог усидеть спокойно на первых же уроках, так как меня усиленно дергали за волосы сидевшие сзади меня, совершенно незаметно для учителя. Мне приходилось это выносить молча и не подавая никакого вида, что мне больно, чтобы сразу себя хорошо зарекомендовать своим новым школьным товарищам.

В школе дух товарищества поддерживался усиленно самим Карлом Ивановичем, а также и остальными преподавателями. Так, доносы на товарищей не поощрялись и не принимались никогда. Если нужно было узнать, кто что-нибудь напроказил, причем ви-

¹ Преподаватель русского языка и словесности, игравший довольно видную роль в школе и состоявший вместе с тем инспектором одной из военных гимназий.

новник проказы не был узан, то иногда наказывался весь класс и освобождался от наказания лишь тогда, когда по настоянию класса виновный сознается сам, указание же на виновного со стороны других не принималось вовсе в расчет и не избавляло всего класса от наказания.

Во втором классе мне пришлось пребывать очень недолго — только до весны, так как с осени я уже перешел в третий класс. Новым для меня предметом была латынь, которой начинали обучать во втором классе, как раз со второго полугодия.

В третьем классе мне пришлось просидеть два года, отчасти потому, что я много болел, между прочим корью. Помню, что во время этой болезни меня навестил лично сам Карл Иванович Май. Я его узнал, но мне трудно было ему отвечать, и, кажется, я отвечал иногда невпопад, так как был в бреду.

На второй год моего пребывания в третьем классе стало уже выясняться, что математика мне гораздо легче дается, чем языки. В третьем классе преподавание арифметики лежало на Арнгейме, бывшим вместе с тем инспектором Мариинского института. Кроме арифметики, я перешел, так сказать, на постоянное получение отличных баллов и в географии, которую преподавал сам Карл Иванович Май с особенною любовью. Помню, что на меня произвело сильное впечатление его замечание после сказанных мною плохих познаний по географии: «Как тебе, сыну известного географа, не стыдно получать плохие отметки по географии. Тебе, как сыну твоего отца, менее пяти по географии никак нельзя получать». Это на меня оказало такое действие, что после того до самого окончания курса я меньше четырех с половиною или пяти никогда по географии не получал.

В этом обязательстве я вижу очень удачный прием воздействия на хорошую сторону самолюбия мальчика с целью побудить его к более серьезным занятиям предметом. Впрочем, то же самолюбие, которое в данном случае заставило меня усердно заниматься географией, сделало из меня отъявленного шалуна, способного проделать какую угодно шалость, не заключающую в себе, впрочем, ничего, так сказать, подлого.

Толчком к тому, чтобы сделаться отчаянным шалуном, гордящимся тем, что он никаких наказаний не боится, было первое наказание, которому я подвергся в третьем классе.

Однажды я был одним учителем поставлен в угол за нечаянно произведенный мною какой-то шум. Виноватым я себя не чувствовал и стал просить не подвергать меня наказанию ввиду того, что, будучи уже более года в школе, я ни разу наказан не был. Учитель остался неумолим. Помню, что я плакал, просил еще, но ничего не помогло — меня выгнали на остальную часть урока из класса и, что всего хуже, вписали мое имя в штрафной журнал.

С этого времени я и обратился в самого отчаянного во всей школе шалуна, не боявшегося никаких наказаний, и эту репутацию я поддерживал до пятого и шестого класса. Самый страх наказа-

ния во мне совершенно исчез, и я, наоборот, стал видеть удовлетворение своего самолюбия именно в том, что я никакого наказания не боюсь¹.

Каждый обучавшийся в каком-либо учебном заведении, вероятно, наблюдал, что между преподавателями имеются такие, у которых шалят и плохо слушаются, и такие, у которых вовсе не шалят и которых слушаются беспрекословно. Первые иногда бывают вспыльчивы и кричат, сердятся, и наказывают, но это ничего не помогает, и их все-таки плохо слушаются и все-таки у них много шалят, шумят и т. п. Те же, у которых все смиренно и чинно, никогда не кипятятся, мало или почти вовсе не наказывают, но тем не менее как-то умеют внушить уважение к себе и заставить повиноваться. К числу преподавателей этой второй категории, безусловно, принадлежал Эмилий Отто, ныне уже покойный. Он настолько умел внушить ученикам повинование, что, пожалуй, его боялись больше, чем самого Карла Ивановича Мая, который был мягче и умел всегда стать в такие простые и откровенные отношения с воспитанниками, что они, конечно, безусловно слушались своего директора, и чувствовали себя с ним гораздо свободнее, чем с некоторыми преподавателями, например, с Отто.

Во время уроков Отто царил всегда такая тишина, что можно было слышать как муха пролетит. О шалостях никто не помышлял, а потому никто за шалость им и наказываем не был. Вот товарищи мои по третьему классу раз и начали меня уверять, что на уроке у Отто я не решусь выкинуть какую-нибудь шалость. Этого было достаточно для того, чтобы на одном из следующих уроков этого почтенного педагога я выкинул какое-то школьничество. Это его очень удивило, и он, конечно, записал меня в штрафной журнал, определив мне наказание отсидеть лишний час в школе после уроков. «Отчего не два», — сказал я ему, как я это делал с другими учителями. За эту дерзость он четверил наказание. Однако этим и я еще не ограничился. Журнал всегда хранился в классе, и всякий мог его видеть, но никто из учеников, конечно, не отваживался делать в журнале какие-либо пометки. Отто записал меня в журнал по-немецки, причем мою фамилию записал не совсем правильно, не так, как пишут мою фамилию на иностранных языках в моей семье. Я поправил ошибку, дважды подчеркнул слово и написал сбоку в журнале — «грубая ошибка». За это, разумеется, я еще раз был наказан, но зато все товарищи уверовали, что Семенов действительно никаких наказаний и никаких даже самых строгих учителей не боится.

Наказаний, мне назначенных, стало накапливаться столько, что по временам для отбытия их меня заставляли приходить в школу по воскресеньям. За мою шаловливость в любой гимназии я бы, вероятно, был исключен, но К. И. меня не исключал, видя, что шалости мои хотя и дерзки, но в общем невинны. Однажды,

¹ Здесь не лишне припомнить, что в школе К. И. Мая мальчик образцового поведения мог быть даже и резвым, и бойким, и притом безукоризненным товарищем.

когда я, кажется, был уже в пятом классе, К. И. стал меня уговаривать и увещавать; ссылаясь на то, что я уже не маленький, он спросил меня, когда же я, наконец, оставлю не подходящие уже к моему возрасту шалости и ребячества. На это я просил, чтобы меня перестали наказывать, тогда я перестану шалить по собственной инициативе, а то выйдет, как будто меня заставили прекратить шалости наказаниями. Помню, что К. И. на это сказал мне: «Ты, кажется, не понимаешь, что ты теперь опять говоришь дерзость».

В школе К. И. Мая, во время моего в ней пребывания, часть предметов преподавалась на русском языке, а часть на немецком. По французскому языку были устроены два раза в неделю для пансионеров и полупансионеров еще вечерние практические занятия. Эти практические занятия заключались в том, что пансионеры и полупансионеры собирались на час от 6 до 7 в каком-нибудь классе. К ним приходил преподаватель французского языка, всеми очень любимый Жонт, состоявший и в числе воспитателей. В течение этого часа каждый из учеников по очереди рассказывал все, что ему вздумается рассказывать, но непременно по-французски, а преподаватель поправлял его, когда он выражался неправильно или неудачно.

Обязанности воспитателей, из которых Отто и Жонт жили в самом училище, состояли в дежурстве во время рекреаций, большой перемены днем, а также вечером после обеда. Иногда воспитатели и сами руководили некоторыми играми воспитанников, как в зале, так и на дворе. Отто и другой воспитатель, преподававший немецкий язык в младших классах Бем, как немцы, разговаривали при этом с учениками по-немецки, а Жонт, как француз, по-французски, чем увеличивалась еще разговорная практика в иностранных языках.

В третьем классе состав учителей был, в общем, очень хороший. Самой интересной и выдающейся фигурой между преподавателями был, конечно, сам Карл Иванович. Мы, ученики его, по мальчишеству конечно, и в этом прекрасном педагоге, по рождению и по душе, находили свои забавные и слабые стороны.

Его бритая физиономия, с бородою лишь снизу — под подбородком, очки и нюханье табака, дали повод к карикатурам, к описаниям в стихах. Несколько комичной нам казалась его привычка напевать себе под нос что-нибудь, в особенности когда он останавливался перед висевшей в зале большою стенною таблицей с распределением уроков по всем классам. Таблица эта была подвижная, т. е. карточки разных цветов (для каждого класса свой цвет) и с надписью предмета преподавания могли выниматься и переставляться по клеткам, соответствующим дням недели и часам каждого дня. Мы, конечно, не могли ясно себе представить той трудной, сложной и скучной работы, которую он проделывал, иногда подолгу простаивая перед этой таблицей за перемещением некоторых уроков, причем он всегда что-нибудь напевал вполголоса и беспрестанно нюхал табак.

Во всех решительно классах К. И. сам преподавал географию, что еще более сближало его со всеми учениками основанного им учебного заведения, давая возможность хорошо знать каждого лично. Уроки его были очень интересны, оживленны и на них сказывалась особенно его любовь к детям и к молодому поколению. Преподавание географии он вел по особому методу. В младших классах он начинал с того, что заставлял детей чертить и сам чертил план их класса. От плана комнаты переходили к плану школы, двора ее, затем к плану Петербурга и, наконец, к географическим картам.

К. И. заставлял много рисовать карты, причем ученики как копировали, так и рисовали их наизусть. Сам он прекрасно чертил карты наизусть: рисовал их на доске, заставляя их списывать, причем на таких картах помещалось все, что нужно было запомнить, и ничего лишнего. Этим путем заучивание названий в значительной мере облегчалось и утрачивало свой характер сухости. Каждое название реки, залива, моря, страны и т. п. запоминалось вместе с очертанием на карте, а названия гор, городов, мысов и т. п. вместе с определенным местом их на соответственной карте. Рисуя карты и опуская ненужные подробности, где можно, он всегда указывал на сходство тех или иных очертаний с какой-нибудь фигурой, буквой и т. п., что облегчало запоминание и самих очертаний. Например, говоря о водоразделе Западной Двины, Днепра и Волги и указывая на крупное значение этой местности в истории России и заселения ее славянским племенем, он замечает, что верхние течения этих рек образуют собою как бы латинскую букву Пи. В памяти и воображении учеников названия как бы сливались с определенными формами и очертаниями, а потому врезывались сильнее в память, т. е. легче запоминались и труднее забывались. Кроме того, преподавание географии у К. И. сопровождалось оживленными пояснениями, иногда длинными разговорами по близко соприкасающимся с преподаваемым предметом науками, как-то: по геологии, по физической географии, этнографии и т. п. Особенно часто, как мне запомнилось, он объяснял образование коралловых рифов. Сообщались при этом и всякие новые открытия в области географии, причем К. И. говорил о них с особым увлечением. Любовь, с которою К. И. разговаривал о географических новостях и новых открытиях, доходила до слабости, которую ученики, разумеется, подметили и стали иногда эксплуатировать в свою пользу. Мне, как сыну видного деятеля Географического общества¹, могущему часто раньше других узнавать о некоторых географических открытиях и новостях, приходилось играть некоторую роль в учениче-

¹ Отец мой, ныне вице-председатель Императорского географического общества, тогда был председателем отделения физической географии. Ныне и я состою в этом обществе председателем отделения статистики, которой интересовался тоже еще в школе, зная наизусть число жителей в большей части русских городов.

ских хитростях. Когда заданный по географии урок был сравнительно труден или плохо приготовлен, вследствие чего ученики не надеялись хорошо ответить, то класс просил меня затеять какой-нибудь интересный для К. И. географический разговор. Я в таких случаях сообщал какую-нибудь известную мне географическую новинку, искусно завлекая К. И. в объяснения, и разговоров хватало до конца урока, а ученики оставались не спрошенными до последней минуты.

Но не только о предметах, близко соприкасающихся с географией, разговаривал К. И. со своими учениками: в старших классах, начиная с пятого, иногда он разговаривал с ними и о различных вопросах, связанных с заведыванием училищем. Притом так просто и искренни были его речи, что и сами ученики разговаривали с ним о школьных и своих делах откровенно и просто, как дети с отцом или матерью. Обмануть его, ответить неправдой или даже недостаточно откровенно и искренно на поставленный им вопрос решались очень немногие. Поэтому он всегда отлично знал как общее настроение своих учеников, их умственный и нравственный уровень, так равно и индивидуальные особенности каждого в отдельности. Сообразно с этими индивидуальными особенностями каждого он применял по отношению к отдельным ученикам и способы воздействия не всегда одинаковые: в тождественных случаях иногда одного наказывал, а другого нет, ограничиваясь выговором или замечанием и т. п. Несмотря на это, однако, никогда никому из учеников его и в голову не приходило, что К. И. действует пристрастно или не совсем справедливо, чего нельзя было сказать относительно всех других учителей. Так умелы были его действия по отношению к каждому отдельному ученику и так велика его искренность и светившееся во всем его существе расположение к каждому. Зная склонность и способности каждого, он в каждом поддерживал всякое похвальное и доброе стремление и смотрел иногда сквозь пальцы на увлечение ученика одним предметом подчас даже в ущерб другим. Совершенно справедливо он считал увлечение какими-либо занятиями и усердие к ним явлением, достойным поощрения и поддержки, глубоко веруя, что некоторые недочеты по каким-либо отдельным предметам, вследствие увлечения занятиями другими предметами, при дальнейшем развитии этой любви к занятиям и труду непременно пополнятся, а неосторожная задержка такого усердия может привести ученика к апатичному отношению уже не к одним, а ко всем предметам и к развитию в нем лени.

Примеры таких действий, сообразованных с индивидуальными особенностями каждого ученика, были весьма многочисленны. Сделавшись одним из лучших его учеников по географии, я очень увлекался черчением карт и лепкой рельефных карт, употребляя на это иногда довольно много времени. К. И. меня к тому поощрял, и сделанные мною рельефные карты Франции и Альп были выставляемы на каких-то педагогических выставках.

О преподавателе немецкого языка и латыни в средних клас-

сах Эмилии Отто несколько слов мною уже было сказано выше. Типичный немец из Пруссии, он являлся представителем порядка и дисциплины. Аккуратный и настойчивый, всегда серьезный и ровный, никогда, кажется, не выходящий из себя, по крайней мере в столкновениях с учениками, он являлся одним из главных помощников Карла Ивановича.

В некоторых случаях он как бы его дополнял. Когда необходима была по отношению к ученикам некоторая суровость и твердость, в случаях, когда сердечность Карла Ивановича была бы неуместна, выступал и действовал Отто.

Немалое значение как воспитатель имел и преподаватель французского языка Жонт.

Третьим воспитателем был в то время, т. е. когда я находился в третьем и четвертом классах, преподаватель немецкого языка в самых младших классах Бем.

Эти-то три воспитателя с самим Карлом Ивановичем Маем и с двумя его сестрами Анной и Эмилией Ивановной, а также со всеми пансионерами и полупансионерами составляли как бы одну большую семью. Все они, а именно обе сестры К. И., как хозяйки, означенные преподаватели и сам К. И. обедали вместе с учениками, сидевшими за двумя столами в низенькой столовой, в нижнем этаже занятого школою здания. За каждым из двух столов сидело по одной из сестер Карла Ивановича, которые сами разливали суп как учителям, так и мальчикам. За столом шли иногда общие разговоры и шутки, в которых принимали участие и преподаватели, и ученики.

Из преподавателей того времени, занимавшихся с нами в третьем классе, у меня сохранилось воспоминание о Еленеве, учителе русского языка в младших классах. Им была составлена особая табличка, называвшаяся самовар и вмещавшая почти все правила русской грамматики. Она заключала в себе, кажется, различные части речи, вписанные в квадратики и круги, из коих составлялся рисунок, напоминающий самовар.

В третьем же классе и отчасти уже во втором я познакомился с большим чудачком — преподавателем рисования Ульяновым. Кажется, он был архитектор, надстроивший, перестроивший и приспособивший здание школы.

На уроках рисования одни, ушедшие далеко вперед, рисовали гипсовые орнаменты и головы, другие копировали рисунки, третьи чертили только круги и квадратики и т. п. Как имевший некоторые природные способности к рисованию, я очень скоро дошел до гипсовых голов и дразнил Ульянова тем, что нарисую маленькую головку не на середине листа, а в углу его. Когда он выбранится и скажет, что голова хороша, но мала, я во весь лист рисовал один рот или нос гипсового бога или богини и уверял, что исполнил его желание, нарисовал крупнее, но, к сожалению, не уместил всего лица на листе бумаги.

В четвертом классе мне пришлось познакомиться и с новыми предметами и со многими новыми учителями. В этом классе

предстояло перейти к изучению алгебры, начать заниматься геометрией, и желающие могли начать изучение греческого языка, который тогда не был безусловно обязателен и для классиков.

Алгебру или, лучше сказать, особый курс теоретической арифметики преподавал в четвертом классе один из друзей Карла Ивановича, очень хороший человек и недурной педагог, но вместе с тем большой оригинал, если не сказать чудака — Шнейдер. Начинал он свой курс алгебры с особого курса арифметики, им самим составленного и изложенного в особом учебнике, озаглавленном «Арифметика, изложенная по генетическому методу». В учебнике излагалась вся арифметика, начиная с четырех основных правил, но изложенная особым манером и особо объясненная.

Начиналось даже с того, как люди начали считать и обозначать условными знаками — числами то, что они считали. Затем объяснялись римские цифры, обозначение которых основывалось на изображении палочек — пальцев и всей руки V или двух рук X, затем уже излагались преимущества принятых всеми цивилизованными народами арабских цифр и т. д.

Каждое действие и арифметическое правило выводилось и доказывалось подобно тому, как выводятся и доказываются теоремы в алгебре и геометрии. Объяснялось, что помножение есть повторное сложение, а деление — повторное вычитание. Надо отдать справедливость этому педагогическому приему. Дети на хорошо им знакомом, уже заученном ранее приучались к тому математическому пониманию и способу доказательств, который им приходится применять далее, при прохождении алгебры, что несомненно должно было облегчить понимание и усвоение дальнейшего.

Шнейдер на уроках был очень строг и требователен, но математически справедлив. Каждый верный ответ отмечался в его карманной книжке крестом, а неверный — ноликом. За каждые пять ответов ставился балл, соответствующий числу крестиков. Ноли и единицы бывали нередки. Получивших ноль или единицу он заставлял переписать от 25 до 40 раз невыученный урок.

Говоря о четвертом классе, не могу не вспомнить еще о преподавателе естественных наук (зоологии, ботаники и химии) Вильямсе, который умел заинтересовать своих учеников, но не всегда умел прекратить их шалости и шум. Он был очень добр, хотя по временам и вспыльчив. В общем, однако, дети очень его любили, а преподаваемыми им предметами он умел заинтересовать. Помню и до сих пор довольно подробный курс споровых растений, который за ним записывался и затем изучался. Он был изложен очень интересно и живо в виде описаний наиболее типичных растений со способами их размножения. Кажется, в то время это была именно область новых исследований и открытий, а потому и особенно интересная.

В этом же четвертом классе мне впервые пришлось услышать тогда вновь поступившего преподавателя истории Штрукке, сде-

лавшегося впоследствии одним из любимцев своих слушателей-учеников, главным образом благодаря своему умению картинно и интересно рассказывать, так что его можно было заслушаться. Рассказ его был необыкновенно живой и увлекательный. Яркими и чудными картинками с рельефно вырисованными фигурами исторических личностей проходили перед нами события всемирной истории.

В том же четвертом классе мы перешли по русскому языку к П. И. Рогову, о котором мною было уже говорено в самом начале. Рогов преподавал русскую литературу, а Штрукке в старших классах — немецкую. Оба они отличались способностью прекрасно говорить, и оба старались ознакомить с возможно большим количеством произведений той и другой литературы путем непосредственного чтения лучших произведений их в классе.

Таким образом, как умение их преподавать, заинтересовывать и рассказывать, так равно и влияние их на развитие учеников представлялись во многом сходными и параллельными: можно сказать, что тем, чем был для меня и товарищей моих Рогов по русской литературе, тем для нас был Штрукке по литературе немецкой. Оба они подчеркивали и выдвигали на первый план движение и развитие человеческой мысли. Рогов как бы являлся отчасти истолкователем наиболее высоких стремлений в русских писателях, Штрукке — в немецких. Чтобы составить себе более ясное понятие о характере преподавания этих двух учителей, надо припомнить, что это были шестидесятые годы, когда только что совершилось освобождение крестьян, в котором отец мой был одним из видных деятелей, вследствие чего я и в русской литературе, благодаря Рогову, находил те же мысли, которые я слышал дома.

В пятом классе появился лучший из всех преподавателей древних языков, с которыми мне приходилось учиться, — Уртель. Это был выписанный из-за гарницы молодой, но чрезвычайно знающий и способный филолог. Приехав в Россию, он очень скоро изучил русский язык и стал интересоваться русской литературой, с которой настолько ознакомился, что на уроках латыни, при оживленных своих объяснениях и толкованиях, ссылался иногда на русских писателей и особенно на Пушкина, которого он особенно высоко ставил и ценил.

Уртель умел сделать из своих уроков, из чтения произведений классиков, даже из латинской грамматики, интересный предмет. Все он пояснял, разъяснял, переносил нас в древний мир с его особою жизнью и понятиями. Не скучными и сухими, а живыми и понятными становились, благодаря его объяснениям, и стихи Горация, и Вергилия, и речи Цицерона и пр. Если я, будучи почти всегда самым плохим учеником по латыни, все-таки научился этому языку, стал писать на нем сочинения, иногда даже недурные, и даже закончил блестящим баллом из этого языка на выпускном экзамене, то этим я всего более считаю себя обязанным Уртелю. Этот выдающийся и прямо талантливый педагог оставил

нас весной 1871 г. и получил сразу очень завидное назначение. По присоединении Эльзаса к Германии он был назначен директором Страсбургской гимназии, куда и поехал прямо от нас, к большому нашему огорчению. Назначение это доказывает, что его высоко ценили в Германии, где во вновь присоединенную область старались назначать лучших во всей Германии профессоров и лучших педагогов. Мои товарищи и я, мы можем считать себя счастливыми, что были учениками такого выдающегося педагога. Уртель был учителем и вместе с тем воспитателем. Само собой разумеется, что его очень любили и уважали.

В школе К. И. Мая можно было заниматься и английским языком, и им занималось действительно довольно значительное количество воспитанников. Я старался возобновить в памяти этот язык, столь хорошо знакомый в моем детстве благодаря гувернантке англичанке. С четвертого класса мы попали к прекрасному человеку и большому поклоннику гениального Шекспира, преподавателю английского языка Гису. Ученики его любили, и он, кажется очень любил детей и молодежь. У меня и теперь сохранился его портрет, который мне удалось нарисовать пером во время его урока. Он читал с нами Шекспира, для чего мы не были достаточно подготовлены. Убедившись в этом, он в несколько уроков старался нас подготовить, повторив кое-что из самого языка и грамматики, а затем опять принимался за Шекспира.

По рисованию после Ульянова мы попали к очень доброму преподавателю, самому профессору исторической живописи в Академии художеств Венигу. Он никого не выгонял из класса, но при его добродушии у него случалось, что я и некоторые из других моих товарищей, более способные к рисованию, занимались изображением карикатур на своих преподавателей на доске. Вениг, как художник, если карикатуры были удачны и в них было схвачено сходство, сам ими заинтересовывался и потому допускал это.

Так как отношения Карла Ивановича, как к преподавателям, так и к ученикам, по своей трогательной простоте напоминали отношения членов одной большой семьи между собою, то не мудрено, что у нас праздновались в этой большой семье и свои семейные праздники. Самым крупным из наших праздников был день рождения Карла Ивановича, приходившийся на 29 октября. В этот день обыкновенно утром все ученики собирались в школу немного ранее начала классов и гурьбой отправлялись во второй этаж, в квартиру своего любимого директора с целью принесения ему поздравлений. При помощи учителя хорового пения, в такой предмет входил в число обязательных для всех, у кого был хоть какой-нибудь голос или слух, разучивалась особо какая-нибудь кантата или песнь, и она-то и пелась ему в виде грандиозной серенады. Сам Карл Иванович отвечал на наше приветствие речью, всегда живой и остроумной, всегда трогательной и подтверждавшей и укреплявшей ту связь, которая так тесно свя-

зывала его личную жизнь с жизнью основанной им и руководимой им школы. На поздравления являлись и многие из бывших воспитанников. Затем классы в этот день шли обыкновенным порядком, и лишь к завтраку ученики, вместо обыкновенного молока с черным и белым хлебом, получали шоколад и сладкое печенье.

Кажется, в первый год моего пребывания в пятом классе некоторым ученикам школы пришла мысль, в виде сюрприза и подарка Карлу Ивановичу, устроить в школе домашний спектакль, в котором приняли бы участие одни ученики. На устройство этого спектакля были собраны необходимые деньги между учениками, из коих были выбраны и распорядители и кассир, а затем к участию в этом деле были приглашены преподаватель русской словесности Рогов, немецкой — Отто и французской — Жонт. Были выбраны пьесы, я взялся быть декоратором, и работа закипела. Комитет из нашего класса заведовал как суммами, так и всею хозяйственной частью. Для таких юношей, почти мальчиков (всем нам было от 14 до 17 лет), самое ведение хозяйственного дела: закупки, заказы, например, ламп, самой сцены, т. е. помоста для нее, а также выбор взятых напрокат костюмов и пр. — представляло немалый интерес. Нами собрано было около 400 руб., которые все и были израсходованы. Русская пьеса «Скупой рыцарь» Пушкина, французская — Мольера, немецкая была менее интересна и значительна. Обе первые пьесы требовали довольно дорогих костюмов, а потому главнейшая часть расходов и выпала на долю костюмов и гримировки, а именно, около 200 руб. Сцена, т. е. помост со всеми приспособлениями, обошлась в 120 руб. Прокат ламп стоил 35 руб., и всего дешевле обошлись декорации, так как рисовал их я с некоторыми товарищами, мне помогавшими, и платить пришлось только за бумагу, клей, краски, кисти и т. п. Декорации стоили около 17 руб. О, как сильно это дело нас тогда занимало, как интересны были совещания и обсуждения того, что и как заказать и купить! Во все эти распоряжения учителя вовсе не вмешивались. Интересны были и вечерние часы рисований декораций в одной полуподвальной квартире дома К. И. Мая, тогда пустовавшей. Главным декоратором был я, а главным моим помощником Дмитрий Александрович Резанов. Он был одним из лучших рисовальщиков в школе; сын ректора архитектурного отдела Академии художеств Александра Ивановича Резанова, он также готовился быть архитектором.

Насколько сам К. И. знал о готовившемся ему сюрпризе, осталось мне неизвестным. Вероятно, преподаватели ему сообщили, что будет домашний спектакль, устраиваемый учениками, но дальнейших подробностей не объясняли. Самые приготовления к спектаклю, репетиции, хозяйственные распоряжения и хлопоты, рисование декораций как нельзя более способствовали сближению учеников между собою, так и с принявшими участие в общем деле преподавателями. С одной стороны, ведение практического дела, а с другой, беседы с учителями во время репетиций также

способствовали общему развитию учеников и увеличению в них интереса к искусству. Сам Карл Иванович остался настолько доволен, что решил повторить школьный спектакль и на следующий год, приняв крупную часть расходов на свой счет.

Время учения в пятом, а также шестом и седьмом классах было наиболее интересное и наиболее полезное для моего общего развития. В это время складывались более близкие и сознательно дружеские отношения с товарищами; в это время, благодаря любимому нами преподавателю русской литературы Рогову, мы, кроме официального, так сказать, курса русской литературы по Стоюнину, прочли в классе в подлиннике и полностью все решительно сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова и многие сочинения Тургенева, Гончарова, Достоевского, даже Писемского и др. В это время, благодаря талантливому изложению Штрунке, мы знакомились не только с хронологией истории и голыми фактами ее, но и с самым смыслом событий, их взаимною связью, а также с историей человеческой мысли и культуры. В это же время, наконец, преподавая нам древние языки, Уртель знакомил нас с древним миром, переносил нас в его обстановку, знакомя с кругозором древних и с их внутренней жизнью и бытом. Было чем интересоваться, было о чем потолковать и с учителями и между собою, было на чем вырасти у учеников и некоторым идеальным стремлениям, и некоторому интересу ко всему высокому и прекрасному. Прибавьте к этому почти товарищеское отношение к нам самого К. И. Мая, те интересные сообщения из области естественных наук, которые нам делал он сам и некоторые другие преподаватели — как Вильямс и физик Филипенко, и станет понятно и ясно — почему это время осталось у меня, и вероятно, у многих моих товарищей, в воспоминаниях, как наилучшее время нашей школьной жизни, наиболее дорогое по своим воспоминаниям и оставившее наиболее глубокие следы в нашем умственном укладе и развитии. При этом в нашем товарищеском кругу держались наиболее высокие и искренние понятия о чести и порядочности, и большинство при значительном развитии умственном, расширенном кругозоре и знакомстве, по книгам, со всеми сторонами жизни сохранило всю свежесть юной неиспорченности и непорочности до окончания курса или выхода из школы.

А. Н. Бенца

Из воспоминаний

На днях мне случилось испытать совершенно особое ощущение. Я вдруг очень определенно и ярко ощутил, что моя молодость и детство ушли куда-то в глубь времен. Присутствовал я на акте в гимназии, которую я кончил двадцать с лишним лет тому назад и в которую только что поступил мой сын. Гимназия переехала в новое роскошное помещение, но актовый зал

в общем (очевидно, это входило в намерение строителей) напоминает старый актовый зал. Там же входная дверь, с той же стороны окна во двор, с той же — застекленные стены трех классов. Сев в последних рядах среди юношей и мальчиков, я вспоминал, как я «тут же» сидел когда-то на спектакле, данном в честь доброго директора. Даже в детских и юношеских лицах вокруг мне чудились мои товарищи, приятные и неприятные, те, с которыми я и поныне еще дружен, и те, о которых и думать позабыл.

Но вот, вслушавшись внимательнее в чтение доклада об истекшем учебном годе, я спугнул мечту, и действительность предстала предо мной со всем своим утверждением. В докладе говорилось о таких вещах, о которых и думать было нельзя в былое время. В общем, эти новые вещи сводятся к тому, чтобы сделать жизнь ученика как можно более яркой и интересной, чтобы вовлечь его в науку, показав не только ее скучные буквы, но и ее пленительный смысл. Для этой цели сделано удивительно много в смысле всякой наглядности, сделано много и в смысле «взаимного обучения».

Для некоторых предметов существуют целые специальные кабинеты, чуть ли не музеи; для других предпринимаются экскурсии, причем дается возможность маленьким петербуржцам видеть отдаленные местности: Псков, Новгород, Москву. Наконец, среди учеников образованы всевозможные кружки полупрактического, полуразвлекательного характера, которые должны и способствовать развитию общительности и приучать юношей к самостоятельной работе. Какие темы затрагиваются в рефератах, изготовляющихся в этих кружках!

Нет, ничего подобного у нас не было. В сравнении с теперешней школой наша школа была первобытной, чуть ли не средневековой. Как все в ней было тесно — уютно, правда, и мило — но именно тесно и захолустно. Как тщетны были все старания нашего незабвенного директора реагировать против угнетающей казенщины, которая предписывалась свыше. Как бедны были все средства. Ни одной картинки, ни одного живого предмета. Я помню, как сконфузился бедный «физик», необыкновенно деликатный и тактичный человек, когда пожелал показать нам опыт с электрической машиной самого примитивного образца. Полчаса бился он над этим допотопным изделием и так и не вызвал из него ни одной искры. Нам было всем безумно смешно, но, быть может, я потому до сих пор ни бельмеса в электричестве не понимаю, что тогда машина оказалась неисправной.

Сравнительно хорошо у нас преподавалась только одна география. Ею ведал сам Карл Иванович, до фанатизма любивший свой предмет и прекрасно его знавший. Однако, даже его уроки, о которых все мы вспоминаем, как о часах, полных прямо эстетического наслаждения, могли бы выиграть в высшей степени, если бы он располагал всеми теми пособиями, которые теперь находятся в распоряжении у учителя географии. У нас были только карты и карты.

Разумеется, мальчики более зажиточные видали многое у себя дома, иные даже совершали на вакациях более или менее далекие путешествия. Но другие, но дети менее достаточных или более экономных родителей — что они могли вынести ясного и важного из слов о Гауризанкаре, о красотах американского пейзажа, о достопримечательностях Италии или даже о России? География России была сплошной тоской, даже в изложениях Карла Ивановича, и это потому, что мы, петербургские дети, совсем не видали России и знали ее меньше, нежели пампасы и многое другое, о чем читали в детских романах и что видели на картинах. Теперь же второклассник, не сходя с места, может в ясных образах увидеть и древности родной старины, и наиболее пленительные в живописном отношении местности, и всевозможные способы обработки земли и добывания натуральных богатств, и, наконец, быть у всевозможных народностей. Как тут не заинтересоваться?

Жаль вот только, что пособия эти не всегда художественны. Но даже эта их нехудожественность куда выше того, что в наше время сходило за художественность в этой же сфере! И при нехудожественности тех картин, которые я ныне нашел развешанными по стенам класса географии, обозрение их для меня, человека старой школы, прошло не без пользы. Я многое увидел такого, чего не знал раньше, а увидеть — это уже почти то же самое, что узнать. То-то многое узнает мой сын, то-то он меня перегонит, то-то будет смотреть на меня, как на какой-то «архаизм».

А что ему предстоит во всех других науках! О естественных науках мы ровно ничего не знали. Я и теперь скрываю в этом смысле такие глубины невежества, в которых никогда не признаюсь, ибо прямо непозволительно в том признаваться. Тогда нас так пичкали латынью и греческим (ей-богу, этого было чересчур много), что ни на что иное не хватало времени. Теперь мальчики могут иметь познания и по «натуральной истории», и по физике, и по химии, если и не особенно полно, то, во всяком случае, основательные, ибо все это им подносится в виде чего-то живого и, так сказать, осязательного. Опять-таки и здесь они все не только зазубривают, но запоминают предметно, зрительно. Не насилуется память, а обогащается.

И, наконец, что за восторг теперь преподавание истории, сопровождаемое стенными и световыми картинами, изготовлением самими же учениками лепных моделей знаменитых памятников, экскурсиями. Вот эти мальчики, когда вырастут, наверняка уже не будут вандалами, и весьма возможно, что те из них, которые одарены художественным талантом, получат в стенах средней школы такую культурно-эстетическую заправку, что их потом уже не в состоянии будет испортить никакая академия художеств.

Майские жуки

Сегодня праздник «майских жуков».

Они переезжают в собственный дом, построенный одним из майских жуков.

Вы, конечно, не понимаете, что это за таинственные жуки, летающие в глубокую петербургскую осень и строящие себе каменные дома.

Я говорю про питомцев гимназии покойного Карла Ивановича Мая.

Их в шутку прозвали майскими жуками, и прозвище за ними укрепилось. Стало «официозным».

Помню, когда я был еще в младших классах гимназии, ученики устроили на рождественских праздниках какое-то географическое шествие в честь Карла Ивановича, который преподавал географию. Шли города, реки, государства. А впереди два герольда, с громадными знаменами. На знаменах герб: майский жук.

Карл Иванович был доволен, и в этот вечер нюхал табак с особенным наслаждением.

В 1906 г. гимназия праздновала свое пятидесятилетие. К празднику издали книгу, посвященную истории гимназии и памяти ее основателя. Бывшие ученики прислали к юбилейному дню свои воспоминания и заметки, которые составили особый отдел книги.

Один из учеников так и озаглавил свою статью: «Воспоминания старого майского жука».

Теперь вы знаете, кто такие таинственные майские жуки.

Карл Иванович скончался пятнадцать лет тому назад. Гимназия легко могла захиреть. Но она не только не захирела, а процветала. В девяностом году, когда Карл Иванович по болезни оставил гимназию, в ней было 134 ученика. К 1 января 1909 г. их числилось уже 351. Наконец, гимназия, благодаря помощи майских жуков и их родителей, благодаря энергии преемников Карла Ивановича, В. А. Кракау и А. Л. Липовского, выстроила по проекту архитектора Г. Д. Гримма¹ собственное прекрасное здание и сегодня в него переезжает.

Материально гимназия, конечно, не процветает. Из отчетов видно, что свой бюджет она заключает с дефицитом. Но это не страшно для такого дела, потому что оно в верных руках. О физическом существовании детища Карла Ивановича заботится «Общество для доставления средств учебному заведению К. И. Мая» (Общество является собственником гимназии). О его духовной жизни печется выборный директор, вместе с тесносплоченным кружком преподавателей и воспитателей.

Но, признавая вполне громадные заслуги первого заместителя Карла Ивановича — В. А. Кракау, который шестнадцать лет, буквально «не щадя живота», руководил гимназией, и нынешнего энер-

¹ Брат нынешнего ректора университета Д. Д. Гримма и бывшего проректора проф. Э. Д. Гримма, которые тоже майские жуки.

гичного директора, А. Л. Липовского, думаю, что усилия обоих почтенных педагогов были бы менее плодотворные, если бы над гимназией не витал до сих пор добрый гений покойного Карла Ивановича.

Я окончил гимназию в 1890 г., следовательно, провел в ней восьмидесятые годы, пожалуй, самые тяжелые времена в жизни русских гимназий.

Система гр. Толстого действовала тогда вовсю. Только что был введен новый университетский устав. Школа была покрыта густым лаком казенщины и лицемерия. Внешнее общественное благополучие давало начальству право утверждать, что и в школе все спокойно.

Только с девяностых годов началось брожение, показавшее цену спокойствия годов восьмидесятых.

Когда я спрашиваю своих сверстников о гимназических годах, они все вспоминают их с ненавистью. Я почти никого не встречал, кто бы вспомнил с любовью казенную гимназию восьмидесятых годов. «Майские жуки» — счастливое исключение. Гимназия Мая была каким-то государством в государстве, таинственным островом, отделенным бесконечным океаном от казенщины.

Будучи гимназистом, я, как и мои товарищи, мало ценил гимназию. Уже гораздо позже я понял, что дал нам незабвенный Карл Иванович.

Все в этой гимназии было необычно. Начать с того, что изо дня в день Карл Иванович здоровался со всеми учениками порознь, каждому из них подавая руку.

Патриархальная интимность обстановки облегчала мальчику мучительный переход от семьи к школе.

Мы не знали, что такое начальство, а потому не знали лицемерия. Ни учителя, ни сам Карл Иванович никогда не носили формы. Только при появлении окружного инспектора доставался откуда-то допотопный, пропахший камфорой фрак, и Карл Иванович превращался в «директора». Вся гимназия чувствовала, что случилось нечто особенное. В мирную, тихую семью врвалось с улицы нечто ей чуждое, враждебное. Но начальство, к счастью, заглядывало редко.

...По существу же К. И. проявлял большое уважение к личности ученика. Все перемены он стоял на площадке, и о чем только мы с ним ни говорили! Он ценил откровенность учеников, уважал их индивидуальные вкусы, наклонности. Если в младших классах ученик заслужил доверие Карла Ивановича, то в старших он мог уже не заботиться о своей судьбе: Карл Иванович его не оставит без помощи. Помню, не раз мы с Александром Николаевичем Бенуа являлись утром, не приготовив ни одного урока, потому что накануне были у Мейнингенцев на «Фиэско» или «Смерти Валленштейна». И ничего, всегда сходило. Добрый Карл Иванович делал строгий вид, но видимо очень ценил, что мы откровенно сознавались в своем увлечении, и радовался, что это увлечение с педагогической точки зрения не дурное.

В первый раз я понял, что такое гимназия Мая на выпускном экзамене, когда «семья» майских жуков столкнулась на моих глазах с «государством».

Все пошло шиворот на выворот. Появились чужие люди в мундирах, которых мы не понимали, да и они нас не понимали. Нам задавали нелепые вопросы, задавали нелепые темы. Например, по русскому языку мы должны были писать о том, «почему сочинения Гоголя могут быть названы поэтическими». Я бы и теперь толком не сумел ответить на этот вопрос.

И не то, чтобы мундирное начальство относилось к нам враждебно. Но мы ясно сознавали, что все, чему мы научились, все, что мы знали, было этим господам просто не нужно. А вместе с тем мы смутно чувствовали, что ненужное для «мундиров» очень ценно для жизни. Нет сомнения, что «мундиры» нас считали невежественными недорослями.

И какая была радость, когда вся эта комедия кончилась, когда начальство ушло, и мы опять остались у себя, дома, всего на один день, чтобы проститься с Карлом Ивановичем, настоящим, без мундира, с пресловутой табакеркой и громадным красным, усыпанным желтыми горошинами платком в руках!

Губы у него тряслись, на глазах были слезы. Дрожащей рукой делал он надписи на своих фотографических карточках. Каждый выпуск был для него и радость, и величайшее горе. Как он просил не забывать его, не забывать его гимназии! И как было отрадно в студенческой форме приехать к нему 29 октября, в день его рождения! Быть у него в кабинете, со взрослыми, с учителями, и слышать внизу, в столовой, топот малышей, которые ожидали традиционного шоколада, разливаемого заботливой рукой Агнессы Альбертовны Май.

В счастливый для гимназии день хотелось напомнить майским жукам, а их рассеяно по России больше двух тысяч, о милом, добром Карле Ивановиче.

Майские жуки — символ весны.

Сегодня, в глубокую петербургскую осень, пусть майские жуки вспомнят вечный «весенний» завет Карла Ивановича: «Сперва любите, потом учите». Это не только завет педагога, но и человека, потому что с годами все волей-неволей становятся «учителями».

Л. В. Успенский

Гимназия Мая

Хмурое декабрьское утро 1911 г. Темный еще — в девятом часу в Петрограде совершенно темно — уходящий в бесконечность, в зимнюю мглу Средний проспект...

Маленькая фигурка в долгополой «реальной» шинели, но в шинели не петербургской, а южной, киевской, не черного, а синего сукна, такого своеобразного «блэ дё жандарм», с тюленьим ранцем за плечами, в уже питерской — тоже реальной фуражке,

черной с выпушками и медными лавровыми ветвями (между ними буквы «РУМ» — реальное училище Мая) над козырьком, фигурка эта (довольно, однако, плотная и широкоплечая фигурка) тащится теперь на левой панели вдоль по Среднему.

Мальчишка удручен, убит. Его только что перевели из одной школы в другую, точнее — уже не в другую, а в третью за последние полгода. Он надеялся вернуться в ту, где он уже проучился три года до всех перемен, но намерения родителей не совпали с его надеждами. Его привезли сюда из Киева и определили в реальное училище Карла Мая на 14-й линии, а не в милое его сердцу Выборгское коммерческое училище у Финляндского вокзала. И все — заново. И — новые учителя. И — новые классы. И — новые товарищи. И само место, где находится это училище; — тоже новое, на незнакомом ему Васильевском острове. И каждый день — зимой в утренней тьме — надо вставать в семь часов, и садиться на «Восьмерку», и ехать до угла Первой линии, и затем идти пешком по всему Среднему...

Мальчишка переходит Вторую линию. В сером сумраке за нею над ним как бы наклоняется бесконечно высокая — должно быть, выше Исаакия — лютеранская кирха, вся острая, вся серо-коричневая в серо-черных ранних сумерках, готическая, пугающая. Содрогается мальчишка! А сразу же за кирхой — аптека. Казалось бы, тут-то что — освещенные стекла, разноцветные плафоны, бросающие на панель цветные полотнища холодного огня... Казалось бы — смотри и радуйся...

Но ведь впечатления мира зависят всецело от внутреннего строя, от строя души. Мальчишка — у него под фуражкой на оба уха надеты (и держатся на резинке) круглые картонные, обшитые сукном черные «наушники», очень удобные и теплые — такие продают только для школьников да для господ офицеров — мальчишка с тяжелым чувством поднимает глаза вверх...

Да, да! Там, поверх окон, бежит нелепая, зловещая, пугающая самым ритмом своим, похожая на какое-то чудовищное закливание, если читать ее на ходу, не останавливаясь, надпись:

АПТЕКА ТИЛИКА
ПТЕКА ТИЛИКА
ТЕКА ТИЛИКА
ЕКА ТИЛИКА
КА ТИЛИКА
А ТИЛИКА
ТИЛИКА
ИЛИКА
ЛИКА
ИКА
КА
А

Это — как бред!

Я не способен теперь, через пятьдесят девять лет, объяснить,

почему и чем стремительное или ленивое убегание этих букв, торопливый (а может быть, вялый) поток бессмысленных звуков так тревожил, таким холодным давлением сжимал тогда мое сердце. Я знаю, что спустя два-три месяца я уже пробежал мимо, этого ужаса веселой рысью:

Птекатилика
текатилика
екатилика
катилика

Как смешно... «Катилика!» А куда? Катилик! Но и поныне мне нетрудно создать в себе тогдашнее жуткое чувство обреченности — непонятное, иррациональное и тем не менее — мощное... Что ж? Вероятно, уже тогда во мне жила какая-то филология, какая-то лингвистика, фонетико-орфографическое отношение к миру...

Толстый мальчишка в смешном «киевском» форменном пальто шел в те дни первые разы в гимназию и реальное училище К. И. Мая.

Директором гимназии (и реального училища) был Александр Лаврентьевич Липовский. Возьмите с полки восемьдесят второй полутом Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Там в самом конце, среди бесчисленных фотографий редакторов и авторов пришедшего к концу солиднейшего по тем временам (да что греха таить — во многих отношениях и доньше образцового) издания, сто тридцатым по счету в отделе «СОТРУДНИКИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» помещен и Александр Лаврентьевич. 82-й том вышел в 1904 г. Следовательно, уже в это время он был молодым ученым, способным не только вести преподавательскую деятельность, но и работать в таком далеко не простом научном предприятии, как составление большого энциклопедического словаря.

Увы, толстый мальчик, проходивший под вывеской «Аптеки Тилики», принадлежавшей провизору Фридриху Рейнгольдовичу Тилику, не знал этого. Да если бы даже он и узнал, то навряд ли так сразу же преисполнился бы почтением не к человеку, а к возглавляемой им школе. Глотая горькие слезы, мальчик шел мужественно вперед, пересекал Восьмую линию, потом подходил к Четырнадцатой (тут на углу помещался кинематограф со странным, двусмысленным названием: «Рояль Стар»), сворачивал за угол и перед ним открывалась высокая округленная арка школьных дверей — широких, щедро застекленных, с любопытным скульптурным символом — листом, по которому ползет майский жук. Это — в самой верхней точке свода, на его ключевом камне.

Если бы мне тогда, второкласснику, было дано нынешнее мое взрослое восприятие мира, я бы, конечно, оценил как весьма положительный признак эту энтомологическую скульптуру над воротами науки. Она свидетельствовала, что у жрецов, священнодействующих за этими «воротами», есть чувство юмора. А это, на

мой взгляд, в педагогике — один из самых добрых, самых многообещающих знаков.

Если бы я, с моим ранцем за плечами, был уже мудр и опытен, я обратил бы внимание и на то, что за углом Среднего, где помещался «Рояль Стар», в этот час образовывалось вдоль тротуара целое небольшое скопление и «собственных выездов», и «моторов», то есть автомобилей. Из них вылезали такие же «гимназисты» и «реалисты» Мая, как я, и, захлопнув дверцы, пешком устремлялись за угол к «майским» дверям. Это происходило потому, что директором было строжайшим образом внушено родителям учащихся: «Если Ваше состояние позволяет Вам отвозить Вашего сына в школу на лошади или в моторе, я, конечно, не могу Вам это возбранить. Но я категорически настаиваю на том, чтобы он выходил из экипажа где-либо на пространные от угла Тринадцатой линии до угла Четырнадцатой. И лучше — ближе к углу Тринадцатой. Я настойчиво возражаю против того, чтобы в юных умах учеников, с раннего возраста запечатлевалось впечатление имущественного неравенства их и их товарищей».

И — помню на протяжении многих лет — и Павлуша Эпштейн покорно вылезал из ландо, влекомого белым Россинантом, и проходил, слегка задыхаясь, двадцать остающихся саженой до школы; и изящный, всегда прекрасно одетый старшекласник Каминка соскакивал с легких саночек, откинув медвежью полость, даже не на Среднем, а на 12-й линии, возле дома Дервиз; и смуглые братья Абаза далеко выходили из своих автомашин, оставляя в них роскошно закутанных в меховые дохи шоферов... И разумеется, это тоже должно было быть расценено как несомненно положительный признак.

Конечно, поискав и подумав, можно было бы обнаружить также признаки и черты с противоположным знаком или, еще чаще, без чисто отрицательного смысла и значения, но все же скорее — не совсем «плюсовые»...

Внешнюю дверь, с мощной изогнутой медной рукоятью, например я, как и каждый, толкал сам. Но следующую, внутреннюю дверь тамбура передо мной, как перед каждым гимназистом и реалистом, точно так же, как перед каждым преподавателем, если и делая между ними какую-либо разницу, то, может быть, только в мере почтительности интонаций, распахивал уже всем нам майцам памятный (и всем, сказал бы я — нам милый) «швейцар Степан». У Степана было широкое унтер-офицерски-русское лицо, лицо крепкого ярославского крестьянина. Он был одет в светло-серую кургузую тужурочку с гладкими золотыми (медными, конечно), по пяточку размером каждая, пуговицами. У него были светлые небольшие усики и необыкновенная, не соответствующая достаточно плотной фигуре, легкость на поворотах. Кроме задачи впускать нас всех в двери Степан должен был выполнять еще разные функции: передавать преподавателям какие-то повестки и записки, лежавшие на столиках перед двумя зеркалами у внутренней, тоже цельностеклянной

стенки вестибюля, подметать пол, вытирать пыль, передавать какие-то словесные поручения, иногда отвечать на телефонные звонки в вестибюль. Но за все шесть лет пребывания в гимназии я ни разу не увидел, чтобы в тот момент, как я уже готов был взяться за ручку внутренней двери, Степан не подлетел к двери изнутри, не распахнул ее передо мной — да и перед любым пригостишкой — с одинаково помпезным видом, не сорвал неуловимо быстрым движением со своей головы форменной фуражки с золото-галунным околышем и не отчеканил с высочайшей почтительностью: «Здравствуй, господин Успенский!», «Здравствуйте, господин Новиков!», «Здравствуй, господин Керкис!», «Здравствуйте, господин Коновалов!» При этом господин Коновалов мог быть на две или три головы выше самого Степана, а «господин Керкис» походил на маленького смуглого мышонка, в смешном синем беретике; готового мгновенно проскользнуть у того же Степана между ног.

В гимназии и реальном училище одновременно училось около 400 человек. Степан знал по фамилии каждого.

Можно было бы подумать: вот она какая была антидемократическая школа! Вот какое поощрялось начальством раболепство по отношению к гимназистам и реалистам, причем с самых младших ступеней. Вот как воспитывалась привычка к холуйству со стороны «прислуги»...

Но тут мне вспоминаются и мои ежедневные уходы из школы. Как утром — было почти немислимо, чтобы Степан — если нужно, даже мгновенно отбросив в угол щетку, которой он подметал кафельный пол вестибюля, — не распахивал перед каждым из нас двери, не вскидывал фуражки высоко над головой и не возглашал на весь вестибюль своего, каждому майцу на всю жизнь памятного, «Алибидерчик, господин такой-то!».

Никто не мог нарочито обучить его этому итальянскому «Арибидерчи!». Все преподаватели слышали его ежедневно. И никто никогда не вмешивался в эту странную форму приветствия; не вмешивался, по-моему, именно потому, что через нее швейцар Степан пресмешно подшучивал над обычным швейцарским холуйством. И сами мы отлично понимали, что такое приветствие можно было воспринимать только как шуточное. Как пародию.

Мне кажется, что не без невольной помощи Степана мое мрачное отношение к постигшей меня трагедии перехода в новую школу прошло в считанные дни, и вскоре я уже прочно и с удовольствием пустил корни в майскую почву. Сначала мне было несколько трудновато привыкнуть к масштабам самого здания гимназии (ее обычно так и называли: «Гимназия»), а также и к масштабам самого, если можно так выразиться, «педагогического действа» в ней. Я привык к ВВКУ, помещавшемуся в самой обыкновенной «жилой квартире», с его неполной укомплектованностью, с небольшим числом и учащихся и учащихся, с атмосферой почти домашней, почти семейной. Я повидал в течение нескольких месяцев казенное и насквозь пропахшее мело-

вой пылью и ядовитым запахом анилиновых чернил лиловых казенное Киевское Екатерининское реальное, с его всегда запертым на ключ «актовым залом» и длиннейшими рекреационными коридорами, — сущую бурсу, как у Помяловского.

А здесь я столкнулся с чем-то совсем третьим, не похожим ни на то, ни на это. Здесь было три огромных светлых зала в трех этажах. Залы были распределены по возрастам. С przygotowательного класса по второй ученичество пребывало в первом этаже. Классы с третьего по пятый владели средним, а гимназисты-шестиклассники, семиклассники и восьмиклассники царствовали в верхнем этаже, и в зале, и на площадке лестницы.

Скажу сразу про два старших зала. Наверху почтенные юноши, похожие, благодаря тогдашним пиджачным тройкам, уже не на школьников, а на студентов, чинно прогуливались в зале по кругу все перемены, парами, по трое-четверо. В середине этого круга помещался «зальный надзиратель», следивший за порядком. Разумеется, ему уже не приходилось подвергать вполне взрослых юнцов каким-либо мерам наказания тут же на месте. Единственное, с чем он — да и то больше для проформы — боролся, это с убеганием части молодых людей в такую «приватную курилку» — у двери на чердак, на черной лестнице за уборными. В этом зале, вообще говоря, царствовала тишина, порядок, разговоры если и не вполне красочные, то и не в полный голос... На стенах здесь висели портреты (не красочные, что казалось бы казенщиной, а большие фототипии) — царя, царицы и наследника, довольно приятные на взгляд, в полированных желтых рамах. На площадке этого этажа, очень большой, Г-образной, в стенных неглубоких нишах стояли бюсты, но вот уж чьи — не помню точно. Как будто великих писателей России Пушкина, Толстого, Тургенева, но, может быть — каких-либо великих ученых или Гомера, Шекспира, Гёте. Что позабыл, то позабыл.

Высокие, под самый потолок аркообразные двери двух классов выходили у обоих концов ножки буквы «Г» (в данном случае «Г» было, так сказать, «оборотным»). Три такие же двери, превращавшие всю внутреннюю стену класса в стеклянную перегородку, выходили в самый зал. Еще один класс помещался по ту сторону зала, в чем-то вроде короткого коридора-расширения.

Точно так же были устроены и два нижних этажа. Однако площадки в них были уже не такие свободные, как наверху. Длинную ножку «Г» в среднем зале занимал проход в «исторический кабинет» и самый этот кабинет за нею (а кабинетам гимназии Мая могли позавидовать многие вузы); в нижнем этаже под этим кабинетом располагался короткий коридор и тот самый «второй класс реального», куда меня приняли в декабре 11-го года, как перешедшего из Киевского реального же. В нижнем зале, если заглянуть туда во время перемены, можно было легко сойти с ума непривычному человеку. По стенкам этого зала во всю его длину на одной стороне, в простенках между окна-

ми — на другой были укреплены в том году покрашенные в желтый цвет гимнастические приборы (лестницы, которые, по-моему, так и называют «стенками») и на них на разных уровнях от пола висели, медленно, как ленивцы, перемещались, поднимались и спускались неторопливые фигуры мальчишек. Внизу же шли такие ярусные «кошки-мышки», «пятнашки», «третий лишний», «ожмурки» — все сразу, что можно было только диву даваться на выдержку и крепкие нервы двух — тут уже двух! — надзирателей по залу, наводивших скорый суд и расправу каждый в своем конце зала. Надо признать, что немногие педагоги соглашались на эту муку-мученическую: в нижнем зале я помню в этой роли только троих самоотверженных подвижников, всем «майцам» памятных: Михаила Георгиевича Горохова, учителя рисования и лепки, Александра Константиновича Аксенова, моего первого майского естествоведа, и Павла Дмитриевича Соколова — учителя гимнастики. При всем спокойствии их, при всей невозмутимости, педагогические принципы требовали, конечно, вмешательства. И вот малопомалу свободные места у подножия гимнастических приборов устанавливались разнесчастными фигурами наказанных, поставленных «к стенке» кто на две, кто на одну минуту... Они стояли, бросая умоляющие взгляды (а случалось — и разнесчастные же вопли) к жестокосердным повелителям, а вокруг тех кипел и неистовствовал двойной хором, совершенно напоминающий пляски и игры племени обезьяньего Бандар-Лога Киплинга.

«Средний зал» именно и был «средним». Бандар-логизм тут уже оставался в прошлом. Тут допускались «организованные игры»: в концах зала были укреплены баскетбольные сетки; поперек его можно было натянуть большую сетку для чего-то вроде современного волейбола (кажется, тогда этого названия еще не было). И только на большой перемене все залы сравнивались.

В гимназии было такое устройство: желающие могли получать в столовой горячий завтрак из одного блюда плюс холодный компот и при желании сколько угодно стаканов чая, но при одной булочке. Многие приносили свои завтраки с собой (у меня и сейчас на губах вкус кетовой красной икры или охотничьих, крутокопченых колбасок с французскими булками); они могли на большой перемене хоть пять раз подходить к служителю за кружкой чая.

Но был и еще один контингент, от школы полагалось каждому желающему на той же большой перемене (или на «пред-большой», это бывало по-разному) право получить кружку крепкого чая с двумя ложками сахарного песка и одну копеечную фигурную булочку — розанчик, пистолетик, маковую подковку.

И вот — что тут сделаешь с этой смешной, вовсе не обязательно школярской, даже и общечеловеческой психологией. Даже те, кто имел право чинно шествовать в столовую, где их ждала свиная отбивная или кусок пирога с капустой, даже те, у кого в портфеле лежал аккуратно запакованный в пергаментную бумагу завтрак с колбасками, с крутыми яйцами, с икрой, — все они

как бешеные летели в зал, толкая и давя друг друга, из спортивного интереса — захватить две булочки и лишнюю кружку сладкого чая. И в этот великолепный миг во всех этажах происходила примерно одинаковая свалка, толчея, суматоха, и даже в те далекие времена наиболее разумные юнцы, пожимая плечами, отходили в сторону... «Ну и ну! — бормотали они. — Ай да-да!» Воистину — бандар-логи!

Для того чтобы освоиться вполне с новыми порядками, преподавателями и соучениками, мне не потребовалось слишком долгое время: на рождество я съездил тогда домой, а спустя короткий срок каникул вернулся обратно и уже с интересом втянулся в жизнь новой школы.

Во-первых, в классе издавали журнал. Первый выпуск такого журнала уже вышел в свет: это был небольшой напечатанный в типографии сборничек в темно-зеленой бумажной обложке. В нем были напечатаны статьи учеников-старшеклассников на самые разнообразные темы, их рефераты, читавшиеся на различных «кружках». Помню, там были статьи о «магометанстве» и об «истории судостроя»; были отчеты авиационно-планерного кружка и каких-то других кружков.

Беллетристической старшеклассники не блистали, но зато по всему журналу были раскиданы стихотворения некоего Лоптина, как оказалось, мальчика только на год старше меня. Странные были то стихотворения, очень свободно написанные, довольно совершенные по форме, но пропитанные каким-то вроде как не вполне здоровым в мальчишке нашего возраста не то фантастическим, не то демонологическим духом. Теперь я могу сказать, что некоторые из них напоминали иные стихотворения Заболоцкого, например — балладу о «царице мух»...

Совсем другое дело пошло, когда Николай Константинович Ядрышев — один из наиболее близких и милых мне педагогов гимназии Мая, хотя там они, вообще говоря, были, что называется, за малыми исключениями, один к одному, — когда Н. К. Ядрышев, преподававший русский язык (владевший вполне свободно 14-ю европейскими языками; я про него еще расскажу), объявил собрание такого сборника в наших двух вторых классах. Сборник вышел; он был того же формата, именовался «Майский сборник № 2», 1912-го года.

В реальном Мая я проучился только пять месяцев и с осени 12-го года перешел уже в гимназию. Не помню, чтобы переход этот был предметом обсуждения со мной на семейных советах. По-видимому, родители решили все самолично, но у меня не было и не осталось никаких возражений против их постановлений.

В реальном нажимали на математику, а у меня с ней было не вполне удачно; у нас не сложилось хороших отношений. В гимназии упор был на языки, меня это вполне устраивало; языки для меня больших трудностей не составляли. Странная у меня уже в те ранние времена образовалась память. Я без малейшего труда, почти произвольно, на лету замечал и запоминал все то,

что не представляло никакой важности,— подстрочные примечания, курьезные пояснения к тексту, мнемонические стишки... Даже опечатки...

Но «разложение на множители» навсегда осталось для меня россыпью странных головоломок, озадачивающих, поражающих своей явной искусственностью и в то же время одуряюще скучных. Тут уж все было заквашено на чистой математической памяти, а ее-то у меня и не оказывалось...

Очень хорошо, что меня отдали в гимназию; в реальном я бы пропал...

Я еще не встречал за всю мою жизнь ни одного «майца», который бы не вспоминал свою школу с великой признательностью, с чувством теплой любви к ней и к самому ее зданию, к ее кабинетам и лабораториям, так же как и к ее преподавателям — нашим отличным во всех отношениях учителям, и к тому духу школы, который воплощался в постоянно повторяющемся в ней слове, в старом педагогическом девизе, звучавшем «Сначала полюби, а потом уж обучай».

Школа Мая давала своим питомцам главное — любовь к знанию и умение не сидеть в ожидании очередной порции этих знаний, как сидит кукушонок, разинув рот, на краю гнезда, ожидая, чтобы ему сунули в разверстую глотку очередную гусеницу, а летать самому за своей познавательной пищей, добывать ее в охотничьей погоне, приспособливаясь к разным условиям охоты, наслаждаясь самим процессом познания.

Смело скажу, что в том интеллектуальном фонде, который я приношу с собой к концу жизненного пути, по меньшей мере три четверти сложилось во мне уже в гимназии Мая, усилиями ее учителей. Добавлю к этому, что и в образовании «морального» Я каждого из нас, бывших «майцев», роль нашей школы подавляюще велика.

Я очень рад подкрепить все эти громкие слова конкретным фактом. В Музее истории Ленинграда облоно и сам музей организовали отличное «мероприятие» — вечер по поводу столетия со дня рождения А. Л. Липовского, замечательного педагога и последнего директора школы Мая. На вечер этот пришли — довольно случайно найденные и извещенные — человек 20 нас, старых «майцев». Мы с большим удовольствием выслушали дельный доклад научных работников облоно и о личности нашего директора, и о самой нашей передовой, образцовой для своего времени, прогрессивно работавшей школе. Мы полностью согласились с этими докладами. А потом... А потом все мы, двадцать могижан, стали внезапно с помолодевшими лицами выходить один за другим и вспоминать самих учителей наших. И мило-смешной идеей о бедах, которые может вызвать Панамский канал; и Николая Федоровича Лоренца — чудесного, тяжело больного человека, учителя рисования; и талантливого историка Александра Августовича Герке; и «немку» Анну Васильевну Петровскую, обладавшую удиви-

тельным талантом превращать одним взглядом, исполненным легкого пренебрежения, в примерно ведущих себя юношей самых отвязанных повес и проказников старших классов.

Один начинал, другой с радостью подхватывал, и закончилось это несколько неожиданным заключением. Одна из дам, бывших в президиуме собрания, вдруг стала хмуриться и в конце концов на очень высоких нотах предъявила не то самой себе, не то нам, не то кому-то еще острую претензию. «Вот тут выступали все очень немолодые люди. И все они называли своих учителей, с которыми они расстались уже более полувека назад, по именам и отчествам! Вспоминали их милые, их смешные, их памятные черточки, словечки, привычки... Они все узнавали их с первого же слова... Они радовались, а мне стало так горько!

Ведь я кончила школу перед самой войной... Так почему же я совершенно не помню (и никогда не знала!) ни имени, ни отчества — ни одной из моих преподавательниц? «Немка»... «химичка»... «алгебра»... «Алгебр» у нас сменилось по меньшей мере три: и я ни про одну из них ничего не могу сказать... В чем дело? Кто в этом виноват? Сами ли мы, с нашей неведомо почему выросшей невнимательностью к людям? Или — они, наши педагоги, тем, что не сумели внушить нам такие чувства, какие внушили вот этим «майцам» — их учителя...»

Битва под Хорём

В четвертом классе русский язык преподавал у нас учитель, которого я тут назову не его именем: Гавриилом Андрониковичем Хмелевым. Это был очень милый молодой человек, с новеньким университетским значком на отвороте светло-серого пиджачка. Коренастый, с начинающейся лысинкой и длинными рыжеватыми усами, он был не то донским, не то кубанским казаком и в речи сохранил чуть заметный южный акцент... Почти незаметный...

Кроме того, он был очень вспыльчивым человеком, и впервые это проявилось как раз в той истории, которую я собираюсь рассказать.

По программе в классе должны были читать «Записки охотника», а они, как известно, открываются очерком «Хорь и Калиныч». «Хорь и Калиныч» были нам «заданы» на дом. В классе мы должны были разбирать рассказ. Я не обратил никакого внимания на то, что с первых минут появления в классе Гавриил Андроникович был в то утро чем-то раздражен то ли недоволен — был в несколько нервическом настроении. Меня ничуть не удивило, что первый свой вопрос он обратил к первому ученику по литературе — ко мне.

— Успенский, скажите по прочтении рассказа к кому из двух его заглавных персонажей вы испытали большую приязнь и уважение?

— К Хорю, Гавриил Андроникович! — искренне ответил я, потому что тогда мне такие основательные умные русские хозяй-

ственные мужики и сами по себе в реальной жизни нравились, да еще тургеневский Хорь напоминал мне лицом одного из них, очень мне симпатичного.

— Вы хотите сказать — к Хóрю? — спросил меня и почему-то как-то менее вежливо и мягко, чем обычно, с каким-то раздражением, учитель.

— Нет, почему, Гавриил Андроникович? Я всегда склоняю так: Хóрь, Хоря́, Хорю́, Хорéм и о Хорé...

— Неправильно! — безапелляционно отрезал Хмелев, — надо склонять: Хóрь, Хóрю, Хóрем, Хóря, о Хóре...

Разумеется, мне ничего не стоило бы сказать: «Хорошо, Гавриил Андроникович!» — и продолжить всюду и во всех случаях, кроме этого урока, говорить по-своему. Но я не тем миром был мазан.

— Я не могу говорить «Хóрю, Хóря!» — спокойно, но и чересчур уверенно возразил я.

— Это еще почему? — удивился, но и возмутился педагог.

— По-моему, это неправильно. У нас в деревне каждое лето нескольких хорьков пастками ловят. И всегда все говорят: «Хоря́ поймали», а не «Хóря поймали!»

— Мало ли что у вас там где-то в деревне крестьяне говорят!

— И не только крестьяне! — уже упрямо нагнул я лоб, чувствуя, что за моей спиной уже возникают в классе настроения тотализатора: кто кого победит!

Почувствовал это чем-то, видимо, с утра возбужденный (а разве это исключено и при профессии учителя словесности?) Гавриил Хмелев.

— А я требую, чтобы вы прекратили это препирательство и говорили так, как вас учу говорить я, а не псковские мужики!

— А я так не могу говорить, потому что так не только мужики говорят, а и моя мама и моя бабушка...

— Так вы отказываетесь выполнить мое настояние, Успенский?!

Я внутренне немного похолодел, но сказал смело:

— Я не могу говорить «Хóря!»

Бывает же такое со взрослыми людьми. Внезапно Гавриил Хмелев весь побагровел, даже маленькая лысинка его стала багрово-красной... Руки у него затряслись, подбородок запрыгал.

— Немедля выйдите из класса! — цепенея от бешенства, процедил он сквозь зубы.

Я встал и пошел к двери.

— ...и тотчас же пройдите к директору! — сдавленным голосом крикнул он мне вдогонку. — И скажите, что я удалил вас из класса! Что я — выгнал вас с урока! — вдруг как-то даже взвизгнул он...

Я шел к директору далеко не в веселом настроении: быть выгнанным с урока плевое дело, но вот быть «отправленным» к директору — это было уже гораздо хуже. Я постучался в дверь директорского кабинета — «Да, войдите!»

Директор сидел за письменным столом, занимаясь; напротив

него на стене висела знакомая нам всем картина с каким-то непонятым античным сюжетом: масло и золотая рама.

— Так! — сказал Александр Лаврентьевич, кончив писать и подняв глаза на меня, — почему вы во время уроков являетесь сюда, Успенский?

— Меня Гавриил Александрович выгнал.

Я был из категории «хороших» учеников, а не из «шалопаяев».

— Вас? — удивился Липовский. — А за что?

— За «Хоря́», — объяснил я. Но директору это не показалось объяснением.

— Как за «хоря́»? Что вы под этим подразумеваете?

— Да! Я привык склонять «хорь, хоря́, хорю́». А он требует, чтобы «Хоря и Калиныча». А я так не согласен. У нас все мужики говорят «за етого хоря́ хоть курей не дяржи!». Почему же я должен тут язык коверкать? И у Тургенева — ударения нет...

Александр Лаврентьевич Липовский снял пенсне и глядел на меня без него.

— Скажите, пожалуйста, какой глубокий теоретический спор! — проговорил он, наконец. — А Вы... не грубили учителю? Вы вежливо говорили?

— По-моему — вежливо... но я сказал, что так говорить не буду.

— Так-с! — пробормотал Александр Лаврентьевич, как я теперь понимаю, соображая, как же найти педагогически верный выход из этого сложного положения.

— Так-с... Вот что: садитесь вот на этот стул... Вот, возьмите книгу: можете посмотреть картинки... Я сейчас вернусь: мне нужно одно распоряжение дать — и займусь этим делом...

Я остался один. Теперь я вполне уверен: словесник Липовский, не доверяя себе, пошел рядом, в «фундаментальную библиотеку», снял с полки Даля или еще какой-либо словарь и посмотрел, как все же ложатся ударения при склонении слова «ХОРЬ». Заглянул в какой-либо тогдашний орфографический справочник.

Отсутствовал он довольно долго. Раздался звонок на перемену. По коридору протопали ноги всех преподавателей. Затем они же ушли обратно на уроки. И только тогда Александр Лаврентьевич торопливо вошел в свой кабинет.

— Ну вот что, Успенский! — сказал он, сделав мне рукой знак продолжать сидеть и сам садясь. — Как понимаю, в этом случае с «Хорем» — особенно когда слово «хорь» становится прозвищем человека — допустимо и такое и другое ударение. Я даже думаю, пожалуй, что Вы были правы в вашем споре. Но! Но надо же иметь в виду: не подбает ученику перед всем классом вступать в спор со своим преподавателем... Ты бы должен был выполнить его требование, а потом подойти к нему в зале... или — в учительской... и постараться доказать свою правоту. И теперь — я тебя принуждать не хочу, но советую... когда у вас следующий «русский язык»? Послезавтра? Ну вот, мой искренний тебе совет: как только Гавриил Андроникович войдет в класс, сразу же скажи

ему: «Гавриил Андроникович, простите меня, я погорячился!» Поверь мне, что тебе потом самому же будет куда легче... Понял ли меня, Успенский? Ну — Вы свободны!

Так все и произошло. В среду я, весь настороженный, ждал, когда в дверях покажется коренастый усатый Гавриил, и, сорвавшись с места, кинулся со своим извинением. И — не успел. Потому что Гавриил Андроникович, слегка зарумянившись, в тот же самый миг громко и четко сказал на весь класс: «Успенский, извините меня, я погорячился!»

Я много обдумывал потом эту «педагогическую новеллу». Я совершенно убежден, что Александр Лаврентьевич очень хитро все подстроил. Он предпринял все нужные шаги, чтобы я и педагог не столкнулись сразу же, после окончания урока. Он нарочито задержал меня в своем кабинете, дабы вывести нас обоих из неловкого положения. А Гавриила Андрониковича он, несомненно, поймал в коридоре или учительской и сумел конфиденциально побеседовать с ним на острую тему о перемещении ударения в слове «хорь». Потому что ведь у меня же были основания защитить свою точку зрения:

пса́рь, пса́ря, пса́ре́м,
ца́рь, ца́ря, ца́ре́м,

так почему же вдруг: Хорь, Хóря, Хóрем?

Непонятно!

И вот таким сложным способом, дав молодецкой крови перекипеть в жилах у обоих комбатантов, А. Л. Липовский, по-моему, разрешил нелегкий педагогический казус, не пожертвовав ни репутацией учителя, ни самолюбием и верой в силу правды ученика. Поистине — «по-майски».

Прошло лет двенадцать, я уже пригласил А. Л. Липовского преподавать какой-то методический литературный предмет на школьном отделении ЛИТО ВГКИ. Настал день, и, сидя в канцелярии курсов — я был уже секретарем учебной части их — вдвоем с Александром Лаврентьевичем, я вспомнил казусный случай, рассказал его так, как только изложил вам. Рассказал и спросил, так ли, как мне это представлялось, он поступил, так сказать, «за кулисами» от меня?

Александр Лаврентьевич, только улыбнувшись, снял пенсне, потом снова надел его. Потом он легко коснулся рукой моего колена.

— А вот этого, Лев Васильевич, я, как на грех, и не помню. Забыл, знаете: полностью запамятовал. Так что оставим под сомнением, а?

Особое мнение

У меня нет ни малейших оснований как-либо изменять или увуалировать имя, отчество и фамилию моего другого учителя русского языка и словесности, в некоторые годы — преподавателя

истории, в другие — старославянского языка и на протяжении нескольких лет моего классного наставника — Михаила Николаевича Шатунова.

На всю жизнь я сохранил по отношению к Михаилу Николаевичу благодарность и самое приятное чувство, и мне необыкновенно радостно написать тут, что сейчас, когда я собираюсь рассказывать читателям о нем, он, мой классный наставник, он, мой бывший воспитатель, ныне семидесятилетнего литератора, — жив и бодр и пишет мне письма из Саранска, где живет, и при встречах поражает всех нас удивительной, через край бьющей жизнерадостностью, интересом к миру и — молодостью не только духа, но и крепкого, не по годам подвижного тела своего.

Так вот, в классе пятом или шестом мы от «Записок охотника» дошли уже до тургеневских романов. Прочли «Отцов и детей» и получили задание написать об этом произведении «сочинение».

Мне стало к этому времени уже пятнадцать, а то и шестнадцать лет. Самый возраст, когда все общепризнанные точки зрения кажутся заслуживающими немедленного ниспровержения. То, что в классе говорил о Базарове Михаил Николаевич, было построено на всем известных взглядах на него как на представителя передовых и безоговорочно всем приличным людям сампатичных слоев русского общества середины прошлого века, а на всю семью Кирсановых как на людей со смешными, хотя и по-разному у каждого, взглядами, привычками, идеалами, может быть, кое в чем и жалостно-умилительных, но уж абсолютно не способных привлечь к себе приязнь какого бы то ни было разумного и прогрессивно мыслящего человека.

Не скажу уж теперь, в какой именно связи причин, но мне эти оценки показались и неверными, и неприятными. Особенно антипатичен с самого начала стал мне типичный механист Базаров. И я пошел на спор с кем-то из моих одноклассников — лучших учеников, что напишу антибазаровские и прокирсановские сочинения.

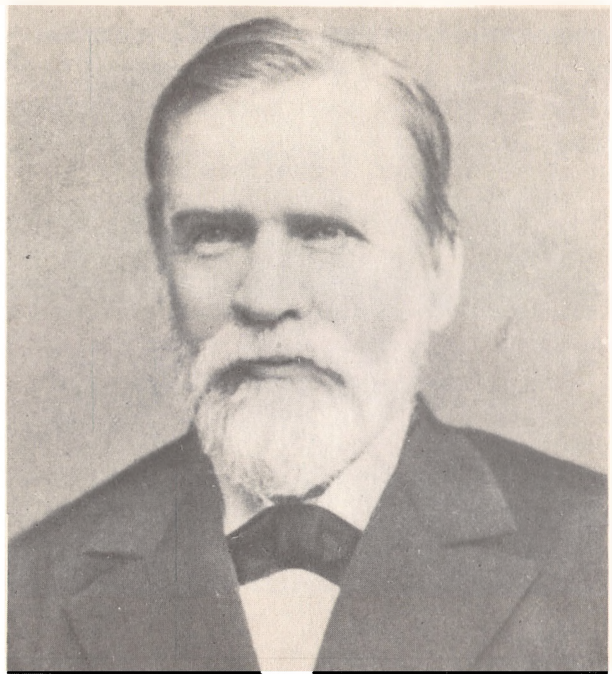
Совершенно не помню теперь ни системы моих доказательств, ни самой структуры моей, как это тогда называлось, «классной работы», но она была написана. Более того, Михаил Николаевич Шатунов, выдавая работу в порядке от лучших к худшим, поставил мою на первое место. И оценена она была им чистой сирей пятеркой на последнем, по-моему — пятом, листе писчей бумаги.

Но, отложив нерозданные работы, Михаил Николаевич задумался и некоторое время молча сидел за своим преподавательским столом. А потом он вдруг поднял на нас свои глаза и сказал: «А теперь я предлагаю вам всем — мне, как вашему преподавателю, и всем тем из вас, кто в своих работах стали на точке зрения, которые я вам излагал, прослушать внимательно то, что — на бесспорную пятерку! — написал Успенский, и, как мне представляется необходимым, крупно поспорить с ним. Прошу Вас, Успенский, садитесь на мое место и прочтите нам Ваше сочинение...»

Должен сказать, что отстаивать мои несколько парадоксальные

**Карл
Иванович
МАЙ**

**Карл
Якимович
ЛЮГЕБИЛЬ**

Педагоги школы К. Мая

Гимназия и реальное училище К. Мая

**Александр
Лаврентьевич
ЛИПОВСКИЙ**

**Зал (актовый)
верхнего этажа**

Фундаментальная библиотека

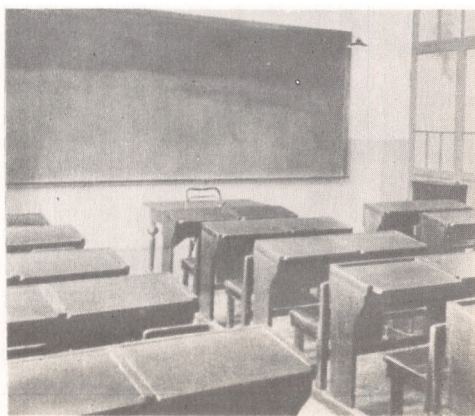
Герман
Давыдович
ГРИММ

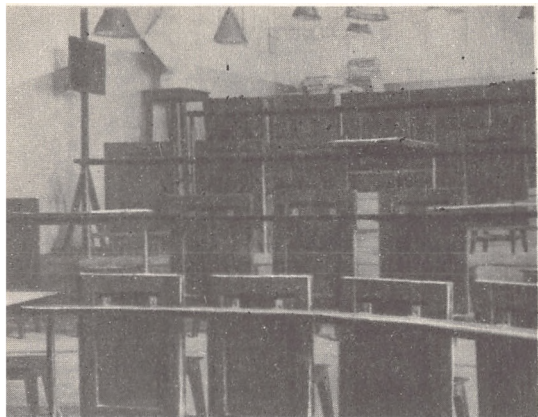

Верхняя площадка
парадной лестницы

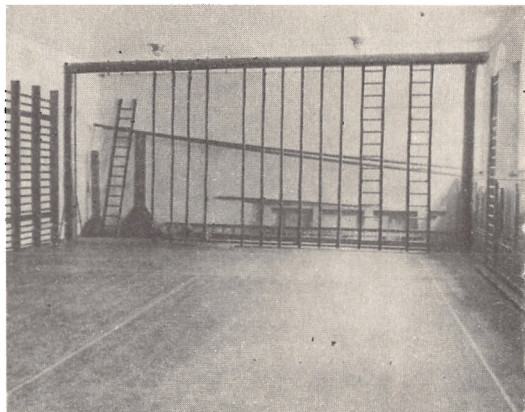

Класс

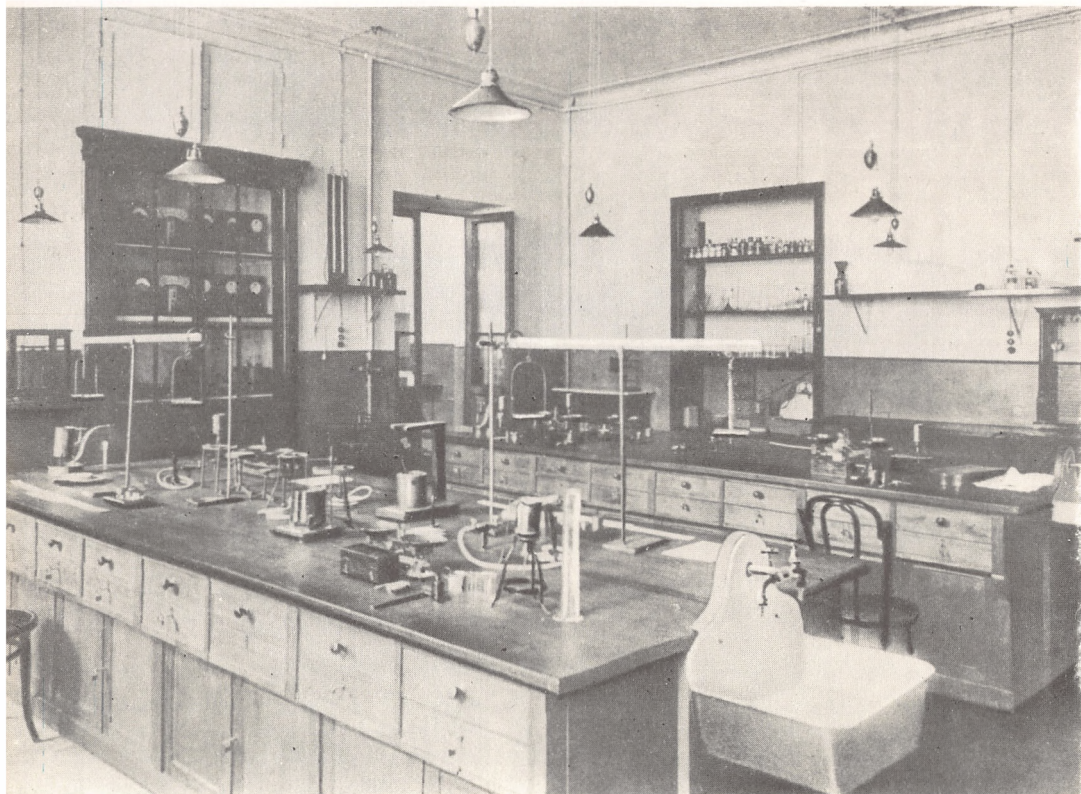

Класс рисования

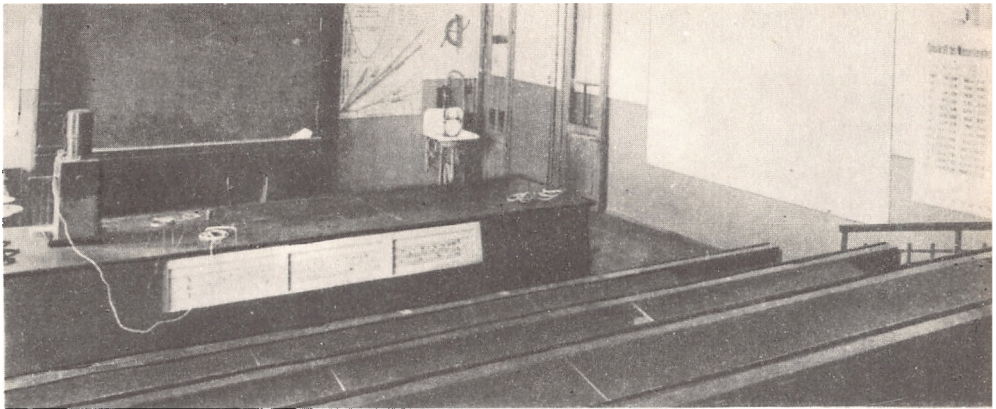

Гимнастический зал

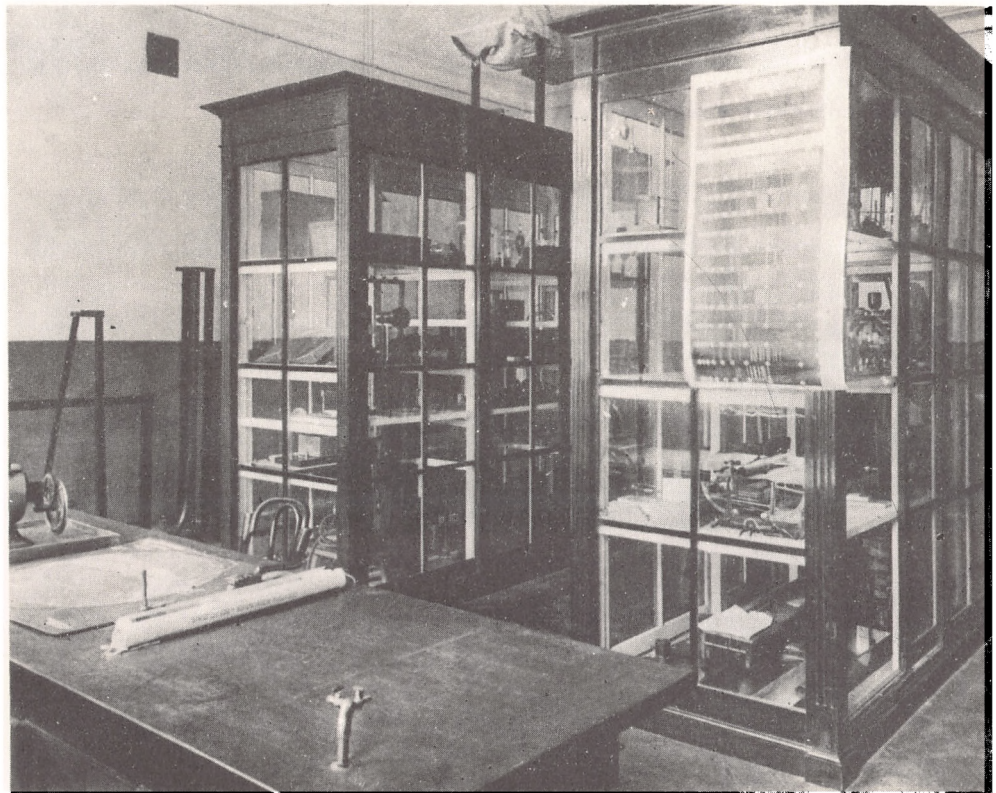

Класс для практических занятий по физике

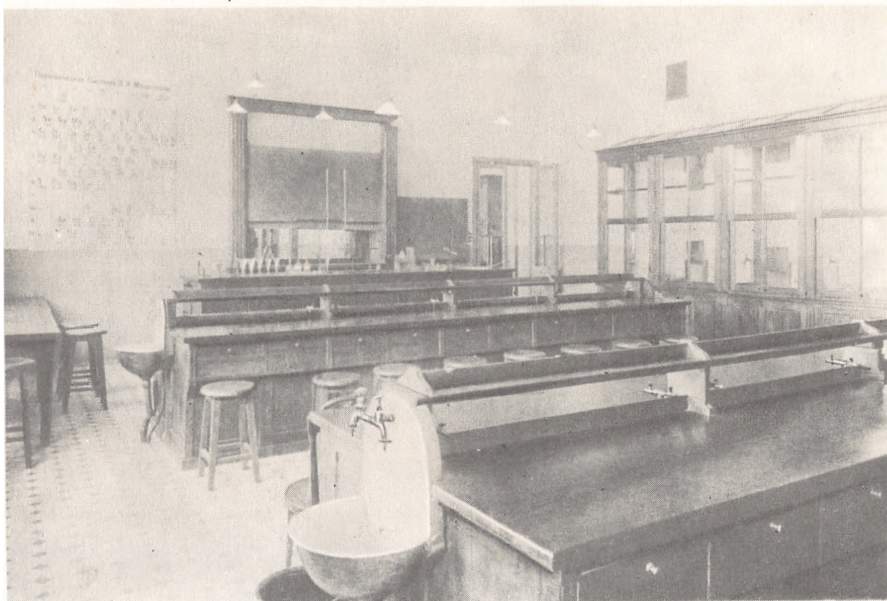

Аудитория физического кабинета

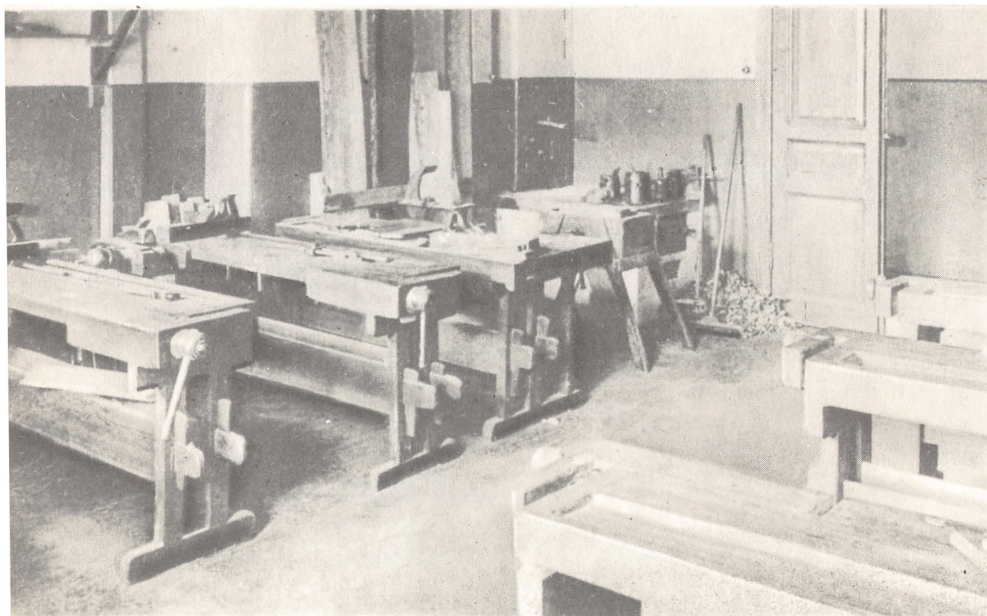

Кабинет физики

Химическая лаборатория

Класс ручного труда

Зал заседаний педагогического совета

Кабинет истории

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГИМНАЗИЯ К. МАЯ

СВИДѢТЕЛЬСТВО

объ успѣхахъ ученика *2* класса *Литвинова Артемия*
въ теченіе 191*1/2* учебнаго года.

Четыреть года	Исторія Россіи.	Русскій языкъ.	Исторія міра.	Нѣмецкій языкъ.	Французскій языкъ.	Латинскій языкъ.	Алгебра.	Геометрія.	Тригонометрія.	Физика.	Химія.	Телескопъ.	Исторія.	Натуральное истощеніе.	Зоологія.	Ботаника.	Музыка.	Рисованіе.	Писаніе.	Число часовъ.	Подпись родителей или родственниковъ.		
I.	5	4	4	4	4					5	4	4						4	4	5	5	<i>Литвиновъ</i>	
II.	5	4	4	4	4					5	4	5						4	4	3	5	5	<i>Литвиновъ</i>
III.	5	5	4	4	4					5	5	5						4	4	5	5	9	<i>Литвиновъ</i>
IV.	5	4	4	4	4					5	5	5						4	4	5	5		
Среднее ариѳметическое.	5	4	4	4	4					5	5	5						4					
Зачисленъ въ классъ.																							

Переводится въ 3-й классъ.

Классный Наставникъ

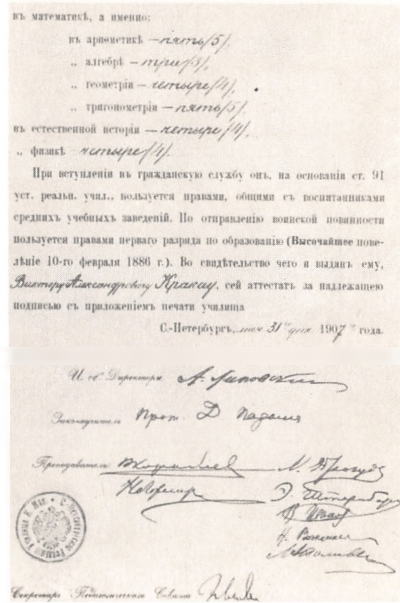
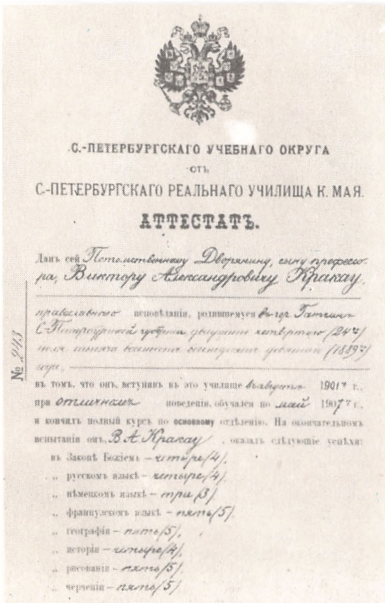
М. Шенфельдъ

II класс гимназии, 1913 г. (Первый справа в верхнем ряду — Н. А. Бенуа, третий слева в нижнем ряду — Л. Б. Модзалевский)

Юбилейный знак гимназии (обратная сторона, лицевая сторона знака воспроизведена на обложке)

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Дано сие ученику дополнительнаго класса С.-Петербургскаго Реальнаго Училища К. МАЯ *потомственному дворянину, сыну профессора Виктору Александровичу Кракаву,* исповѣданія *православнаго,* родившемуся *24го мая 1889 года,* въ томъ, что онъ обучался въ семъ классѣ съ *сентября* 1907го года по *май* 1908го года, при *отличномъ* поведеніи, и на окончательномъ испытаніи оказалъ успѣхи:

Въ Законѣ Божіемъ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Русскій языкъ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
Нѣмецкій языкъ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
Французскій языкъ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Математикъ, а именно:		
арифметикъ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
алгебръ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
тригонометри	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
спеціальное курсъ (основанія аналитической геометрии и анализа бесконечно-малыхъ)	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Исторіи	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
Естественныя науки	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Физикъ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Математической географіи	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Рисованіи	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
Законовѣдѣніи	<i>пять</i>	<i>(5)</i>

Но сему онъ, *Викторъ Александровичъ Кракавъ,*

1. 2408

может поступить въ высшія учебныя заведенія съ соблюденіемъ правилъ,
изложенныхъ въ уставахъ оныхъ, по принадлежности.

С. С.-Петербургъ, *Июня 1го* дня 1908го года.

Директоръ *С. Г. Арнольди*

Литовскій

Виконучителю Протоіерей Д. Погодина.

~~С. Г. Арнольди~~

А. М. Морицъ

А. Францъ

М. Францъ

А. Александровъ

А. Александровъ

Д. Александровъ

А. Александровъ

У. Александровъ

А. Александровъ

А. Александровъ

Преподавателю

Секретарю Совета *Н. Александровъ*

Съ — всего засвидѣтельствовано съ
Коллегіи С.-Петербургскаго Университета
М. Ф. Барышкова 23 июля — 1908 года
по реестру № 334/н. 2 кн. и выданы
2. Крестовъ

М. Ф. Барышкова

Группа членов русского библиологического общества, принимавших активное участие в его деятельности в 1899—1904 гг.

Сидят: М. С. Боцяновская, Ф. А. Витберг, С. А. Венгеров, Э. Ф. Лисовская, А. М. Ловягин, В. Ф. Боцяновский, А. И. Лященко, Т. А. Ловягина.

Стоят: Е. А. Ляцкий, А. М. Белов, П. Н. Шеффер, А. К. Бороздин, Б. Л. Модзалевский, Л. П. Лобов, Н. М. Лисовский, А. С. Раевский, Б. М. Городецкий, И. К. Антошевский, А. Г. Максимов, Х. М. Лопарев, Н. П. Павлов-Сильванский, А. И. Маленин, А. Л. Липовский, В. Н. Кораблев, П. М. Богданов, К. И. Хранкевич,
7 ноября 1904 г.

**Яков Ильич
ФРЕНКЕЛЬ**

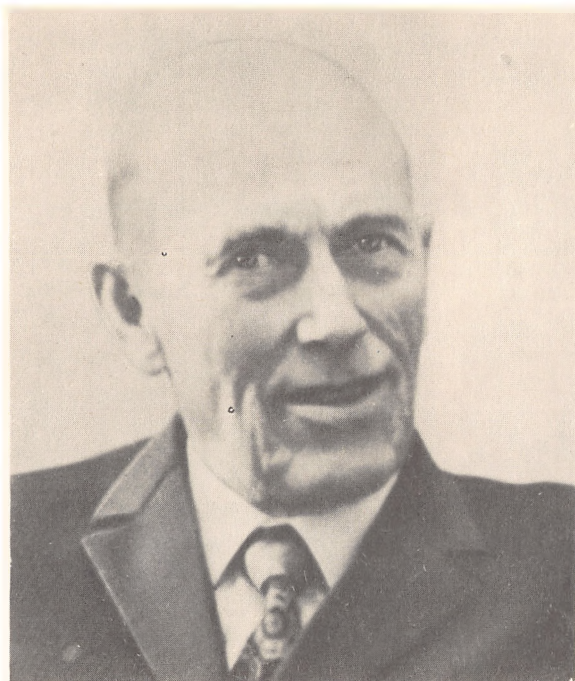
**Борис Иванович
УМНОВ**

**Илья Васильевич
ГРЕБЕНЩИКОВ**

**Эдуард Эдуардович
ЭССЕН**

Алексей
Алексеевич
ЛИВЕРОВСКИЙ

Лев
Васильевич
УСПЕНСКИЙ

Николай
Максимович
ГЮНТЕР

точки зрения было бы значительно потруднее, чем добиться правды в вопросе о «Хбре» и «Хорé»; но и мои противники только хватили горюшка, ибо я взвился на дыбы и, как только решение спора было перенесено на «следующий урок», зарылся в критике тех дней и в современных литературоведческих статьях. Я очень скоро заметил распадение на две сражающиеся группировки самого прогрессивного лагеря тех давних времен, я прочел и статью Антоновича, и восторженные оценки Писарева. И дал жару всем моим противникам, за исключением, может быть, только самого Михаила Николаевича (который, надо прямо сказать, умело столкнул нас между собой, оставил за собою только роль руководителя прений).

Разбор моей статьи (а в связи с ней и мощные типы всевозможных «источников» и по истории литературы, и по истории общественной мысли той эпохи) продолжался две или три недели. Прения были вынесены за пределы часов занятий. И когда, наконец, стороны, при некоторых подвижках внутри их рядов, остались каждая при своем мнении, Михаил Николаевич, подведя итоги спорам, удовлетворенно сказал: «Ну, в одном я уверен совершенно: о романе у каждого из вас теперь появилось и будет жить свое личное, вами самими выработанное мнение...»

Не так уж много в те годы было в России гимназий и реальных училищ, в которых учителя не только не мешали ученикам иметь свою точку зрения, но поощряли такую самостоятельность в мыслях и считали, что ее наличие в умах их учеников именно и создаст в них настоящее, реальное знание мира.

Диспут о молитвословии

Во всех почти школах тех дней, какими бы ни были у ученика отметки по остальным предметам, в графе четвертного свидетельства «закон божий» стояла обычно пятерка.

В гимназии — не по внутренним, а по внешним, свыше идущим предписаниям — каждый день начинался с утренней молитвы. Все учащиеся выходили по этажам в свои залы, строились в ряды; читались, а отчасти и пелись, подобающие молитвы, в том числе «Препоблагий господи!» — молитва перед началом учения, которую (здорово умели вдалбливать) я, как и латинские изречения, слово в слово помню поныне.

В классе пятом процедура эта мне как-то опостылела (не от неверия — я был тогда вполне верующим юнцом, а от удручающей ее фальши). Хорошо было Жоржке Шонину: он удивительно владел собственным организмом. Он умел, встав в ряды, так задержать дыхание, что тут же падал в обморок, и его с торжеством уносили в «докторский кабинет». Умел он также так наглатывать воздуха, что его живот превращался в какой-то барабан, и тотчас же вслед за этим опять-таки наступало обморочное состояние.

Я не обладал такими способностями и с какого-то дня просто перестал ходить на общую молитву.

Я был первым учеником по закону божьему. Батюшка прождал неделю, другую и спросил меня на уроке: «Успенский, почему я не вижу вас на утренней молитве?»

В том году мой брат увлекался историей средних веков. Он принес из библиотеки толстенную книгу Л. Карсавина «Средневековая религиозность». Я не терпел возле себя непрочитанных книг, раньше брата прочитал ее от корки до корки и так внимательно, что и сейчас помню и по-русски, и по-латыни даже некоторые приведенные в ней школярские песенки!

Начитавшись такой книги, я спокойно объяснил батюшке: «Видите ли, батюшка, мне довелось прочесть, что Блаженный Августин рекомендовал молиться лишь в тех случаях, когда в душе человека возникает порыв к молитве. Иначе — молитва будет пустым глаголанием...»

Отец Димитрий удивился такой моей римско-католической начитанности, покачал головой, спросил — откуда мне сие? Но спорить не стал.

Однако на следующем уроке он снова во всеуслышание вернулся к этой теме:

— Я хочу Вам вот что сказать, Успенский... Блаженный Августин был спорно мягок в своих взглядах. Но вот Святой Бенедикт Нурсийский — тот полагал, и отразил это в своем монастырском уставе, что христианин обязан ежедневно упражняться в молитве, преодолевая человеческую слабость и понуждая себя возноситься духом к горé...

На следующий раз я подготовил уже высказывания по этому же вопросу не то Бернарда Клерворского, не то святого Франциска из Ассизи. Батюшка покрыл меня мнением Клерворского же, но Бенедикта. И так мы с ним препирались чуть ли не на протяжении целой четверти, если не больше. И я стоял на своем, и он стоял на своем, и ни разу наши разногласия не отразились на моей исконной пятерке в четверти. И ни разу батюшка не позволил себе осадить меня каким-нибудь резким окриком, вроде: «Да что Вы, Успенский, плетете! Скажите просто — лень мне стоять на молитве. А я вам скажу: извольте стоять!»

Нет, он, батюшка, придравшись к такой возможности, довольно умно, остро и осведомленно говорил на этих уроках и о католицизме в целом, и о католическом монашестве, и об аскетизме, и о его неприятии... И безусловно, все это объяснялось не просто личными свойствами этого умного и образованного священника, а тем, что сама наша гимназия, в лице своих и директора, и попечительского совета, и педагогического совета, отыскивала и приглашала на работу к себе именно таких учителей.

Было почти правилом: майские педагоги являлись составителями известных, изучавшихся во всех передовых школах учебников.

Большинство моих сверстников помнят «Глезера и Пецольда», учебник немецкого языка. Так вот, господин Пецольд, высокий старик в военной форме (он преподавал также в каком-то кадетском корпусе), был нашим учителем.

Нашим учителем был и Федор Индриксон, автор несомненно лучшего по тем временам учебника физики, человек, обладавший большим чувством юмора, которое нам, школьникам, порой представлялось чудачеством. Он вызывал кого-либо из самых слабых учеников, всю четверть тихо дремавших на задней, самой высокой скамье нашей амфитеатром построенной физической «аудитории», долго пытался вытянуть его хоть на тройку с минусом и потом возглашал нараспев, на всем нам знакомый и памятный мотив: «Эх, Телов! Возможно, благодарное потомство когда-либо водрузит Вам памятник, Тело-о-о-о-о-в, а я, уж простите, сейчас водрузу Вам — о д ну!»

Помнится, я, прочтя в его же учебнике характеристику свойств тогда еще предполагавшегося существующим эфира, в которой указывалось, что эта субстанция одновременно обладает упругостью, превышающей упругость закаленной стали в 10 в какой-то огромной степени раз, и в то же время разреженностью примерно в такое же число раз большей, чем разреженность воздуха в электролампочке с наивысшим из мыслимых вакуумов, когда Федор Николаевич вызвал меня к доске, я заартачился, отказался отвечать урок и в объяснение заявил, что я «вообще не согласен». И на вопрос — «С чем же, к примеру?» — признался, что эта постулируемая противоречивость свойств эфира представляется мне ничуть не более умопосыгаемой и рациональной, нежели известное утверждение катехизиса: «Бог един, НО троичен в лицах». Я ни того ни другого постичь не мог и склонен был полагать, что существование такого «эфира» есть чистый нонсенс.

Типичный скандинав по внешности, Федор Николаевич долго рассматривал меня и так и эдак голубыми глазами своими, потом хмыкнул раза два или три себе в белые усы...

— Судя по всему, что я слышу, Успенский из шестого класса — преуспевающий натур-философ. Ну что же? Предоставим Успенскому исповедовать его собственную теорию... Не будем возводить его как второго Джордано Бруно на костер, а разрешим ему сесть на место... Не глупо, Успенский, не глупо!

И он поставил мне какую-то вполне удовлетворительную отметку за этот странный ответ. Помню, и я, и все мои одноклассники очень удивились такой его кротости. И только много лет спустя я сообразил, что нечаянно попал пальцем в достаточно существенную «язву» тогдашней физики. Ведь опыт Майкельсона был выполнен уже три с половиной десятилетия назад. Ведь лет шесть назад, как говорится в литературе, «впервые получила официальное признание деятельность Эйнштейна». И, собственно говоря, только по школьной традиции теория эфира еще существовала в учебниках. Я-то не знал всего этого, а Федор Индриксон отлично знал. Я совершенно «от здравого смысла», а не от физических познаний нащупал ахиллесову пята тогдашних физиков: Теперь в БСЭ говорится чуть ли не слово в слово то, что я заявил тогда Индриксону. «Так, поперечность световых колебаний требует, чтобы эфир обладал свойствами упругого твердого тела; в то

же время требуется, чтобы эфир не оказывал сопротивления движущимся сквозь него телам...» «Модель эфира, таким образом, должна была обладать трудно согласуемыми свойствами»...

Однако в те времена мы с Ф. Н. Индриксоном еще не читали БСЭ, и честь ему и хвала за то, как мирно и с достоинством он утвердил свое свободомыслие, как спокойно отказался от своего учительского права настаивать и заставлять.

Я бы мог, вне всякого сомнения, написать о гимназии Мая целый толстый том. Я мог бы еще и еще перечислять наших педагогов, бывших в то же время и популярными авторами детских и юношеских книг. Таким был С. А. Порецкий — биолог, написавший отличную книжку «В лесу и в поле» (кажется, так). Таким был Евгений Иванович Чижов, автор целого ряда очень милых детских книг по географии и астрономии.

Было много учителей, которые не писали книг, отдавая все свои силы преподавательской работе, и удивительно то, что почти обо всех о них у нас, «майцев», сохранились до старости лет самые лучшие воспоминания, самые теплые чувства. Сами их странности и некоторые «чужачества» вспоминаются теперь с удовольствием, с легкой улыбкой... И грозное, раскатистое, построенное по хроматической гамме постоянное «но-но-но-на-нэ-нэ-ну-ну!» Сергея Михайловича Введенского, превосходного латиниста, без памяти влюбленного в свой предмет. Ведь оттого, что учитель был влюблен, и ученики относились не с тоской и озлоблением ко всем этим «ут консективум» и «кум хисторикум», а — во всяком случае многие — с интересом и любопытством. Велико счастье тех юношей, для которых «медь торжественной латыни» запела впервые не на древних плитах взрослых их путешествий, а еще на страницах Юлия Цезаря и Овидия Назона... в детстве!

Я был плохим математиком, но то, как преподавал свой предмет Леонид Семенович Ярославлев, сделало эту неприступную даму — математику если и не предметом моего пламенного обожания, то во всяком случае предметом глубокого уважения и интереса.

Удивительной фигурой остался в моей памяти и словесник Николай Константинович Ярдышев. Этот весьма примечательный филолог родился где-то в Карелии, в семье тамошнего сельского священника. Вполне естественно, что с раннего детства у него оказалось два родных языка — русский, на котором говорили родители, и карельский — язык его нянюшки, язык ребят, с которыми он играл на окружающих село моренах в «бараньих лбах».

Отец Николая Константиновича был, по-видимому, человеком широких горизонтов и дальнего прицела. Он отправил сына учиться не в гимназию, не в Петербург, а в Гельсингфорс. Мальчику было нетрудно овладеть финским языком, зная карело-финский. В гимназии финской столицы, помимо тех языков, которые были обязательны в школах Российской империи — русского, француз-

ского, немецкого, латинского, греческого, учащиеся занимались еще финским и шведским языками.

Тот, кто знает немецкий и шведский языки, без всякого труда может при желании изучить норвежский и датский. Зная эти четыре языка да еще французский, грешно и странно не овладеть английским. Владение же французским языком и латынью открывает широкий путь к романским языкам — итальянскому, испанскому, португальскому.

Конечно, все эти возможности остаются теоретическими возможностями без способностей к языкам и без упорства и настойчивости. Николай Константинович обладал этими необходимыми для полиглота свойствами. Он почти свободно, почти в одинаковой степени владел (не считая русского) финским, шведским, норвежским, датским, английским, французским, латынью, итальянским, испанским, польским, чешским, болгарским языками. Почти что на моих глазах он изучил португальский язык — и при довольно курьезных обстоятельствах. Работая в библиотеке Горного института, он однажды принес домой какую-то испанскую книгу, какой-то современный роман — так, почитать. Но когда он эту книгу развернул, оказалось, что он допустил ошибку: книга оказалась не испанской, а португальской; только титульная страница могла быть прочитана и как испанская... Между тем заглавие и иллюстрации обещали интересное чтение. И Николай Константинович, поставленный перед выбором — либо отнести роман обратно в Горный, либо одолеть и португальский язык, предпочел второй путь и за какой-нибудь месяц, взяв в руки грамматику языка Камозенса и Лопе де Вега, справился с ним...

Мне трудно остановиться, раз я начал говорить о гимназии Мая, о той школе, которая, несомненно, сформировала и сложила меня как личность, как человека.

Я должен был бы сказать о Веньямине Аполлоновиче Краснове, сменившем М. Н. Шатунова в амплуа словесника в моих старших классах. Курс Пушкина, который он нам читал, ничем не отличался по красоте построения, по глубине анализа, по увлекательности от любого профессорского, университетского курса. И это говорю я, слушавший несколькими годами позже и Ю. Н. Тынянова, и Б. В. Томашевского... Я должен был бы упомянуть вдумчивого историка Александра Августовича Герке, и прелестного «француза» нашего Антуана Альбера, и преподавательницу немецкого языка Антонину Францевну Иогансон, перед которой я чувствую особую вину свою и особую ответственность. Ведь это не кто иной как я вызвал у нее однажды на уроке отчаянный возглас: «Как может один человек — и столько трепаться!» Я был бы рад, если бы узнал, что Антонина Францевна прочла эти относящиеся к ней строки!

Надо прямо сказать, что школе нашей было далеко не так просто «соблюдать свое лицо». Шварца сменял Кассо, на посту «попечителей округа» появлялись его ставленники, все «бессарабцы», земляки Пуришкевича и Крупенского, вроде С. Прутенко...

И эти попечители нет-нет и снисходили в гимназию, дабы «попечительствовать» над нею, то есть проверять, в какую глубину крамолы она погрузилась. От времени до времени из «Округа» назначались к нам и преподаватели, резко отличные от наших во всем, начиная с того, что они носили вицмундиры, тогда как наши, кроме как по торжественным дням, обходились обычной гражданской одеждой... Ревизовали нас и духовные архипастыри...

В 1913 г. учителем географии у нас оказался Александр Александрович Яковлев (я счастлив заметить, что буквально на этих месяцах я получил от него из Москвы в подарок несколько книг, написанных им, профессором, доктором географических наук, человеком вполне еще бодрым и жизнедеятельным). В начале года мы с ним проходили «Степной край» и писали на эту тему классную работу. Надо сказать, что за два года до того мне выпало на долю совершить первое в моей жизни «путешествие» — в Крым, Севастополь, Евпаторию и некоторые другие пункты Южного берега. Путешествие это произвело на меня грандиозное впечатление, и все, что я там тогда видел, было у меня еще живо и трепетало в сознании. Все это, весь мой захваченный при поездке багаж, с пароходами РОПИТ, с мылом «Кил» производства некоего Харченко, с крабами и морскими коньками продававшихся на каждом шагу сувениров, с двуглавым Чатырдагом, который я однажды «успотребился» увидеть (думается, благодаря рефракции) из Евпатории, как сизый огромный призрак над васильково-синим морем, — все это я вбил в ту «письменную работу» и получил за нее очень основательно помеченное «Отлично. 5». Того мало, я сразу вышел — в глазах А. А. Яковлева и всего класса — в первые ученики по географии. Это имело и свои приятности, и свои трудности.

Прошел месяц, другой, и вот в класс — не без предупреждения, наоборот, об этом было заранее известно, — грузно вступила тяжкая, с большим брюшком, с багровым затылком, вицмундирная, с каким-то орденом на шее, фигура: попечитель округа, действительный статский советник С. Прутченко.

Надо сказать, такие визиты вызывали в нас, ребятах — это было еще третий класс — малоприятное чувство. Мы привыкли уважать наших учителей и как только замечали, что им приходится делать усилие, чтобы не быть поставленными перед нами в униженное положение, в нас поднимался дух неприязни и протеста. Только что мы могли сделать? Лишь сильно повредить учителю...

Однако Прутченко, войдя, не произвел на нас отталкивающего впечатления. Правда, в первый миг, когда он, как бы подкравшись к двери, заглянул в нее, Дима Коломыйцев, сидевший со мной рядом на парте, мгновенно шепнул мне: «В окно, страшно повода очами, уставилась свиная харя, точно хотела сказать: «А что вы здесь делаете, добрые люди?»

Но Гоголь — Гоголем, а мы понимали, что это свиное рыло — всерьез. Мы дружно встали. Александр Александрович вежливо взял в руки раскрытый на сегодняшней странице классный жур-

нал, намереваясь вручить его гостю, но тот, откинув сзади фалды мундира своего, грузно, как Собакевич, так что затрещало дерево, а розовые складки затылка двумя ярусами легли на синий суконный воротник,—сел на стул и, сделав благодушный отталкивающий жест: «Не надо!»—в направлении к журналу, прохрипел не без некоторого благодушного цинизма: «А! Оставьте, господин Яковлев! Чего там... Вызовите лучшего ученика...» Я обмер...

Александр Александрович, явно для проформы, пробежал пальцем по журналу и, конечно, проговорил, не отрываясь от него: «Успенский!»

Первый — не первый ученик, а выходить-то жутковато. Но вышел. И вот, подобно трубе архангела, надо мною прогремели спасительные учительские слова: «Так-с, Успенский... Я попрошу Вас... Расскажите нам про... степной край. И я, как птичка божия, «встрепенулся и запел».

Как сейчас помню и огромную классную доску с остатками каких-то геометрических построений на ней, и солнце, падающее наискось сквозь огромное окно, и несколько встревоженную, но успокоительно обращенную ко мне физиономию Александра Александровича, и тяжелую, громоздкую тушу Прутченки, с гитарообразно расширяющимися книзу лицом и руками, непринужденно сложенными поверх мундирных золотых пуговиц на животе, с лицом, как раз освещенным этим резким весенним солнцем и потому — с благодушно зажмуренными глазами.

Я — эта способность у меня, если я знал предмет, была — журнал, словно реченька... Я описал весеннюю степь, всю горящую огоньками маков, — и Прутченко, не раскрывая глаз, как бы сквозь сон, поощрительно кивнул. Я восхитился пещерами и криптами Инкермана — и он как бы утвердил это мое восхищение вторым кивком головы. Я помянул про проекты искусственного разведения устриц — о чем тогда много говорили в Крыму и о чем я краем уха слышал, не обошел вниманием «мыло Кил провизора И. А. Харченко» и — иначе я не был бы сыном удельного служащего — ступил на почву, которая оказалась шаткой:

«И здесь, около Ялты, — так воскликнул я, — на освещенных теплым солнцем горах, из лучших сортов винограда добывается лучшее в России вино удельных погребов...»

Слова эти еще не отзвучали — сладко дремавший Прутченко вдруг приоткрыл один глаз и выпрямился на своем стуле...

— А-хм-хм... — откашлялся он. — Ну, вот это, молодой человек, — как сказать! Да, да, да, уверяю Вас... Я, конечно, не отрицаю... Вина массандровских погребов — выдаются по своему качеству... Но... поверьте — я это уж более Вам, господин Яковлев... Поверьте, что некоторые марки бессарабских вин ничем не уступят государевым крымским... Так что в будущем... Имейте в виду... Имейте в виду и Вы, молодой человек, когда дорастете... Хе-хе-хе! Спасибо! Довольно!

Инспекторский смотр закончился благополучно, моя репута-

ция первого географа утвердилась, а дома, за обедом, я все-таки с некоторым протестом сообщил нашим — и в том числе отцу — о том, что вот нашелся человек, который не считает удельные вина — лучшими...

— Погоди, погоди, а кто это? — спросил меня папа. — Прутенко? Сергей? Ха! Ну еще бы, чтобы он с тобой согласился: это же один из крупнейших бессарабских помещиков-виноделов... И по-моему, он как раз сейчас хочет часть своих имений продать нам, уделама... Очень интересно: надо будет иметь в виду...

Вот и такие приключения приходилось испытывать ученикам и учителям гимназии и реального училища К. И. Мая.

Д. С. Лихачев

Из прошлого

Гимназию и реальное училище К. И. Мая я не кончал. Я поступил в эту школу в 1916 г. в I класс реального отделения и учился там до IV класса включительно. После мне пришлось перейти в школу Лентовской — поближе к дому на Петроградской стороне, так как трамваи в 1918 г. перестали ходить, а ходить пешком, да еще в тех условиях, стало невозможно.

Гимназия и реальное училище К. И. Мая было очень интеллигентным учебным заведением — и по составу учеников, и по составу преподавателей. В моем классе учился внук И. И. Мечникова; будущий эстонский писатель К. Ф. Эйнбаум (он и Мечников были приятели); учился Олег Петрович Римский-Корсаков, но и сын швейцара, и сын банкира, дававшего взаймы Николаю II — так называемого «Митьки» Рубинштейна. Последние двое также косвенно характеризовали «интеллигентность» нашей школы, так как один из существеннейших признаков интеллигентности — это «демократизм в обе стороны». Мы не чуждались ни Рубинштейна, ни сына швейцара.

И в первом, и в последующих классах преподаватели всем нам говорили «на вы» и называли по фамилии, но не по имени. Я тоже почти всем товарищам по классу говорил «вы», но называл по имени. Вежливость была принята и воспитывалась в нас примером старших учеников. Помню, что в классе наставником у нас был учитель рисования М. Г. Горохов. Были уроки, на которых он с нами беседовал. Он учил нас корректности. Помню, что он советовал нам обратить внимание на походку и манеры Игоря Фомина. Он был старше нас несколькими классами. Впоследствии он некоторое время был заместителем главного архитектора Ленинграда В. А. Каменского, а в последние годы профессорствовал в Институте имени И. Е. Репина.

Сам Горохов был всегда спокоен, всегда вежлив, никогда не повышал голоса, беседовал с нами о нашем поведении спокойно и с полной уважительностью, какой бы мы поступок ни совершили. Даже когда в туалете появились какие-то надписи, не совсем приличного свойства, он провел с нами вполне «академическую» беседу, которая не была ни нудной, ни раздраженной и которая

по-своему была интересна: он разъяснил нам «психологию» этого «стеномарания», и после этого надписи уже не возобновлялись.

Замечательно преподавал он рисование. Три года он вел с нами курс перспективы. С тех пор я всегда и до сих пор ясно вижу ошибки в перспективе и сам могу правильно построить перспективу, если она, впрочем, не очень сложна.

Горохов ввел свой метод оценок. Мы рисовали в прекрасном классе для рисования, построенном по проекту Горохова (он нам говорил, что сам продумывал все детали класса: в нем были доски для рисования, легко державшиеся на коленях у учеников любого роста; класс был построен амфитеатром, в фокусе которого находилось место для «натуры»). Рисунок каждого обсуждался всем классом, и оценка за рисунок ставилась сообща всем классом. Только однажды он не согласился с нашей оценкой. Это был рисунок Рубинштейна. Рубинштейн сидел на своем крайнем месте, и он видел проволочный куб, который мы рисовали, в резком ракурсе. Нам показалось, что рисунок неправилен. Но Горохов разъяснил нам особенности точки зрения рисовальщика и поставил ему пять вместо предлагавшейся нами тройки.

Только однажды я почувствовал, что Горохов смущен и не знает, как выйти из положения. Это было тогда, когда в 1918 г. наше училище соединили с женской гимназией Э. П. Шаффе. К нам вдруг стали приходиться ученицы из гимназии Шаффе. Мальчики и девочки не привыкли друг к другу. Девочки шушукались, но смущались, как мне кажется, меньше, чем мальчики. Прошло несколько месяцев, и вот один из хороших мальчиков нашего класса вдруг получил записочку с чем-то вроде объяснения в любви. Была ли это первая записочка или, вернее, не первая, но она была замечена Гороховым, и он попросил ему дать. Прочел... Я ясно помню его смущение. Он, всю жизнь преподававший в мужских классах, очевидно, еще с таким не сталкивался. Тягостная пауза. Его смущение подействовало на виновниц (записочка писалась сообща) больше всего. Потом он прочел нотацию. Ее содержание я не помню, но ясно запомнилось одно: он не называл ни имени девочки, писавшей записку, ни имени мальчика, которому она предназначалась. И в этом снова и снова проявилась его интеллигентная деликатность и такт воспитателя.

Дух интеллигентности вообще был свойствен учителям гимназии. Запомнился мне учитель географии, рассказывавший нам о бое быков в Испании, о путешествии по Двине и Белому морю, о поездке на Памир и Алтай. Он был очень худ и, кажется, в 1919 г. умер от туберкулеза и голода. Был замечательный преподаватель физики — Борис Иванович Умнов. Был добрый учитель природоведения. И еще помню прекрасного учителя гимнастики, также называвшего нас «на вы» и ездившего с нами на рождественские каникулы на школьную дачу в Струги-Белая (эта станция была названа так потому, что по одну сторону железной дороги была деревня Белая, а по другую — Струги. Теперь это место называется бессмысленно: Струги Красные). Я поехал в 1917 г.

туда на каникулы. Германцы (тогда говорили о наших врагах «германцы», и не «немцы», чтобы не обижать василеостровских немцев) были уже где-то близко...

Был у нас и ручной труд. Мы занимались со столяром, старым, хорошим, добрым и не умевшим наладить дисциплины. Но уроки, несмотря на шум и беготню, очень мне нравились. Я увидел, что в столярном деле нужен ум, нужны знания, и это тоже наука.

Хуже было, когда нам пришлось пилить бревна на дрова для школы. Олег Римский-Корсаков никак не мог научиться этому делу. У меня выходило и потом пригодилось. Старик-столяр объяснял нам, как облегчить себе пилку, как держать и тянуть на себя двуручную пилу.

Вообще вот что было интересно в педагогической системе нашей школы. Учителя не делали секрета из своих педагогических приемов. Они старались нам объяснить — почему важны зрительные впечатления (для запоминания), почему нужны театральные постановки (чтобы развить понимание текста, умение его воспроизводить вслух, развить в себе понимание жеста, походки и т. д.), для чего нужны игры (на уроках гимнастики мы главным образом делали не упражнения, а занимались подвижными играми, и учитель разъяснял нам, какие качества характера развивает та или иная игра), на уроках географии много говорилось о том, что следует путешествовать (в путешествиях люди знакомятся, учатся удавать чужие обычаи и особенности характера, надо только замечать хорошее). Нам разъясняли, что есть в новых кабинетах, как устроены «майские парты» (в них можно было повышать и понижать столик, и эта установка делалась при консультации глазного врача). Разъяснялось и значение совместных экскурсий в музеи и за город. На переменах разрешалось бегать, играть в пятнашки и некоторые другие игры (в другой школе, где я перед тем учился — Человеколюбивого общества — на переменах ученики спокойно ходили парами, как в фойе театра.

Привыкнув к строгостям школ Человеколюбивого общества, я однажды сам себя наказал. Играя, я «завертел» учителя черчения (на скользком, натертом полу трудно было повернуться, и поэтому мы схватывали кого-нибудь и, держась за него, быстро поворачивались). В азарте игры я не заметил, что передо мной учитель, и закрутил его. Учитель сделал мне выговор, но я ничего не слышал, что он мне говорил, и решил, что он поставил меня к стенке. А «снять» от стенки мог только тот, кто наказал, и я простоял часть следующего урока: никто не пришел меня «снимать». Об этом случае «самонаказания» говорили на педсовете, и долго смеялись надо мной в нашей семье мои братья.

Были и «отрицательные уроки» жизни. Преподавателем русского языка и литературы был у нас Конский. Манеры у него были изысканнейшие. Был он, как и все наши преподаватели, чрезвычайно вежлив, тонок в обращении и воспитан. Однажды он пришел к нам в класс и стал говорить, что дома он замерзает, получить дров не может, так как для этого надо идти куда-то на

разборку деревянного дома (в 1918 и 1919 г. было разобрано на дрова великое множество деревянных домиков на Васильевском острове и Петроградской стороне), а это ему трудно. Он принес в класс какие-то бумажки и попросил в воскресенье пойти на одну из линий и зарегистрироваться — что де от Конского пришли на разборку дома. «Только зарегистрироваться!» Мальчики взяли бумаги. Вышло, что от Конского пришло много людей, но это «только» отметиться не удалось. Мальчишек не выпустили, пока они не выполнили нормы. Тогда только мы поняли: если «только зарегистрироваться», то почему же не вышел он сам? Или и зарегистрироваться ему не позволяло здоровье? С этого дня уважение к Конскому пропало и у меня, и у многих.

Не помню, какого нашего учителя мобилизовали на копку окопов. Он делал это так рьяно, что у него открылась какая-то сердечная болезнь и он умер. Другой мальчик свалился с барки у Тучкова моста, где он ловил рыбу (есть стало нечего) и погиб. Еще один попал под трамвай, и ему отрезало ногу. После этого последнего случая родители и забрали меня из школы Мая. Трамваи ходили редко, были бесплатными, пассажиры висли не только на подножках с обеих сторон трамвая, но и на «колбасе» (соединительный штырь для прицепного вагона), а летом даже на открытых окнах. У Тучкова моста при съезде с моста на Кадетскую (ныне Съездовскую) линию десятки человеческих гроздей, висевших с левой стороны вагона, разбивались о трамвайный столб. Это была настоящая гильотина.

Школа Мая стала постепенно хиреть. Ученики уезжали — кто куда: в какое-нибудь более сытное место с родителями, немцы в Германию (уехала Пейц — маленькая немочка, трогательно с нами прощавшаяся), эстонцы уезжали в Эстонию (Эйнбаум и Ревель), Мечников уехал во Францию, дети владельцев дач в Финляндии уезжали в Финляндию. Класс пустел на глазах. Уезжали и преподаватели. Конский (которого мы звали «Конский хвост») уехал в Польшу. И мне уже не жалко было школы. Я перешел в «Лентовку» и вскоре нашел там друзей среди одноклассников и совсем другой дух, но тоже очень хороший и интересный.

Петроградские школы, как и люди, обладали индивидуальностью, своими традициями, своими обычаями. Мы были «майскими жуками», и до сих пор мне приятно узнать, что кто-то из моих знакомых учился у Мая. Долго еще мне казалось, что я мог бы в толпе узнать учившихся у Мая — по манере держаться, даже по походке. Так узнают бывших институток.

Б. Г. Старк

Несколько страниц воспоминаний о единой советской трудовой школе № 217 (бывшей гимназии К. Мая)

Когда мне предложили написать какие-нибудь воспоминания о нашей школе, я почувствовал некоторое затруднение... С одной стороны, я всю жизнь ощущал себя коренным «майским

жуком», и таким ощущали меня мои одноклассники и ощущают и сейчас, хотя с момента нашего выпуска прошло уже более 61 года. С другой стороны, когда я задумался, то выяснилось, что учился я в этой школе в общем-то очень мало и что я могу сказать про нее?..

Я родился в семье морского офицера, и все мое детство прошло в двух «морских» городах: Ревеле и Гельсингфорсе (Таллинне и Хельсинки), где базировалась минная дивизия, на которой служил мой отец. Я был сугубо «домашним» ребенком.

Когда немцы заняли Гельсингфорс, мы бежали из него в Петроград. Это было в 1918 г. Вот тогда и встала проблема школы. Читать и писать я выучился дома довольно рано, но тут был вопрос поступления в школу и вхождения в чужой коллектив, как детский, так и педагогический. Вопреки опасениям родителей, контакт со школой прошел совсем безболезненно. Я нашел ту же семью, только больших размеров. Атмосфера дружбы, любви, взаимного уважения, к которым привык дома, повторялась и в школе. Не было «чужих», не было «нелюбимых». Подавляющее большинство учащихся в то время составляли дети из интеллигентных семей, но были и дети рабочих, и в отношении к ним не было и тени превосходства. Были дети немецкого происхождения, и хотя война с Германией еще шла, но никогда никого не попрекали немецким происхождением, видя в них такого же русского товарища или друга. Были среди нас и евреи, и дети других национальностей, но и в голову никому не могло прийти видеть в этом основания для различий.

Хотя это уже была советская школа, но все-таки в ней сохранились старые традиции, которые тщательно сберегались старыми педагогами да и самими детьми, особенно старшекласниками. Помню, в первый год моего там пребывания (а я попал в подготовительный класс к Любове Александровне Пушкаревой) был памятный день К. И. Мая, основателя бывшей гимназии и реального училища. Раньше этот день торжественно отмечался. В этом году было уж очень трудно с продовольствием, но все же нас собрали в столовой, наш директор Александр Лаврентьевич Липовский сказал нам прочувствованное слово в память К. И. Мая, а потом каждый получил угощение — чашку какао с каким-то кексом или пирожным. По тем временам это было просто чудо!

Отношение преподавателей к нам было подчеркнуто вежливым, и в то же время не было никакой официальности, так что я, сугубо «домашний» мальчик, ощущал себя в школе как дома. Конечно, учеба проходила в трудных условиях. Помню, мы приносили в школу поленья дров, чтобы как-то топить печки «буржуйки», установленные в классах. Часто сидели в пальто. Школа поражала своими чудесно оборудованными кабинетами, в которых хранилась масса «богатств» познавательного характера: пособия по географии, ботанике, зоологии, истории и другим предметам, но мы, «приготовишки», на это только смотрели с за-

вистью, когда наши старшие товарищи что-то несли в класс, готовясь к очередному уроку. Так я проучился два года. Но тут в семье произошли перемены. Гражданская война нас разлучила. Мама, хотя и работала в Морской академии, но уже была сильно больна, сестре было 6 лет, и мне пришлось, оставив школу, тоже пойти работать в ту же Морскую академию мальчишкой-рассылным. Было мне в это время 10 лет. Это нам давало, помимо зарплаты (которая, кстати сказать, ничего не стоила), обмундирование, а главное, морской паек. Моя связь с родной школой временно прервалась. Чтобы не совсем отстать от класса, мне приходилось вечером после работы учиться по силе возможности, и времени на контакты с товарищами не оставалось. Так прошло еще три года. В один малоприятный день меня из академии уволили, как и многих других. Мамина родня стала помогать как могла нам, чтобы мы выжили, а я вновь пошел в свою школу. Пропущено было три года. Один из наших преподавателей, географ Виктор Викторович Финне, согласился подтянуть меня, и за лето мы с ним прошли два года (все-таки в эти годы вечерами я чему-то учился). В школу я попал уж не в свой первоначальный класс, а на класс ниже, так как три года нагнать мне за лето не удалось. С благодарностью вспоминаю Виктора Викторовича. Без его помощи я бы не смог одолеть это препятствие. Моей новой классной наставницей оказалась преподавательница немецкого языка Анна Васильевна Петровская. Так же быстро и легко я вошел и в этот новый класс. Правда, что к этому времени от «домашнего» мальчика в юном рассыльном из академии мало что осталось. Новый класс встретил меня так же по-родному, многие меня помнили еще по старым годам. Но жизнь школы за это время сильно изменилась. Стали появляться новые веяния. Во-первых, ШУС. В каждом классе выбирали старосту, и все они вместе составляли школьный совет, который собирался и разбирал разные дела как учебного, так и хозяйственного порядка. По-моему, учителя на этих собраниях не участвовали, но имело ли это практическое значение, тоже не помню. Может быть, мы были органом чисто совещательным. Помню, как разбирался вопрос о более продуктивной организации отопления классов, другой раз, помню, шел разговор о кружках: по-видимому, в столовой их не хватало. В это время Петроград жил по карточной системе. Все были приписаны к какой-нибудь столовой, где и получали обед. Для школьников столовая была при школе. Вероятно, она обслуживалась получше, хотя в памяти осталась та же пшенная похлебка с воблиными хвостиками или каша и как особое лакомство раз в неделю пирожки из серой муки с перловой кашей. Во главе хозяйства стояла наша классная воспитательница Анна Васильевна. Она и жила тогда при школе в комнатке возле кухни. Как-то мы с сестрой решили брать обед домой, чтобы делиться с больной мамой, которая была приписана к какой-то общей столовке и практически голодала. Я попросил Анну Васильевну позволить нам брать обед домой под предлогом, что

часть оставим на ужин. Анна Васильевна, зная, что мы живем без отца и что мама больна, разгадала наш замысел и велела есть в школе, но позволила вечером заглядывать на школьную кухню, и если была возможность, то совала нам оставшийся от обеда пирожок или ложку супа или каши.

Когда в 1957 г. я попал в Ленинград после 32-летнего отсутствия, мне еще удалось застать Анну Васильевну в живых, и я сказал ей, что через всю жизнь пронес благодарность за то, что она тогда пожалела нас.

Когда стали утверждать ШУС, то председателем был выбран Сережа Шестаков из III класса 2-й ступени. Секретарем же вдруг избрали меня. Для меня это было так же неожиданно, как неожиданно и избрание меня классным старостой. Я был вновь появившийся. А тут еще секретарь... Очень быстро и я сам, и все окружающие увидели, что я даже не имею понятия, что такое быть секретарем, писать протоколы: слушали... постановили... и т. д., и я попросил меня от этого освободить. Во всем же прочем я принимал активное участие. Потом появилось новое начинание — дальтон-план... Уж точно и не помню, в чем оно заключалось, но, по-моему, значительного влияния на учебу не оказало. Должен сказать, что учились мы, как правило, добросовестно, за исключением нескольких явно слабо подготовленных детей, и не помню, чтобы были серьезные нарушения дисциплины. Любили мы уроки пения, и хотя с тех пор прошло уже 60 с лишним лет, но помню многое из того, что мы тогда пели, и когда мне в моей пестрой жизни пришлось иметь дело с детьми, как своими, так и чужими, я часто их учил тем песням, которые учили в нашей школе в 20-е годы. Помню их почти все и сейчас, на склоне лет. В это время появился среди наших преподавателей учитель гимнастики Ростислав Васильевич Озоль. Его приход сразу выдвинул спорт на передовые позиции. Все мальчики и тем более все девочки буквально влюбились в педагога, и очень скоро урок гимнастики стал одним из самых любимых в нашей жизни. А вскоре школа стала занимать передовые позиции по физкультуре сперва по Васильевскому острову, а потом и в общегородском масштабе.

Вспоминаю еще один факт нашей щусовской «самодеятельности». Узнав, что на Западе по четвергам не занимаются, так как после отделения церкви от школы четверг был выделен для тех, кто хочет давать детям религиозное образование, мы решили тоже отвоевать себе четверги, конечно, не по церковным мотивам, а просто чтобы иметь свободный дополнительный день. Мы отправились в Горнаробраз, находящийся, кажется, где-то на Невском. Кто пошел, точно не помню, но я ходил. Во главе его, если мне память не изменяет, стояла жена Г. Зиновьева, Нас принял какой-то секретарь, что-то нам втолковал, а потом мы получили хорошую взбучку в школе от начальства (кажется, в это время директором был уже Вениамин Аполлонович Краснов) за нашу неуместную инициативу.

Увлекались мы и самодеятельными спектаклями. Изредка появлялся бывший ученик Коля Ласточкин. Уж не помню, руководил ли он нами или только поощрял, а трудились мы под надзором нашей учительницы литературы Лидии Александровны, но хорошо помню прекрасные постановки «Бежина луга» (конечно, отрывок), потом — «Мертвые души»: Чичиков у Коробочки, у Плюшкина... Потом запомнился вечер Ростана: 1-е действие «Романтиков» и «Белый ужин». Были и живые газеты, тоже имевшие шумный успех. На новогодние каникулы устраивались в школе балы, но и после этого ходили друг к другу небольшими компаниями, так как помещения у всех были очень ограничены. Постепенно мы росли, и наша дружба крепла. Хотя, конечно, окружающая среда вносила свои поправки, но все же все старались не переставать быть «майскими жуками», держали традиции школы. Одних учителей любили больше, других меньше, но чтобы кого-то не любили или изводили — такого на моей памяти не было.

Через все трудности жизни и все путешествия я сохранил альбом со старыми фотографиями, который неизменно пополняется каждый раз, как мы встречаемся вновь. В завершение этих скромных и отрывочных строк хотел бы привести еще один документ — мое приветствие друзьям в день нашего юбилея.

Слово, произнесенное в связи с 50-летием окончания школы № 217 Ленинграда — бывшей гимназии К. Мая (11 июня 1977 г.).

«Мы собрались сегодня, чтобы отметить 50 лет окончания нашей дорогой школы. Полвека — это большой срок, и как радостно, что в этот день нас собралось так много... В этот день хочется вспомнить, в первую очередь, наших учителей и воспитателей. 10 лет тому назад, когда мы собрались, чтобы отметить наше 40-летие, с нами были еще и Анна Васильевна, и Ростислав Васильевич, и Вениамин Александрович... была жива еще и Надежда Аркадьевна. Ныне все они ушли из этого мира... Наши учителя не только учили нас географии и правописанию, но и воспитывали нас. Старались воспитать нас людьми, чтобы каждый из нас не только назывался Человеком, который звучит гордо, но и был бы этим Человеком, воспитывали нас в любви к Родине, в любви к людям, воспитывали нас в духе гуманизма, и сейчас, оглядываясь на прошедшие 50 лет, мы можем сказать, что наши учителя были бы довольны своими воспитанниками...

Все эти годы каждый из нас старался по мере своих сил и возможностей, каждый на своем посту, служить и Родине, и людям, и человечеству... Мы прожили нелегкие 50 лет, годы, наполненные сложными переживаниями. Евгений Евтушенко сравнил нашу жизнь с качкой, когда корабль несется по волнующемуся океану и качка валит его с одного борта на другой. Корабль трещит, со стен падают портреты, но корабль идет, не сбива-

ясь с курса, и идет на рассвет, к светлому будущему, к Правде и Счастью. И мы тоже испытали эту качку, испытали и трудные военные годы, испили чашу, выпавшую на долю нашей Родины в тяжелые годы войны, но не сбились с курса. Многих из нас война вырвала из наших рядов, но мы сомкнули свои ряды и идем дальше... Теперь часто читаешь в газетах, что пионеры или следопыты долгими поисками собирают старых соратников и те, одевая ордена и медали, встречаются и, утирая слезы радости, обнимают друг друга, вспоминая былые дни... Нас никто не искал, мы встретились, не надевая свои ордена и медали, нас искать просто не было нужды, потому что мы не терялись. Все эти годы мы стремились не отрываться друг от друга, наша дружба, зародившаяся почти 60 лет тому назад, выдержала все испытания временем, и я считаю это героизмом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дальнейшую судьбу дома № 39 по 14-й линии Васильевского острова определили предпринятые Советским правительством принципиальные реформы начального и среднего образования. Большинство учеников и преподавателей бывшей гимназии и реального училища К. Мая составили основу размещенной в том же здании вновь образованной 217-й единой трудовой школы первой и второй ступеней. Во главе этой школы был поставлен бывший «маец» Вениамин Аполлонович Краснов, также прекрасный педагог, про уроки литературы которого говорили: «Когда он рассказывал о море, то за окном класса был слышен шум волн». Дореволюционные старшие классы, однако, в новой школе не остались, а расформировали, считая их уже убежденными носителями буржуазного духа. Этим учеников направили в разные другие школы. Народный архитектор СССР И. И. Фомин, оказавшийся в то время в числе таковых, рассказал, что когда после шести классов гимназии К. Мая он пришел в другую школу и пробыл там два дня, то быстро убедился в бесполезности дальнейшего посещения, ибо по уровню своих знаний он опережал других учеников на один-два года: если там лишь начинали знакомство с алгеброй, то он уже знал начала математического анализа. «Тогда,— вспоминает Игорь Иванович,— я решил поступать сразу в университет, и моих знаний для этого оказалось достаточно, я был принят». Этот живой пример — еще одно свидетельство высокого качества преподавания в школе К. Мая.

Поскольку было принято решение о введении совместного обучения, то в классах школы № 217 появились девочки, в основном бывшие ученицы неподалеку расположенной гимназии Э. П. Шаффе. В новом коллективе, сохранившем немалое число старых преподавателей, еще некоторое время поддерживались «майские» традиции, даже В. А. Краснов встречал по утрам учеников и приветствовал их, как когда-то К. И. Май, рукопожатием. Душой школьной жизни той поры, организатором многих физкультурных праздников был тоже «майский жук» Р. А. Озол. Существовало при школе и «Общество старых майских жуков».

Однако нашлись люди, выразившие неприятие этих традиций, и 15 января 1929 г. в «Ленинградской правде» появилась статья «Гимназия Мая», автор которой обвинил директора и ряд учите-

лей в том, что они воспитывают учеников в чуждом советскому обществу буржуазном духе, даже сохраняют обстановку дореволюционного времени. Конечно, после этого были приняты меры: директор и ряд учителей были уволены, уничтожена, как безнравственная, картина «Похищение Европы»¹, украшавшая много лет учительскую, и даже невинный майский жук над входом в школу был признан вредным и безотлагательно уничтожен; сломали и некоторые классы-амфитеатры. Так был изгнан из стен этого здания добрый «майский дух». Изменилась и система преподавания, стало внедряться бригадное обучение, появился дальтон-план...

Средняя школа существовала в этом здании до 1 сентября 1937 г., когда вместо нее здесь была открыта 6-я артиллерийская спецшкола, занимавшая школьные классы до дня своей эвакуации 4 февраля 1942 г. Большинство выпускников этой спецшколы стали участниками Великой Отечественной войны, с честью защищали Родину в различных родах войск, многие из них отдали свою жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками. Память о боевых делах учеников спецшколы ныне бережно хранят в школьном музее, расположенном в доме № 30 на 13-й линии Васильевского острова.

С февраля 1942 г. по осень 1944 г. школьное здание пустовало, его охраняла по доброй воле только Мария Алексеевна Мицкевич, начавшая работать здесь уборщицей еще в далеком 1916 г. и прослужившая в школе до 1960 г.

В 1944 г. в старом школьном доме вновь зазвучали детские голоса, теперь тут открылась мужская средняя школа № 5, и опять по залам бегали только мальчики, правда, лишь до 1957 г., когда новый поворот в системе школьного образования вторично привел сюда девочек.

Примечательным и весьма интересным периодом было время, когда заведующей учебной частью и преподавателем литературы работала Антонина Степановна Батурина, ныне пенсионерка, общественный директор музея учителей Василеостровского района Ленинграда. Благодаря ее энтузиазму и активной поддержке тогдашней старшей пионервожатой Нины Вячеславовны Чувашевой (ныне директора спецшколы-интерната) в 1962 г. в школе был создан музей, где была показана вся как дореволюционная, так и послереволюционная история всех учебных заведений, помещавшихся в доме № 39 по 14-й линии. На базе школьного музея в те годы велась важная и разнообразная краеведческая и воспитательная работа, музей и стены актового зала в торжественной обстановке украшали все новые и новые портреты известных выпускников школы, отряды боролись за право носить имя того или иного из них, на интересно организованные вечера встреч, где исполняли сочиненную А. С. Батуриной песню «Майский жук», с удовольствием приходили старые и молодые «майцы». К сожалению, новое руководство школы при поддержке Василеостровского

¹ Работы бывшего «майца» В. А. Серова.

отдела народного образования в конце семидесятых годов музей фактически ликвидировало, пропали и майские юбилейные значки, и написанная братьями Зотовыми летопись, и даже картины, созданные бывшими спецшкольниками, на которых они изобразили эпизоды своего участия в войне с фашистами.

В 1977 г., вопреки протесту общественности и особенно бывших выпускников во главе с Л. В. Успенским, здание было передано Академии наук СССР, после чего внутри полностью реконструировано, и теперь в нем находится институт информатики и вычислительный центр.

Такова вкратце послереволюционная история дома, где была когда-то школа К. Мая, история, которая, безусловно, заслуживает уже другого, самостоятельного изучения и повествования.

Хроника
развития гимназии и реального училища
К. Мая

1856—1918

- 10.09.1856 Открытие школы в надворном флигеле д. № 60 по 1-й линии В. о. 10 учеников.
- 15.11.1860 Утверждены учебные программы и название «Реальное училище на степени гимназии».
- 28.06.1861 Утвержден проект перестройки для школы здания во дворе д. № 13 по 10-й линии В. о.
- 1863 Первый выпуск РУ. Два ученика поступили в высшее политехническое училище в Карлсруэ.
- 1865 Первый выпуск гимназии. Один гимназист поступил в С.-Пб. университет.
- 27.09.1865 Продолжительность уроков сокращена с 1 ч 15 мин до 1 ч.
- 19.02.1868 Выпускники частных и казенных гимназий уравнены в правах.
- 1873 В гимназии введен VIII класс.
- 1876 В VI классе издается журнал «Колокол» (вышло 5 номеров).
- 29—31.10.1881 Празднование 25-летия школы. Учрежден фонд школы (6000 руб.).
- 1882 Выпускникам РУ предоставлена льгота освобождения от воинской повинности.
- 7.03.1882 Присвоены права гимназий Министерства народного просвещения.
- 28.05.1882 К. И. Май утвержден директором.
- 8.06.1882 Допущено преподавание истории, географии и древних языков на немецком языке.
- 14.04.1883 Присвоены права реальных училищ Министерства народного просвещения.
- 8.09.1890 Статский советник К. И. Май уволен в отставку по состоянию здоровья.
- 8.09.1890 В. А. Кракау утвержден и. о. директора.
- 1890 Приняты учебные программы казенных гимназий.
- 1891 Начато развитие равноправного реального училища.
- 1893 Установлены двухместные учебные столы. Введены уроки музыки, танцев, фехтования.

- 11.02.1895 В. А. Кракау утвержден директором.
- 20.03.1895 Кончина К. И. Мая.
- 1895 Впервые устроено электрическое освещение. Организован новый физический кабинет. Основана библиотека.
- 1896 Окончено развитие РУ. Открыт VII (дополнительный) класс РУ. Организован рисовальный класс.
- 1897 Учреждена стипендия К. Мая.
- 1900 Открыта столярная мастерская.
- 11.11.1901 В число преподавателей принята первая женщина (О. Л. Ларионова — учитель французского языка).
- 1902 Создано «Общество для доставления средств гимназии и реальному училищу К. Мая».
- 1902 Введено преподавание выразительного чтения.
- 1.07.1906 Д. с. с. В. А. Кракау уволен в отставку.
- 1906 Школа передана «Обществу для доставления средств гимназии и реальному училищу К. Мая».
- 22.09.1906 А. Л. Липовский избран директором.
- 29.10.1906 Празднование 50-летия школы.
- 1907 Закрыто коммерческое отделение.
- 1908 Создан исторический кабинет. Введены уроки гигиены.
- 21.01.1909 Утвержден проект нового здания школы. Архитектор Г. Д. Гримм.
- 1910 Созданы кабинеты астрономии и математики. Введены уроки лепки. Ликвидирован пансион.
- 31.10.1910 Торжественное открытие нового здания школы в д. № 39 по 14-й линии В. о.
- 12.06.1912 Утвержден проект дворовой пристройки со спортзалом.
- 1912 Выпущены «Майские сборники» № 1, 2. Организован первый в России авиамодельный кружок.
- 12.10.1914 Открыт лазарет (на 30 кроватей) имени гимназии и реального училища К. Мая в память императора Александра I.
- 1.12.1915 Учреждена стипендия имени А. Л. Липовского на основе фонда в 4500 руб.
- 1916 В школе 626 учеников (382 гимназиста, 244 реалиста, без подготовительных классов).
- 24.02.1918 Последний, 55-й выпуск (31 гимназист, 14 реалистов). Всего за 62 года окончили школу свыше 1000 человек.

Они учились в школе К. Мая

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы ¹ (или учебы)	Род занятий
1	Адамович Василий Иванович		1877	Правовед, заслуженный, профессор училища правоведения
2	Азбелев Виктор Николаевич	1881—?	1900	Терапевт
3	Бари Адольф Эдуардович	1870—?	1881	Психиатр, директор лечебницы, магистр медицины
4	Безобразов Павел Владимирович	1859—1918	1870	Историк, прозаик, публицист, приват-доцент СПб ун-та
5	Бенуа Александр Николаевич	1870—1960	1890	Художник, историк искусства
6	Бенуа Карл Александрович	1885—1943	1906	Крупный миколог
7	Бенуа Николай Александрович	1901—1988	1919	Театральный художник
8	Бенуа Юлий Юльевич	1852—1929	1870	Академик архитектуры
9	Блессиг Эрнест Фридрихович	1859—1940	1877	Один из первых офтальмологов в России, директор лечебниц в Петербурге и Тарту
10	Борман Георгий Григорьевич			Директор кондитерской фирмы «Жорж Борман»
11	Борман Григорий Николаевич			Директор-распорядитель кондитерской фирмы «Жорж Борман»
12	Боткин Сергей Михайлович	1890—1918	1907 ЗМ	Филолог, проф. Таврического ун-та

¹ После года в случае окончания школы с золотой медалью указано ЗМ, с серебряной — СМ.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы ¹ (или учебы)	Род занятий
13	Бруни Александр Александрович	1860—1911		Архитектор Петербурга
14	Бруни Николай Александрович	1856—1935	1875	Академик Академии художеств, художник-монументалист Художник
15	Бубликов Николай Евлампиевич			
16	Буренин Константин Викторович	1864—1884	1883	Писатель, переводчик, публицист
17	Бухгольц Федор Федорович	1857—1942		Советский художник-график
18	Барнек Александр Иванович	1857—1916		Генерал-лейтенант, гидрограф-полярник
19	Ведров Сергей Владимирович	1855—1909		Юрист, проф. СПб ун-та
20	Вениг Павел Карлович			Художник
21	Габерцеттель Виктор Федорович	1864—1912		Архитектор Петербурга
22	Галлиндо Фридрих Иванович			Генерал-майор артиллерии
23	Гизе Эрнест Августович	1871—1924		Психиатр, ученик Бехтерева
24	Гильтебрандт Владимир Апполонович		1877	Терапевт, доктор медицины
25	Глезер Эдуард Эдуардович	1852—1918	1869	Инженер-путеец, строитель Витебской ж. д.
26	Гингер Григорий Сергеевич	1897	1916 СМ	Искусствовед Петрограда — Ленинграда
27	Глезер Людвиг Эдуардович		1871	Директор училища Св. Екатерины в Петербурге
28	Горбунов Николай Петрович	1892—1937	1910	Академик, химик-технолог, государственный деятель
29	Гримм Герман Давыдович	1865—1942	1883	Академик архитектуры
30	Гримм Давыд Давыдович	1864—1934	1881	Ректор СПб ун-та (1910—1911) профессор, юрист
31	Гримм Оскар Андреевич	1845—1920	1887	Доктор зоологии, ихтиолог

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы (или учебы)	Род занятий
32	Гримм Эрвин Давыдович	1870—1940		Ректор СПб ун-та, (1911—1918) профессор, историк
33	Гротен Максим Нестерович	1858—1914		Инженер-путеец, изобретатель рефрижераторов
34	Добужинский Всеволод Мстиславович	1905	1918	Художник-дизайнер
35	Добужинский Ростислав Мстиславович	1903	1918	Художник-декоратор
36	Дурдин Иван Иванович	?—1907		Председатель правления товарищества Пивомедовского завода «Иван Дурдин»
37	Елисеев Григорий Григорьевич	1858—1942		Глава известной торговой фирмы
38	Епанчин Николай Алексеевич	1857—1914	1874	Генерал-майор, историк, директор Пажеского корпуса
39	Заварзин Александр Алексеевич	1900—1980	1917	Архитектор Москвы
40	Заварзин Алексей Алексеевич	1886—1945	1902	Академик, основатель отечественной гистологии, генерал-майор
41	Зендер Вильгельм Вольдемарович	1864—1916	1883	Доктор медицины, хирург
42	Зиновьев Александр Дмитриевич	1854 — после 1917	1873	Губернатор Петербурга (1906)
43	Иосса Андрей Николаевич	1850—1907		Архитектор Петербурга
44	Каплянский Александр Евсеевич	1898—1968	1915 ЗМ	Доктор технических наук, создатель первых отечественных турбогенераторов
45	Каплянский Борис Евсеевич	1904—1985	1917	Скульптор-монументалист
46	Качалов Николай Николаевич	1883—1961	1900	Чл.-корр. АН СССР, основатель отечественного производства оптического стекла
48	Коссович Иосиф Васильевич		1870	Капитан I ранга, командир крейсеров «Разбойник», «Паллада»

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы (или учебы)	Род занятий
48	Корвин-Круковский Федор Васильевич	1855—1919	1873	Математик, брат С. В. Ковалевской
49	Кракау Александр Александрович	1855—1909	1873	Проф. электротехнического ин-та, один из основателей отечественной электрохимии
50	Кракау Василий Александрович	1857—1935	1876	Директор школы К. И. Мая
51	Краснов Вениамин Апполонович	1889—1941	1906 ЗМ	Директор 217-й единой школы (бывшей школы К. Мая)
52	Курихин Федор Николаевич	1881—1951	1901	Заслуженный артист РСФСР
53	Лавровский Дмитрий Дмитриевич			Художник, преподаватель Академии художеств
54	Леман Борис Алексеевич	1882—1942		Поэт, псевдоним «Б. Дикс»
55	Ливеровский Алексей Алексеевич	1903—1989	1917	Проф., докт. техн. наук, писатель
56	Ливеровский Юрий Алексеевич	1899—1986	1916	Проф. МГУ, докт. биол. наук, поэт
57	Линдстрем Владимир Владимирович	1850—1917		Вице-адмирал, автор научных работ
58	Лихачев Дмитрий Сергеевич	1906		Академик, литературовед
59	Лихачев Михаил Сергеевич	1901—1987	1918	Крупный организатор и специалист электронной промышленности
60	Мальшевский Федор Иванович	1855—1897	1873	Личный хирург М. Д. Скобелева
61	Медем Павел Романович			Художник-график, редактор журнала «Вестник учителя рисования»
62	Модзалевский Лев Борисович	1902—1948	1919	Докт. филол. наук, архивист-археограф, хранитель Пушкинского фонда
63	Мошнин Владимир Александрович			Полковник Ген. штаба, историк, переводчик, военный строитель
64	Мунц Владимир Оскарович	1903—1974	1919	Архитектор Москвы
65	Насонов Арсений Николаевич	1898—1965	1916 СМ	Докт. ист. наук, историк

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы! (или учебы)	Род занятий
66	Николай Федор Федорович			Проф. Путейского института
67	Нувель Вальтер Федорович	1871—1949	1890	Музыкальный и театральный деятель
68	Олив Сергей Васильевич			Генерал-лейтенант
69	Оль Андрей Андреевич	1883—1958	1901	Чл.-корр. Академии художеств, архитектор
70	Оль Иван Андреевич	1884—1943	1903	Ботаник, директор библиотеки Ботанического ин-та АН СССР, библиограф
71	Павлинов Андрей Яковлевич			Историк Кадетского корпуса
72	Павлинов Владимир Яковлевич	1978—?		Гидрограф и картограф, проф.
73	Павлинов Павел Яковлевич	1881—1966		Художник-график
74	Петерс Ричард Александрович	1850—1908		Педиатр, приват-доцент ВМА
75	Петрашень Иван Васильевич	1875—1937	1893	Гидростроитель
76	Петров Степан Степанович	1889—1942	1908	Поэт «Грааль Арельский»
77	Петровский Владимир Алексеевич	1900—1950	1918 ЗМ	Контр-адмирал, писатель
78	Попов Александр Александрович	1887—1942	1906	Архитектор А. С. Попова
79	Порецкий Сергей Александрович	1860—1916	1879	Преподаватель естествознания школы К. Мая
80	Постельс Фридрих Фридрихович	1873—1927	1893	Архитектор модерна
81	Пуни Иван Альбертович	1896—1958		Художник-авангардист
82	Рерих Борис Константинович	1880—1946	1903	Архитектор
83	Рерих Николай Константинович	1874—1947	1893	Живописец, писатель, археолог, просветитель
84	Рерих Святослав Николаевич	1902		Художник, почетный академик Академии художеств, просветитель
85	Рерих Юрий Николаевич	1902—1960		Докт. ист. наук, лингвист, этнограф

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы ¹ (или учебы)	Род занятий
86	Римский-Корсаков Андрей Николаевич	1878—1940	1897 СМ	Докт. филос. наук, музыковед, основатель журнала «Музыкальный современник»
87	Римский-Корсаков Владимир Николаевич	1882—1970	1900	Скрипач, музыкальный литератор
88	Римский-Корсаков Михаил Николаевич	1873—1951	1891	Докт. биол. наук, заслуженный деятель науки, энтомолог
89	Римский-Корсаков Олег Петрович	1906—1942		Дирижер, музыкальный исполнитель
90	Римский-Корсаков Петр Войнович	1861—1921		Контр-адмирал, преподаватель
91	Римский-Корсаков Федор Войнович	1864—1913		Капитан I ранга
92	Саковский Карл Карлович		1870	Доктор медицины, врач школы К. Мая
93	Семенов-Тянь- Шанский Дмитрий Петрович	1854—1917	1872	Статистик России
94	Семенов-Тянь- Шанский Михаил Дмитриевич	1882—1942	1902	Докт. геогр. наук, проф. Педагогического ин-та
95	Серк Юлий Петрович	1849—1916		Педиатр, директор и гл. врач больницы пр. Ольденбургского
96	Серов Валентин Александрович	1869—1911	1875	Художник-портретист
97	Сипягин Дмитрий Сергеевич	1853—1902		Министр внутренних дел России
98	Скалон Александр Васильевич	1874—1919		Художественный критик и издатель
99	Сомов Константин Андреевич	1869—1939	1888	Живописец и график
100	Сомов Павел Осипович	1852—1919	1869	Докт. прикл. математики и механики, проф. Горного ин-та
101	Тейх Николай Эдуардович	1862—1917		Архитектор-художник
102	Толкачев Сергей Анатольевич	1874—1940		Проф. Ленингр. ун-та, химик

№ п п	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год окончания школы (или учебы)	Род занятий
103	Умнов Борис Иванович		1904	Капитан I ранга, нач. кафедр. математики Военно-морского училища
104	Успенский Лев Васильевич	1900—1978	1918 ЗМ	Писатель, литературовед
105	Фанталов Александр Иванович	1873—1917		Архитектор, гражданский инженер
106	Фасмер Макс Юлиус Фридрих	1886—1962	1903	Академик, языковед
107	Фаусек Николай Викторович	1894—1937	1913 ЗМ	Первый авиамоделист России, советский авиаконструктор
108	Философов Дмитрий Владимирович	1972—1940	1890	Литературный и художественный критик
109	Фогель Николай Федорович			Генерал-майор
110	Фомин Игорь Иванович	1904—1989	1919	Чл.-корр. Академии художеств, народный архитектор СССР
111	Френкель Яков Ильич	1894—1952	1913 ЗМ	Чл.-корр. АН СССР, физик-теоретик
112	Хвольсон Орест Данилович	1852—1934	1869 ЗМ	Почетный академик, физик
113	Чижов Матвей Матвеевич			Архитектор
114	Штакельберг Александр Александрович		1916 СМ	Проф. ЛГУ, энтомолог
115	Эйнбаум Федор Карлович	1906—1985	1917	Эстонский писатель
116	Эссен Эдуард Эдуардович	1879—1931	1899	Ректор Академии художеств, зам. наркома РСФСР
117	Яковлев Александр Евгеньевич	1887—1938	1904	Художник, педагог
118	Янчевский Сергей Аркадьевич	1898—1941	1917 ЗМ	Проф. ЛГУ и ЛИИЭКТ, докт. физ.-мат. наук

Библиография

- Андреев В. Л. Детство.— М.: Советский писатель, 1966.
- Антонов О. К. Десять раз сначала.— Киев: Веселка, 1978.
- Антонов В. Бруни в России.— Италия: Сальвиони, 1980.
- Астахова О. О. Глазами современника//Природа.— 1986.— № 4.
- Бахтин В. Ленинградские писатели-фронтовики.— М.; Л.: Советский писатель, 1985.
- Белодубровский Е. Б. Школа на Васильевском//Аврора.— 1985.— № 11.
- Белявский Е. Педагогические воспоминания.— М., 1905.
- Бенуа А. Н. Из воспоминаний//Речь.— 1912.— 2 ноября.
- Бенуа А. Н. Мои воспоминания.— М.: Наука, 1980.
- Бенуа К. А. Микология и фитопатология.— Л.: Наука, 1973.— Т. 7.
- Бильбасов В. А. Средняя школа в России 30 лет назад//Русская школа.— 1900.— № 4.
- Блок М. Экскурсоводы школьникам//Ленинградская правда.— 1983.— 20 сентября.
- Быкова Г. Д. Андрей Оль.— Л.: Стройиздат, 1976.
- Верижникова Т. В., Каплянский Б. Е.— Л.: Художник РСФСР, 1985.
- Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 г.— Спб., 1854.
- Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в.— М.: Учпедгиз, 1954.
- Герои Октября.— Лениздат, 1967.
- Гершензон М. Эпоха Николая I.— Спб., 1910.
- Горбунов Н. П. Воспоминания, статьи, документы.— М.: Наука, 1986.
- Двадцатипятилетие школы К. И. Мая.— Спб., 1882.
- Ермилов В. В. борьбе с рутинной.— М., 1898.
- Короткина Л. В. Рерих в Петербурге-Петрограде.— Л., 1985.
- Крылов А. Н. Мои воспоминания.— Л.: Судостроение, 1984.
- Леднева Л. Д. Павел Осипович Сомов.— М.: Наука, 1989.
- Лихачев Д. С. Прошлое.— будущему.— Л.: Наука, 1985.
- Май К. И. Задавать ли ученикам уроки на вакации?//Воспитание.— 1860.— № 4.
- Майский сборник.— Спб., 1912.— № 1, 2.
- Масловский А. Ф. Русская общеобразовательная школа.— Спб., 1900.

- Новое время.— 1895.— 21 марта.
Обзор деятельности ведомства МНП за 1862—1864 гг.— Спб., 1865.
- Отчет лазарета имени Гимназии и реального училища К. Мая.— Петроград, 1915.
- Отчет о деятельности родительского комитета при Гимназии и реальном училище К. Мая.— Петроград, 1916.
- Отчет о состоянии гимназии и реального училища К. И. Мая за 1895—1914 гг.
- Отчет правления «Общества для доставления средств Гимназии и реальному училищу К. Мая» за 1902—1903, 1903—1904, 1905—1906, 1915—1916 гг.
- Паклин Н. Николай Бенуа//Неделя.— 1981.— № 16.
- Петербургская мужская гимназия и реальное училище К. Мая. Проект организации родительских собраний. 1906.
- Пирогов Н. И. Вопросы жизни: Из забытых бумаг//Морской вестник.— 1856.— № 9.
- Полевая М. И. Всему начало красота//Нева.— 1986.— № 6.
- Полевая М. И. «...Знание будет сочетаться с искусством»//Нева.— 1983.— № 11.
- Полевая М. И. На снимке — Николай Рерих//Неделя.— 1984.— № 13.
- Пятидесятилетие школы К. И. Мая.— СПб., 1907.
- Рерих Н. К. Листы дневника. Полвека. Лист 3, 1937.
- Рерих Н. К. Статьи//Русское слово.— № 136.
- Сантов В. Петербургский некрополь.— СПб., 1912.— Т. 3 (М—Р).
- Сидоровский Л. Помним вас, мальчики!//Смена.— 1986.— № 143.
- Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь.— М.: Наука, 1979.
- Советский энциклопедический словарь.— М.: СЭ, 1983.
- Соколов Н. М. Исторический кабинет: Учебно-вспомогательные учреждения гимназии и реального училища К. И. Мая.— СПб., 1913.
- Стоюнин В. Я. Педагогические сочинения.— СПб., 1892.
- Успенский Л. В. Записки старого петербуржца.— Л., 1970.
- Философов Д. В. Майские жуки//Речь.— 1910.— 31 октября.
- Философов Д. В. Юношеские годы А. Н. Бенуа.— ГРМ, ф. 137, ед. хр. 14.
- Френкель В. Я. Яков Ильич Френкель.— М.; Л.: Наука, 1966.
- Цылов Н. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 г.— СПб., 1849.
- Цылов Н. Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев.— СПб., 1862.
- Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга.— Л.: Наука, 1984.
- ЛГИА, ф. 144, оп. 1, ед. хр. 1—86; оп. 2, ед. хр. 1—143.

Содержание

АВТОРЫ — ЧИТАТЕЛЮ	5
Глава I	
РОДСТВО	10
Глава II	
ФЛИГЕЛЬ У НЕВЫ	16
Глава III	
СПЕРВА ЛЮБИТЬ	24
Глава IV	
«РЕАЛЬНОЕ... НА СТЕПЕНИ ГИМНАЗИИ»	34
Глава V	
ТРАДИЦИИ ХРАНЯ И УМНОЖАЯ	42
Глава VI	
ГОДЫ РАСЦВЕТА	52
Глава VII	
НАСТАВНИКИ	72
Глава VIII	
ГОРДОСТЬ И СЛАВА ШКОЛЫ	81
Глава IX	
«МАЙСКИЕ ЖУКИ» ВСПОМИНАЮТ	97
ПОСЛЕСЛОВИЕ	145
ПРИЛОЖЕНИЯ	148
БИБЛИОГРАФИЯ	157

Учебное издание

ЛИХАЧЕВ ДМИТРИЙ СЕРГЕВИЧ
БЛАГОВО НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ
БЕЛОДУБРОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ

ШКОЛА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Зав. редакцией **Н. П. Семькин**
Редактор **Л. Н. Лысова**
Младший редактор **Ю. В. Иконникова**
Художник **В. И. Чечёткин**
Художественный редактор **Е. Л. Ссорина**
Технический редактор **Т. Е. Молозева**
Корректор **Л. Г. Новожилова**

ИБ № 12775

Сдано в набор 27.11.89. Подписано к печати 20.04.90. Формат 60×90^{1/16}. Бум. офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10+1 вкл. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 11,02+1,06 вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1191. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная ордена «Знак Почета» типография им. Смирнова Смоленского облуправления издательства, полиграфии и книжной торговли. 214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.